

ОЛЕГ БЕДАРЕВ

МЫ С ВИТЬКОЙ

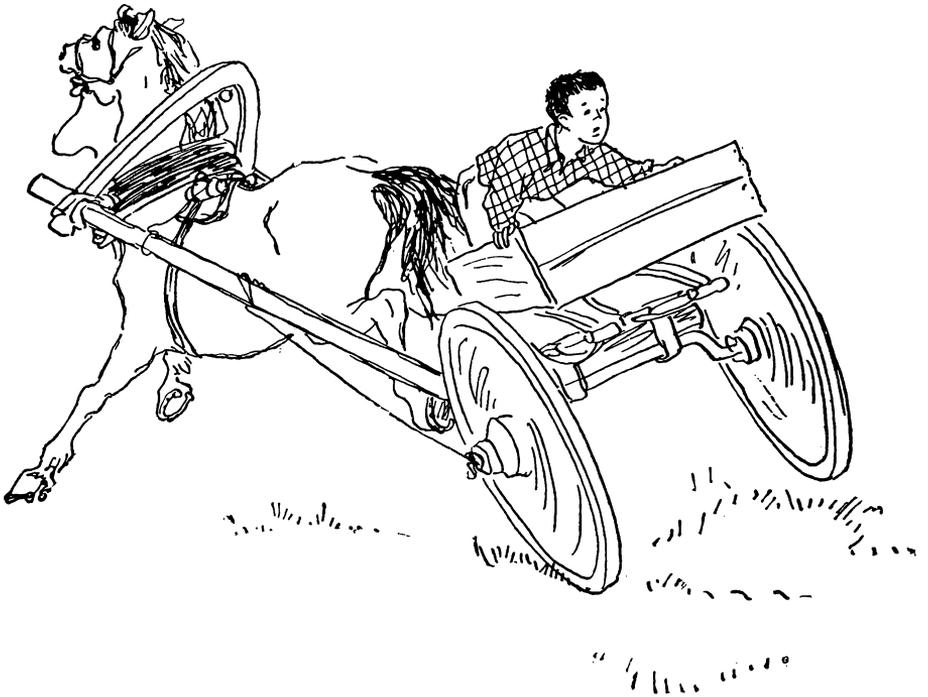
Детиз 1960

Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения
РСФСР

Москва 1960

*

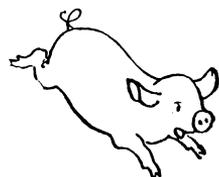
Мы

ОЛЕГ БЕДАРЕВ

С ВУТЬКОЙ

ПОВЕСТЬ

Наверное, невозможно найти мальчика или девочку, которым не хотелось бы пережить интересные приключения, совершить какое-нибудь открытие. Но почему-то многим кажется, что открытия и приключения могут быть лишь где-нибудь в раскалённой пустыне, на Южном или Северном полюсе. Так считали и герои повести Олега Бедарева «Мы с Витькой» — Серёжа и Витька. Однако они стали думать совсем иначе, когда провели каникулы в колхозном селе, в гостях у Витькиных родных.

1. „ОБСТОЯТЕЛЬСТВО МЕСТА“

Когда в соседней комнате слышался раздражённый голос Петра Николаевича, глухо рокотавший, словно отдалённый раскат грома, я уже знал, что через минуту-другую найду своего приятеля Витьку на сундуке в коридоре или в ванной комнате.

Обычно всё происходило как по летнему расписанию пригородных поездов — минута в минуту. Голос за стеной усиливался и усиливался, точно в приёмнике подкручивали реостат громкости, фразы становились короче и резче, наконец последняя раздавалась в коридоре:

— А ну иди, голубчик, прохладись! Я тебе не позволю командовать в доме! Пока я жив, всё будет так, как я считаю необходимым. Понятно?

Дверь захлопывалась. Я выжидал для безопасности несколько минут, а потом входил потихоньку в ванную. Лампочку мы там не включали — хватало света от небольшого окна под потолком, выходившего в кухню. Полумрак ванной больше соответствовал нашему настроению.

— За что тебя? — участливо интересовался я.

— Не знаешь, Сергей, что ли? — отмахивался Витька.

Я, конечно, знал. Мы учились в одном классе. В этот раз на уроке русского языка Витька засыпался на «обстоятельстве места» — не выучил правила и получил двойку. Именно это обстоятельство и возмутило его отца, а после того, как сын стал огрызаться, определило и место охлаждения Витьки — ванную комнату.

Но не это место, не эти обстоятельства наводили нас на грустные размышления. Пожалуй, мы были даже рады оставаться вдвоём в маленькой полутёмной комнате, особенно с тех пор как нам запретили вместе готовить уроки. Витькин отец считал, что вдвоём мы только балуемся и бездельничаем.

В уныние же нас приводило то, что в нашей жизни не происходит ничего интересного. Всё выдающееся совершилось без нас: Революция прошла без нас, Северный морской путь открыли без нас, война прошла без нас... Вот, может быть, ракета на Марс полетит...

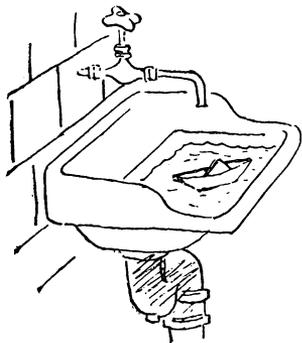
— Это ещё когда будет... — тянет Витька.

— Наверное, скоро! — говорю я.

— Скоро, так нас не возьмут...

— А если возьмут?..

И тут стены раздвигались, исчезали крючки с полотенцами и полки со стаканами, зубными щётками, мочалками, мыльницами, губками. Ванна превращалась то в ледокол, то в ледяные торосы, а газовая колонка становилась машиной корабля или межпланетной ракетой.

Нам ничего не стоило пробиться на своём ледоколе через все северные моря, пройти экватор и врезаться в глубь Антарктиды.

Мы легко отрывались от Земли и улетали на Луну или на Марс.

Но чем дальше мы залетали, тем печальнее было наше приземление. В ванной загорался свет, и появлялась моя или Витькина мама.

— Вот они, дружочки! Опять неплохо устроились! А кто уроки будет готовить?

При ярком свете электричества на нас снова глядели скучные стены ванной, до половины покрашенные голубой масляной краской, закоптелая газовая колонка с грустно опущенным носом крана. И даже поникшие с крючков седые бородатые полотенца словно печалились вместе с нами. А мы шли читать географию, историю, решать задачи и примеры, писать сочинения.

Хорошо взрослым! Им не надо учить уроки, их никто не заставляет. Что захотел, то и делай. Хочешь — иди в кино, хочешь — гуляй, отправляйся на каток, поезжай за город. И у каждого из них в жизни было что-нибудь настоящее. Им, конечно, легко рассуждать!

Возьмите хотя бы Витькиного отца. Он первое метро в Москве строил. У него до сих пор метростроевский значок хранится. Да что Витькин отец — моя мама, такая тихая, рассудительная, а начнёт рассказывать, как сама была маленькой, так слушаешь и удивляешься! Неужели и правда такое интересное детство бывает?

Они и с мальчишками дрались, и в походы ходили на лыжах, а ещё с уроков на реку или на каток удирали. У нас только попробуй что-нибудь такое сделать, так потом разговоров не оберёшься. Вот я в прошлом году перед уроком немецкого языка классную доску парафином натёр. Приходит наша Герта Иосифовна, говорит:

— Дети, тише! На прошлом уроке мы с вами изучали глагол «хабен»...

Берёт мел. Чирь-чирь-чирь по доске. Перевернёт мел, опять чирь-чирь-чирь, и ничего не видно. В клас-

се, конечно, смех. Герта Иосифовна ушла, хлопнула дверью. Ну подумаешь, великое происшествие — не было одного урока немецкого языка! Всё равно никто ничего не знает по-немецки.

А тут, батюшки-матушки мои, как пошло! Сначала завуч появилась:

— Ребята, это срыв урока, нарушение учебной дисциплины!

Вожатый прибежал. Сам директор пришёл:

— Ребята, тот, кто сделал это, вредит всему классу. Вы должны сказать, чья это работа.

Все молчат как рыбы. Директор на своём настаивает:

— Нельзя выдавать товарища, это я понимаю. Но тот, кто мешает заниматься всему классу, не может считаться вашим товарищем.

Люська Семёнова не выдержала и ляпнула про меня. Она видела, как я этим делом занимался. Так после я целый месяц покоя не знал ни в школе, ни в отряде, ни дома. Будто пилой пилили: чуик-чуик, чуик-чуик! В школе — вожатый, классный руководитель, а придёшь домой — мама: чуик-чуик, чуик-чуик!

Или в прошлом году летом мы с Витькой были в пионерском лагере. Чуть ли не весь месяц за ручку ходили. Речка — переплюйка, воробью по колено, а вожатый так и крутится, словно ястреб:

— Не уходите далеко! Купайтесь возле берега! Докторша шумит:

— Дети, долго купаться вредно. Одевайтесь!

В футбол играть — по часам. В лес на прогулку — по часам. Возле костра соберёмся: два притопа, три прихлопа, какая-нибудь Милочка стишок расскажет, а потом с девчонками хоровод води.

Один раз интересное дело началось — военная игра. Мы с Витькой разведчиками были. Забрался он на дерево и кричит мне:

— Нас обходят!

Стал спускаться, не удержался за сучок и шлёп-

нулся на землю. Конечно, ногу повредил немного, хоть и не с самой вершины упал. Что тут было!

Кроме Витькиных родителей, понаехали из райкома, из горкома. Витьку повезли в Институт Склифосовского. А он хохочет. Его там просвечивали и нашли, что какая-то мелкая косточка треснула. Не знаю, так оно или не так, а через неделю Витька в футбол вовсе гонял, и ничего не трещало, не хрупало в ноге.

В лагере совещания, заседания. Старого вожатого сняли, приехал новый и ещё пуще прежнего началось: «Не отходите далеко от берега!», «Не купайтесь долго!», «Не ходите в лес одни!»

И всё это будто бы для нас самих, для нашей пользы. Забыли небось, что им в детстве на пользу было, а что во вред. Я как-то сказал маме:

— Сама рассказывала, какие вы шутки в школе проделывали, а на меня кричишь...

Так потом не рад был, что и сказал. Как принялась мне мама доказывать!

— Мы, — говорит, — были глупые. У нас другое время было. На нас было некогда родителям внимание обращать. Я хочу, чтобы тебе лучше жилось, чем мне.

Все, выходит, лучше нас знают, что нам хорошо, что плохо. Даже дворник, дядя Федя, и тот о нашей пользе заботится, когда нас со двора выгоняет.

— Для вас же лучше. Ценили бы. В наше-то время мелкоте условий таких не предоставляли, да и то в люди выбивались. А у вас всё есть. Так учились бы лучше, чем мяч-то по двору гонять да день-деньской на собаках шерсть бить...

Вот уж чего я никогда в жизни не пробовал!

Одним словом, однажды мы с Витькой решили, что так больше жить нельзя.

— Надо ехать! — сказал я.

— Надо ехать! — отозвался с готовностью Витька.

Совершенно ясно: путь наш должен лежать на Север. Это единственное на земле место, где ещё оста-

лись настоящие трудности для открывателей. Кроме того, мы были глубоко убеждены, что там, на Севере, если как следует поискать, ещё можно найти новые земли. Если не материка, то, во всяком случае, мелкие острова где-нибудь под снегом должны быть.

Скоро мы поняли, что экспедиция потребует жертв, но это нас не остановило. Деньги, выданные в воскресенье на кино, мы истратили на компас. С огромным трудом удалось достать старенькую физическую карту СССР. Правда, её пришлось основательно подклеить, но зато теперь у нас было основное пособие для экспедиции. На карте большой красной звездой обозначена Москва, следующий населённый пункт — Ярославль, потом Архангельск...

От Архангельска мы переплывём на полуостров Канин. Оттуда, когда море замёрзнет, на лыжах и на собаках выйдем на Новую Землю, потом на Землю Франца-Иосифа и дальше будем продвигаться в зависимости от обстановки...

2. П Р И З Е М Л Е Н И Е

Кто хоть раз в жизни отправлялся в дальний путь, тот знает, как это здорово. Нет, даже самое начало путешествия никогда не забудешь! А мы это всё с Витькой пережили.

Ярославский вокзал. Позади хлопоты с покупкой всего необходимого на дорогу до Архангельска. Вот он, первый поезд. Пусть это всего-навсего электричка до Загорска, но ведь это тот самый поезд, который откроет нам путь в неизведанные края, края нехоженых дорог и ледяных пустынь.

Первые удары колёс... Какую чувствуешь лёгкость! Снимаешь рюкзак, садишься на скамейку, смотришь в окно. Прощай, старая однообразная жизнь! Впереди — новая, полная тревог и бесконечной смены впечатлений.

Третий километр. Яуза... Знакомые очертания Москвы. Вдали виднеются дома, ворота Сельскохозяйственной выставки. Воспоминания роем проносятся в голове, а вместе с воспоминаниями в сердце приходит грусть.

Северянин... У переезда стоит симпатичный московский автобус. Он будто вышел специально к поезду, чтобы пожелать нам счастливого пути. А на круге — сине-жёлтый девятый троллейбус. Вот он закончил посадку и побежал в город: на Сельскохозяйственную выставку, к Рижскому вокзалу, на Колхозную площадь, в центр. Он немного не дойдёт до нашего дома...

Нет, об этом лучше не думать. Я чувствую, как в носу у меня щекочет. Гляжу на Витьку и замечаю слёзы на его глазах. Этого ещё не хватало! Путешественник обязан смотреть вперёд, а не назад...

И вот всё это кончилось, оборвалось. Мы с Витькой снова сидим в ванной и, по правде говоря, очень хочется зареветь. На этот раз дверь закрыта снаружи на задвижку. После того как меня и Витьку из Александрова привёз милиционер и сдал родителям, нас посадили и заперли.

Выйти отсюда дело пустяковое, раз плюнуть. Окошко легко вынимается. Стать на ванну, потом на кронштейн газовой колонки, вынуть раму, и вылезай себе спокойненько на кухню, а дальше — куда хочешь. Но дело не в этом.

Наша чудесная экспедиция продолжалась всего-навсего три дня. Преодолели мы немногим более ста километров пути. Наши рюкзаки с необходимыми припасами и наши деньги — все пятьдесят два рубля сорок копеек — конфискованы в милиции и теперь переданы родителям. Планшет с картой и компас — у Витькиного отца.

— Приземлились! — беснуется Витька, отчаянно жестикулируя. — Говорил же я, говорил...

— Что ты говорил? — сердито переспрашиваю я.

— Говорил, надо лучше подготовиться...

— Брось ты ныть! Если нас поймали, так это случайность.

— Случайность! — не унимается Витька. — Предусмотрели бы всё, тогда и не было бы этой случайности.

— Кабы знал, где упасть, соломки бы подстелил...

Не нравятся мне Витькины рассуждения. Не так уж всё плохо. Сейчас у ребят на дворе, наверное, только и разговоров, что про нас. Я слышал, несколько разведчиков уже звонили в наши двери, но их всякий раз выпроваживали, и не очень вежливо. А нам с Витькой будет что порассказать ребятам. Зря Витька ноет.

Меня лично в эти минуты больше всего волнует совещание, происходящее в соседней комнате. Кроме наших родителей, там сидит самая вредная соседка, Варвара Алексеевна, и ещё приезжий — Василий Никанорович, Витькин дядя. Из комнаты иногда доносится приглушённый рокот голосов: говорят все вместе. Мне понятно: на этот раз мы действительно задали им задачку. Правда, что с нами делать?

Во всяком случае, я над этим голову ломать не со-

бираюсь. Не стоит забегать вперёд. Надо терпеливо ждать конца совещания. А пока, засунув руки в карманы, я насвистываю песенку про весёлый ветер.

За этим занятием я не услышал, как щёлкнула задвижка и отворилась дверь. Я заметил Тамару Ивановну, Витькину мать, только услышав её голос.

— Я вижу, вы не очень убиты горем, — сурово заметила она, искоса поглядев на меня.

Дело приняло совершенно неожиданный оборот. Зря ломал голову Витька, стараясь предугадать решение взрослых. Я убедился на опыте, что это невозможно. Даже если ты придумаешь тысячу вариантов, они найдут тысячу первый. Так случилось и на этот раз.

Как только мы вошли в комнату, я сразу обратил внимание на раздумывавшееся лицо моей мамы. Отец Витьки нервно расхаживал взад и вперёд по комнате, потирая руки. Эта примета тоже не предвещала ничего доброго.

Мы стали у самого косяка двери и опустили головы. Что говорить, нам, конечно, совестно обоим. И очень хочется шмыгнуть мимо Тамары Ивановны в дверь, которую она загораживает своей довольно мощной фигурой.

После продолжительной паузы, к нашему удивлению, заговорил не Пётр Николаевич, не Тамара Ивановна, не моя мама, а приезжий — Василий Никанорович.

— Так вот, молодцы хорошие, — начал он не спеша, изучая нас обоих весёлым пристальным взглядом, — мы тут долго толковали. Поступок вы совершили, конечно, свинский — удрали из дому, никого не предупредив. Очень плохо! Но одна штука вроде бы смягчает вашу вину. Вы ведь перед собой ставили благородную цель. Хотели послужить человечеству на очень трудном поприще: изучить районы дальнего Севера, труднодоступные и суровые. Так я говорю?

— Так, — несмело подтвердил Витька, переминаясь с ноги на ногу.

А я на всякий случай возразил:

— Да, предупреди мы только, хоть намекни чуточку, нам бы и до Александра не доехать. Отругали бы — и в ванную...

— Не думаю, — перебил меня Василий Никанорович. — Если бы вы доказали, что вполне готовы к такому важному предприятию, никто бы не запретил ехать. А вы поступили опрометчиво. Поэтому, собственно, ваша экспедиция и провалилась в самом начале.

Я глянул на Василия Никаноровича с нескрываемым удивлением. В его тоне я уловил нотку сочувствия. У меня даже шевельнулось в душе что-то похожее на симпатию к этому человеку. А он тем временем продолжал, тогда как все остальные упорно молчали:

— Мы обсудили создавшееся положение и пришли к выводу: вас не стоит наказывать. — После этих слов Василий Никанорович обвёл взглядом всех присутствующих взрослых, как бы приглашая их подтвердить только что сказанное. — Мы, наоборот, должны помочь вам как старшие, имеющие некоторый жизненный опыт...

Я плохо соображал, к чему клонится дело.

— Итак, решено: мы, взрослые, имеющие большие возможности, должны помочь вам, — между тем говорил Василий Никанорович.

И мне вдруг показалось, что я начинаю угадывать ход его рассуждений. Теперь я уже ждал скучных слов, из которых в конце концов выйдет, что во всём виноваты мы и поэтому должны признать свою вину. Признать и дать соответствующие обещания.

Всё шло, как я предполагал. Василий Никанорович уже выруливал на проторённую, давно знакомую дорожку: нам хотят помочь, подать добрые советы. Путешествие — дело трудное, требует длительной подготовки, больших знаний. Я предвидел и вывод: необходимо учиться, приобретать знания. Следом — зна-

менитая фраза, что нам предоставлены все возможности...

Я посмотрел на Витьку. Он тоже стоял, грустно опустив глаза и привалившись поудобнее к косяку. Но тут, к моему великому удивлению, Василий Никанорович повернул совсем в другую сторону. Я даже растерялся, почувствовав себя на совершенно незнакомой дороге.

— Самым большим недостатком в вашей подготовке к работе в условиях дикого Севера я лично считаю отсутствие должной тренировки, — подытожил Василий Никанорович, — поэтому вам необходимо предоставить возможность проверить свои силы. Было мнение направить вас в пионерский лагерь, но, мне кажется, это отвлечёт вас от прямой цели. Я предлагаю другое: вы поедете ко мне в деревню на все каникулы. Это не совсем Север, но, во всяком случае, довольно северный район. Там вы сумеете провести необходимую тренировку с тем, чтобы на следующее лето, если будете чувствовать себя достаточно подготовленными, двинуться в далёкий путь.

При этих словах Витькин отец криво улыбнулся. Он, конечно, был уверен, что, сколько бы мы ни тренировались, сколько бы ни готовились, из нас всё равно ничего не выйдет. Разве он мог поверить в наши силы и возможности!

— Согласны ли вы с таким решением вопроса? — спросил Василий Никанорович. — Я, конечно, не сумею уделить вам много времени, но посильную помощь в тренировке окажу.

Что это значит? Я боялся, что наш будущий тренер чего-то не досказал. Не могла моя мама добровольно дать мне полную свободу. Витька тоже растерянно смотрел на своих родителей. Но и моя мама и родители Витьки хранили молчание, как будто заранее сговорились держать нас в полном неведении.

— Согласны ли вы поехать ко мне на лето для

тренировки? — в упор обратился к нам Василий Никанорович.

— Согласны... — неуверенно ответили мы оба вместе, недоуменно поглядывая то на взрослых, то друг на друга.

— Ну вот, я был уверен в благоразумии ребят! — сказал Василий Никанорович, казалось, очень довольный результатом разговора.

3. С НОВА В ПУТЬ!

Василий Никанорович был, пожалуй, первым в моей жизни взрослым, который правильно понимал нас, считался с нашими желаниями. Это был настоящий, серьёзный человек.

Вот скажите: милиционеры — серьёзные люди? Я считал, что постовой никогда не шутит, не улыбается. Если говорит, то не как все, а приказывает. Он свистит, прикладывает руку к козырьку, требует. Я убеждён, что в милиции служат именно такие люди. А что получилось? Когда нас в Александрове сняли с поезда и привели к начальнику милиции, так он слушал нас и хохотал. Да ещё хвалился, что в этом году снимает уже четвёртую экспедицию.

Нет, не таков Василий Никанорович. Он даже не разрешил никому вмешиваться в наши сборы.

— Ребята собирались в далёкие северные моря, — сказал он маме с укоризной, — а вы хотите что-то переделывать. Ничего не надо. Того, что они взяли с собой, вполне должно хватить в пустяковом тренировочном путешествии...

После этого наши рюкзаки, планшетка с картой и компасом были выданы нам в том виде, в каком привезли мы их из Александрова. Мама тут же вернула мою гордость — складной перочинный ножик с двумя лезвиями, отвёрткой, шилом и штопором, купленный мной на собственные сбережения.

На вокзал мы тоже отправились совершенно одни. Никто нас не провожал и не давал никаких напутствий. Мне даже показалось немного обидным, что мы так просто покидаем Москву.

На первой же большой станции дядя Вася сунул Витьке в руки чайник и послал за кипятком. «Ага,— сразу подумал я, — одного посылает. Всё-таки боится пустить вдвоём».

— Что, и тебе охота пробежаться? — будто угадал мои мысли дядя Вася. — Валяйте вдвоём. Только узнайте у проводника, сколько времени поезд стоит. Не отстаньте.

Мы выскочили из вагона и направились вперёд по ходу поезда. Кипятильник находился как раз напротив нашего паровоза. Прежде всего мы и остановились посмотреть на красавца серии «СУ» — большеколёсного, зелёного и такого быстрого.

Когда мы наконец набрали кипятку, то услышали позади себя протяжный гудок этого самого красавца. Обернулись и остолбенели. Паровоз медленно и плавно двинулся вперёд, с напряжением вытягивая кривошип и усиленно пыхтя.

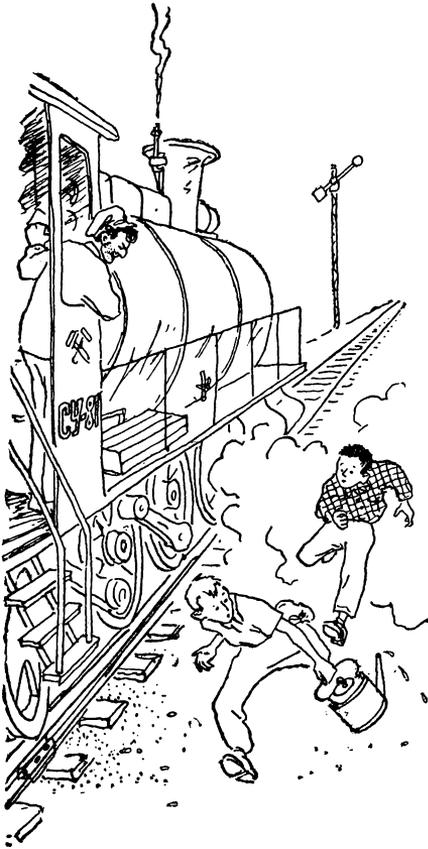
Мы кинулись к составу. Я бежал сзади, а Витька прыгал впереди, стараясь балансировать чайником, полным кипятку.

— Беги к первому вагону! — крикнул я. — В свой не успеем.

Приятель не расслышал и повернулся ко мне, загордив дорогу. Мы столкнулись.

— Беги! Чего рот разинул! — обозлился я.

Витька двинулся было снова вперёд, но зацепился за шпалу и рухнул на землю. Чайник отлетел в сторону, плеснув кипятком на мою ногу. Я издал звук, похожий на сигнал отправления нашего паровоза, и запрыгал на одной ноге. Мимо нас уже проплывал четвёртый вагон. Поезд набирал ход. Я легко представил, с какой скоростью будет идти мимо наш одиннадцатый вагон.

Я схватил теперь уже пустой чайник и налегке побежал дальше, подтолкнув приятеля, успевшего подняться. Чьи-то руки схватили Витьку, потом легко подняли и меня на площадку вагона.

— Эх вы, горе-путешественники! — произнёс весёлый низкий голос.

Я увидел подполковника в лётной форме, а рядом с ним проводника, сердито говорившего Витьке:

— Из какого вагона?

— Из одиннадцатого.

— С кем едете?

— С дядей, — несмело ответил Витька, наверное опасаясь, что нам снова не поверят, как тогда, в Александрове.

И у меня в голове мелькает подобная мысль, но я уверен, что присутствие дяди на этот раз можно доказать. Ведь тогда, в Александрове, мы с милиционером долго ходили по всем вагонам и по вокзалу, но дядю так и не нашли.

— «С дядей»! — ворчит проводник. — Вот пойти с вами, да и рассказать дяде, как вы себя ведёте! Ведь могли под колёса угодить. Хорошо, товарищ подполковник заметил да забросил на площадку.

— Ногу-то здорово ошпарил? — наклоняется ко мне подполковник.

— Нога ничего, — тороплюсь я заверить нашего спасителя, — а вот из-за чего ходили — кипяток весь разлили.

— Кипяток ерунда, — говорит проводник, — за ним нечего было и ходить: У меня в служебном отделении два ведра, заходите да берите.

Мы обрадовались, быстро налили чайник и, поблагодарив проводника, пошли. Переходя с одной площадки на другую, добрались до своего вагона. Мы ожидали взбучки, но дядя опять удивил нас.

— Вот и кипяточек, — заулыбался он, поднимаясь нам навстречу и потирая руки, — в дороге золотое дело горяченьким чайком побаловаться.

Он предложил соседям по купе пользоваться кипятком. Раскрыл небольшой чемоданчик и стал выкладывать самые разнообразные домашние закуски.

— Заварка-то у вас есть? — спросил он неожиданно.

Чаю ни у меня, ни у Витьки не было.

— Как же это вы? В далёкий путь — и без щепотки чаю! Хотя не знаю, может, так полагается для лёгкости, когда на Северный полюс двигаешь?..

Ошпаренная нога сильно болела. Покончив с чаем, я полез на свою верхнюю полку, достал из рюкзака баночку вазелина и принялся натирать покрасневшую кожу.

— Что это у тебя? — спросил дядя Вася.

— Кипятком немного... — уклончиво ответил я.

А Витька вдруг прыснул.

— Как же это получилось? — любопытствовал дядя Вася.

Витька не удержался и пустился в подробное описание происшествия. Он то и дело хохотал. Смеялся и дядя Вася. Я тоже улыбался, хотя мне было совсем не до смеха: нога болела всё сильнее. А ещё мне казалось, что Витькина откровенность не пойдёт нам на пользу.

Мои опасения полностью подтвердились на следующей же большой станции. Дядя Вася не пустил нас прогуляться, а пошёл сам.

— Вы и впрямь отстанете от поезда, а мне потом хлопоты, — заявил он. — Не будем лишний раз испытывать судьбу.

— Вот видишь! — напустился я на Витьку, как только наш спутник вышел из вагона. — Вечно лезешь со своим длинным языком! Теперь до самого конца из вагона носа не высунешь.

Витька молчал, понимая свою вину, и даже не пытался оправдываться. Дядя Вася вернулся очень скоро и принёс жирную, хорошо зажаренную курицу.

— Станция Долотово славится дешёвым базаром и особенно курами, — объяснил он соседям, а нам сказал: — Смотрите, какой у нас славный обед будет.

Пообедали мы действительно на славу. Потом разлеглись по полкам кверху животами. Я непременно заснул бы, но Витька вдруг хитро подмигнул мне и обратился к нашему тренеру:

— Дядя Вася, вот вы сказали — судьбу испытывать. Разве она машина или аппарат какой, чтобы её испытывать?

Василий Никанорович улыбнулся.

— Ох, и хитёр ты, Виктор! — сказал он, а немного подумав, весело добавил: — А всё-таки лишний раз судьбу испытывать не надо. Послушайте вот...

4. ИСПЫТАНИЕ СУДЬБЫ

— Случилось это ещё в то время, когда я был молодым парнем и работал в одном совхозе слесарем, — неторопливо начал Василий Никанорович. — Как-то к нам в мастерскую прибежал директор, красный, взволнованный. «Давай, — кричит, — бери инструмент,

какой ни попало, и поедем ко мне домой — сын голову защемил». Как защемил? Где защемил? Ничего понять невозможно.

Захватил я пилу-ножовку, пару напильников, молоток, ну, там плоскогубцы и другую мелочь. Сели в машину. Директор кричит на шофёра, чтобы тот гнал быстрее. Машина — открытый «козёл» — бежит и так что есть духу, скачет по ухабам, словно и правда горный козёл, того гляди, выкинет.

Грязь из-под колёс в обе стороны веером разлетается. Куры с истошным криком бегут прочь, летят, хлопая крыльями. Картина!

Подъезжаем к директорскому домику. Уютный такой двухэтажный домик с балконом на южную сторону. Под балконом — толпа. На балконе — тёща, пожилая женщина, и жена директора. Обе хлопочут возле мальчонки лет четырёх. Мальчонка сам-то на балконе, а голову продел сквозь чугунные перила, да так, что назад вытащить не может.

«Юрик, давай ещё раз попробуем», — просит директорша сына.

«Бо-о-о-ольно!» — кричит Юрик, плачущий уже не столько от боли, сколько от страха всю жизнь прожить вот так, с головой в балконной решётке.

«Внучек, родименький мой, — суетится бабушка, — давай теперь головушку вот эдак — в сторону да вниз...»

И бабушка производит новую попытку освободить голову ребёнка. Но тот немедленно реагирует воплем на всю улицу:

«Не хоцу-у-у!»

Толпа, собравшаяся внизу, тоже не остаётся безучастной. Оттуда то и дело доносятся голоса:

«Вы его ташшыте, ташшыте...»

«Юра, ты её, голову-то, бочком, бочком...»

Мальчик поворачивает голову боком. Мама и бабушка тщетно селятся протолкнуть её сквозь перила. Снова слёзы и крик.

«Сынок, — опять советует кто-то снизу, — ты её спервоначалу вниз, а после эдак выкрути да избочь...»

«Не хоцу-у-у!» — орёт мальчонка.

«Юрочка, Юрик, внучек мой ненаглядный, — причитает бабушка, — ну попробуй, родимый, ещё!..»

Но внучек охрип от крика и устал от бесконечного количества способов, испытанных на своей собственной шее. Я вижу, что на меня, как говорится, вся Европа смотрит. Придётся потрудиться, так как решётка отлита по дедовскому фасону — каждый прут чуть ли не в руку толщиной.

Поднимаюсь на балкон. Теперь нас собралось здесь уже четверо. Папа включается в работу и пробует на сыне свои способности: головка набок, головка вниз, вниз и набок, набок и вверх. Снизу всё чаще раздаются голоса, требующие решительных действий.

«До каких же пор можно ребёнка мучить?» — спрашивает нетерпеливый женский голос.

«Эдак же он зайдётся!» — кричит другая женщина.

Я уже и сам понимаю, что настало моё время приниматься за дело. Раскрыл сумку, достал ножовку. Но, как только я просунул ножовочное полотно и стал приспособливаться поудобнее, Юрка, с любопытством наблюдавший за моими приготовлениями, вдруг спросил:

«Пилить будешь?»

«Ну да!» — ответил я как можно более бодро и весело, совершенно не подозревая, что из этого выйдет.

Глаза мальчика округлились от ужаса. Он дико взвизгнул, рванулся, и никто не успел глазом морг-

нуть, как голова его освободилась из чугунных объятий.

Юрочку успокоили, объяснив, что дядя собирался пилить решётку, а не шею, и он перестал кричать. Толпа внизу стала расходиться. Мамаша и бабушка, бесконечно радостные, тискали своего ненаглядного Юрочку. Я складывал инструмент в сумку и улыбался, довольный, что не пришлось трудиться.

Через минуту всё снова зажило безмятежной жизнью. Хозяйки накрывали на стол, прямо напротив открытой балконной двери.

— Пообедай с нами, уж коли такое дело, — пригласил меня на радостях директор.

Я с удовольствием уселся за стол, на котором уже поблёскивал гранёными боками довольно вместительный графинчик.

Настроение само собой становилось праздничным. На столе появлялись новые и новые удивительные закуски. Юрик переходил из рук в руки. Папа шутило грозил ему пальцем. Счастливая мама нежно целовала маленького озорника. Бабушка добродушно ворчала. А тёплый июльский воздух врывается через открытую балконную дверь и тихонько шевелит занавеску.

Рюмки были налиты, закуски разложены по тарелкам, оставалось только произнести тост...

Но бабушка, как и все старые люди, всё ещё запоздало переживала недавнее происшествие.

«И как же ты это, внучек родимый, головушку-то вставил?» — спрашивала она, пододвигая тем временем миску с маринованными грибами поближе к зятю.

И, прежде чем кто-нибудь успел сообразить, за бабушкиной спиной, на балконе, прозвенел счастливый голосок внука:

«Вот так!»

А когда мы глянули на балкон, то увидели Юрика в той же позиции, что и полчаса назад, то есть с головой, продетой сквозь чугунные перила.

Рюмки так и остались на столе невыпитыми, а закуски на тарелках нетронутыми. Мы снова очутились на балконе. Толпа внизу уже через пять минут волновалась, как прежде. Оттуда снова подавались советы, но теперь уже подкреплённые веским доводом:

«Первый-то раз вынулась!»

И хотя это было так, но теперь уже ничего не помогало. И сам Юрик несколько раз просил меня:

«А ты пили, дядя».

Ещё и ещё попытка, но всё безрезультатно. Голова на этот раз так надёжно застряла между чугунными прутьями, что я уступил настояниям Юрки и, поплевав на руки, принялся за работу.

Вот и выходит, что нельзя дважды испытывать судьбу. Раз на раз не приходится.

Мы с Витькой давимся от смеха. Соседи в вагоне хохочут чуть не до слёз, а дядя Вася и виду не показывает. Даже не улыбается.

5. „СЛЕЗАЙ, ПРИЕХАЛИ!“

Вышли мы из вагона следующей ночью.

Одинокие постройки станции неясно выступали мрачными глыбами в предрассветном мареве. Дальше, за станцией, чуть виднелась кромка леса. Дядя Вася почему-то назвал это пустынное и глухое место районным центром. Очень холодно. Поминутно тянет на зевоту, а когда я зеваю, то челюсти сводит и скулы мелко дрожат.

Василий Никанорович сделал несколько взмахов руками, как на зарядке, и со вкусом произнёс:

— Эх, до чего же хорошо здесь! Воздух-то какой! Благодать!

Но я не разделяю его восхищения. Сейчас я отдал бы многое, чтобы очутиться в Москве, в своей комнате, под тёплым одеялом и на мягкой подушке. Смотрю

на Витьку. Его тоже выламывает, он то и дело тянется и зеваает.

— Сам городок отсюда километрах в полутора, на западной стороне реки, — сказал дядя Вася, показывая рукой на темнеющую кромку леса. — Мне туда так и так надо заходить, а вам лишний крюк совсем делать незачем. Наша деревня Ерёмово находится в противоположной стороне.

И дядя Вася показал на восток, где над горизонтом всё больше светлело небо.

— Вы обратно через станцию пойдёте? — быстро сообразил я, решив немного вздремнуть где-нибудь здесь, на станции, пока дядя Вася ходит в город.

— Речь идёт не обо мне, о вас. Я из города пойду прямой дорогой, а вам нечего зря время терять — отсюда и валяйте напрямик.

Василий Никанорович по-деловому произвёл расчёт: четырнадцать километров пути до Ерёмова, по четыре километра в час, — три с половиной часа; два привала, малый — пятнадцать минут, большой — полчаса, — сорок пять минут. Он ещё посмотрел на часы и, что-то подсчитав в уме, добавил:

— Я вас точненько на последнем километре догоню. У меня ноги тренированные.

Он уже совсем собрался уходить, но вдруг вспомнил:

— У вас рюкзаки не сильно наполнены, а тренироваться лучше с бóльшим грузом. Да и мне неудобно с двумя местами. Давайте вот эту стопку книг разделим на три части. Я свою как-нибудь заложу в чемодан, а вы — по рюкзакам.

Пришлось и на это согласиться. Пока мы запихивали книги, я тоскливо обдумывал наше положение. Витька, видимо тоже мучительно искавший выхода, обратился к дяде Васе:

— А как же мы пойдём? Ведь дороги-то не знаем.

— Как это не знаете? — удивился тот. — А карта, а компас?

Мы стояли молча. О том, как пользоваться картой и компасом, мы имели весьма смутное представление, хотя и слушали когда-то в классе объяснение учителя. Кроме того, на нашей карте не было не только деревни Ерёмово, но даже и этой станции, и самого районного центра. Я развернул перед Василием Никаноровичем наше сокровище. Он чиркнул спичкой и, освещая карту, склонился над нею.

— Да-а, — вздохнул он, — по этой карте и впрямь мудрено найти дорогу. А как же вы собирались на полюс?

— Мы не на полюс, — возразил я.

— Полюс-то здесь обозначен, — пробурчал Витька.

— Может быть, для северной экспедиции так и полагается, — охотно согласился дядя Вася, — не знаю точно, не приходилось бывать...

Мы смущённо переминались с ноги на ногу, робко поглядывая на дядю Васю.

— Что же делать будем? — спросил наконец он и, так как мы молчали, ответил сам: — Выходит, вам со мной придётся топать.

Мы подняли сильно потяжелевшие от книг рюкзаки и пошли за дядей Васей. Он где-то на дороге поднял палку и, забросив чемодан за спину, легко шагал по едва заметной тропинке впереди нас.

Я шёл позади, и злость одолевала меня. Нужен нам этот идиотский компас, нужна эта дурацкая карта! Только осрамились перед дядей Васей.

Я сердился на Витьку, на нашего упрямого длинноногого тренера, размахисто шагавшего впереди, сердился на себя и на весь свет.

Так мы шли, как мне казалось, бесконечно долго. Пересекли лес, и перед нами открылся пологий спуск к реке. Уже немного рассвело, и были видны постройки за рекой, трос, висевший над водой, и паром, причаленный у противоположного берега.

— Погодите, я взгляну — может, тут лодчонка

есть, а то ждать парома долго, — сказал дядя Вася и скрылся в мелком прибрежном кустарнике.

Я немедленно сбросил рюкзак и положил на него голову, решив немного поспать прямо здесь же, на песке. Но разве могло что-нибудь хорошее произойти в это неудачное утро! Не успел я закрыть глаза, как услышал над собой голос дяди Васи:

— Э-э, так не годится! Только хуже разморит. Лучше пойдите к реке да умойтесь. Легче станет.

Пришлось подниматься. Встал и Витька, успешный прикорнуть рядом со мной. Мы пошли, вернее потащились к реке.

Где-то на той стороне пропел петух, откликнулся другой. Тявкнула собака. Промычала корова недовольно и глухо. И все эти звуки гулко катились над рекой, над которой уже поднимался редкий утренний туман.

— Э-хэй! На па-ро-ме-е! — кричал с бревенчатого причала Василий Никанорович, сложив руки рупором около рта.

Я опустил руки в реку, и вода показалась мне тёплой. Плеснул на лицо, плеснул ещё раз и почувствовал, как мою сонливость будто рукой сняло. Даже засмеяться захотелось. До чего же хорошо! Рядом плескался и отчаянно фыркал Витька. Он, видимо, тоже приходил в себя.

У дяди Васи начались длинные переговоры с кем-то на той стороне реки. Человек, которого не было видно, охотно откликался, но упорно отказывался давать паром. Торопливое эхо, словно шутя, передразнивало сперва дядю Васю, потом невидимку-паромщика.

— Пе-ре-во-зи-и, во-дя-ной! — кричал дядя Вася.

А эхо повторяло: «...ной! ...ной! ...ной!»

— Жди-и-и, ско-пом с под-во-дой! — откликался паромщик с противоположного берега.

И эхо с готовностью несколько раз перекидывало последние слоги: «...во-дой! ...во-дой!»

— Слышь, Серёга, — засмеялся Витька, — водой советует, водой. Здорово, да?

— Лодку гони-и-и! — надрывался дядя Вася.

— Много ли вас? — допытывался всё тот же равнодушный голос паромщика.

— Двое, — почему-то уменьшил наш спутник.

Наконец мы увидели на той стороне человеческую фигуру. Она отделилась от стены небольшого рубленого дома и теперь стала заметной на фоне песчаного берега. Скоро по реке скользила, высоко задрав нос, плоскодонная лодка. Гребец стоял в корме и сильными ударами единственного весла направлял плоскодонку к нашему берегу.

Я боялся, что лодочник немедленно повернёт обратно, увидев трёх человек вместо двух, и поэтому держался в тени кустов. Если обман обнаружится позже, когда лодка причалит к берегу, то я хоть и со скандалом, но переправлюсь. А в том, что произойдёт скандал, я был совершенно уверен.

И чем лодка ближе подходила к берегу, тем я меньше в этом сомневался. Надо было только видеть лицо гребца с длинным крючковатым носом и округлой чёрной бородой, чтобы представить, как он будет разговаривать с нами.

Лодка с разгона вылезла носом на песок. Бородастый лодочник, опершись на весло, легко выпрыгнул на берег. И теперь он шёл навстречу дяде Васе, улыбаясь чуть прищуренными глазами и показывая два ряда крепких зубов.

— Никанорычу, наше вам почтение. Откуда так раненько? Поди, с поезда?

И наш Никанорыч улыбнулся. Двое мальчишек на их месте непременно поговорили бы на кулаках. Нет, эти двое вовсе не собирались драться.

Они поздоровались, крепко пожав руки. Лодочник достал из кармана синий кيسет, аккуратно сложенную газету и подал дяде Васе. Усевшись тут же на песке, оба скрутили сигарки, закурили и, смачно за-

тягиваясь, завели беседу, как будто всю жизнь ожидали этой приятной встречи.

— Крепачок, — оценивает дядя Вася качество табака, выпустив из носа две синеватые струйки дыма и прищулив правый глаз.

— С крайней гряды, — сообщает довольный хозяин табака.

До меня тоже доносится дым сигарок. От одного запаха мне становится не по себе.

— Всё самосадам балуешься?

— Нешто один его можно? — многозначительно замечает чернобородый лодочник. — Ни за что не сдюжишь. Я его пополам с маршанской мешаю.

— Маршанская — оно хорошо, — соглашается дядя Вася.

— Знамо дело. Оно свой дух придаёт и скус.

— Вкус знатный.

— Оно прочишат и осаживают, особливо натошшак...

Я выхожу из кустов, пренебрегая осторожностью. Теперь мне всё равно, какое действие на лодочника произведёт появление лишнего человека. Я всё равно в лодку сяду.

— Э-э, да у тебя их двое! — замечает моё появление лодочник.

Вот теперь, наверное, начнётся перепалка. И я на всякий случай спешу занять место в лодке. А сзади слышу всё те же спокойные речи, только разговор теперь идёт о нас с Витькой.

— Этот, повыше, — мой племянник, двоюродного брата Петра сын, а этот, покороче, — его приятель. Петра-то нашего ты помнишь?

— Как не помнить, — кивает головой лодочник.

Беседа снова принимает затяжной характер. Мы с Витькой забираемся в лодку, и я замечаю большое количество воды в корме.

— Эй, дядя, в лодке-то у вас вода, — сообщаю я.

— Вода, — повторяет тот равнодушно, — знамо дело, вода. Там ковшик есть, возьми да отчерпай пока.

Я принимаюсь за работу, и скоро корма почти освобождена от воды: часть её выплеснута за борт, остальная впитана моими ботинками, штанами и рубашкой.

— Серёга, гляди, течёт, — толкает меня в спину Витька.

В самом деле, через едва заметные щели в дне сочилась вода и торопливо стекала в корму. Об этом надо сейчас же сообщить дяде Васе. И я бросился ему навстречу, тем более что оба собеседника поднялись и направились к лодке.

— Боишься утонуть? — громко спросил дядя Вася, выслушав моё сообщение, произнесённое шёпотом на ухо.

Это я-то боюсь? Вот и заботься о людях! Разве я за себя боюсь? Я в крайнем случае выплыву...

Меряю глазом ширину реки: страшновато. Но ведь не обязательно авария должна произойти на самой середине. Если мы будем тонуть около берега, то как-нибудь выберемся.

Размышления мои обрываются резко, так же, как я резко падаю, ударившись затылком о борт лодки. Это дядя Вася последним прыгнул в лодку, с силой

оттолкнув её от берега. А я не держался как следует и полетел назад.

Лодка закачалась на воде. Но, если бы вы знали, как она качалась! Она вертелась с боку на бок, чуть не переворачиваясь вовсе, черпала воду попеременно то одним, то другим бортом, крутилась и выворачивалась.

— Давай ближе к корме! — скомандовал лодочник.

Мы подвинулись к тому месту, где он стоял с веслом.

Пока лодка шла по мелководью и наш чернобородый лодочник толкал челнок, упираясь веслом в дно, я справлялся со страхом, давил его в себе. Но, когда мы отошли подальше от берега и весло зажурчало на глубине, по спине у меня побежали мурашки. А глаза мои, наверное, были полны ужаса.

— Ну-ка, сынок, — совсем ласково позвал меня лодочник, — иди-ка сюда, возьми ковшик, отливай...

Просто сказать: иди-ка! Но всё же я затаив дыхание пополз на четвереньках. С трудом дотянулся до ковшика и приступил к работе. Я старался не производить ни единого лишнего движения, чтобы не качать утлое судёнышко, на котором мы переправлялись через широкую реку. Спина моя покрывалась то горячим, то холодным потом, но даже и во время этого холодного прилива мне было жарко.

Кто не плавал на плоскодонных челноках, выдолбленных целиком из толстого осинового бревна, тот едва ли сможет представить себе, что я пережил за эти длинные полчаса. Мне кажется, впечатление от этой переправы сохранится у меня на всю жизнь. В другой раз согласишься лучше сутки ожидать парома, чем сесть в плоскодонку.

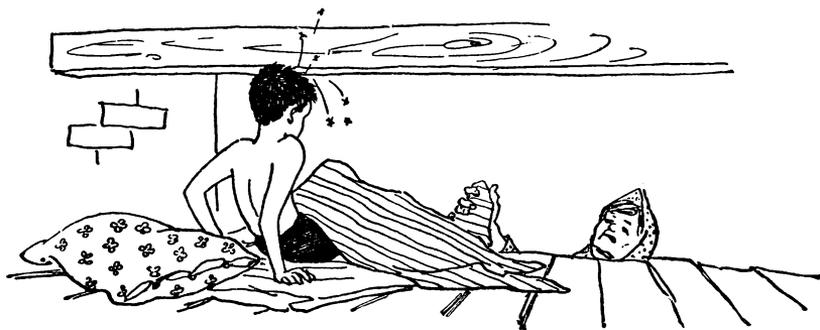
Зато как велика была моя радость, когда я наконец выпрыгнул из лодки на противоположном берегу и ощутил под ногами твёрдую землю!

6. НА НОВОМ МЕСТЕ

— Раз, два, взяли! Раз, два, взяли! — кричат здоровенные волосатые грузчики и, раскачивая мешки с зерном, бросают их на машину.

Мешки сложены один на другой высоким бунтом. Я лежу на самом верху и замираю от страха. Сейчас меня примут за мешок, схватят, раскачают и бросят. Мне даже кажется, что я сам тяжёлый, как мешок.

И вот меня действительно кто-то хватает и раскачивает в воздухе. Сейчас я полечу на машину. Так и

знал, что это произойдёт. Кричу что есть духу, но крика моего не слышно.

Больно шлёпаюсь на машину и кричу снова, напрягая все силы. Снова никто не слышит. Сверху падает ещё один мешок. А я не в силах шевельнуться. Сейчас меня совсем раздавят мешками. Кричу, кричу, надрываюсь от крика.

— Вставай, вставай! — слышу я далёкий голос и просыпаюсь.

Кто-то на самом деле тянет меня за ногу, трясёт и говорит незнакомым женским голосом:

— Вставай же, ну, вставай! Глянь, солнышко-то на полдни вышло. Вставай!

Открываю глаза и ничего не могу понять в душном

полумраке. Где я? Что со мной? И этот мрак, и духота, и незнакомый голос... Мысли скачут в каком-то беспорядке. Рывком пытаюсь сесть, но в ту же секунду падаю от удара по лбу. Перед глазами возникает сноп ярких искр.

— Да тихо ты! Убьёшься! Не видишь, что ли, матица тут... — слышу опять тот же чужой женский голос откуда-то снизу.

Снова открываю глаза и, приглядевшись, замечаю пожелтевший потолок совсем низко над головой и поперечное бревно — матицу, поддерживающую потолок. Об неё-то я и ударился, когда намеревался сесть.

Понемногу начинаю восстанавливать в памяти события, приведшие меня на эти низкие полаты. Узнаю голос старухи — матери Василия Никаноровича. Это она дёргает меня за ногу и уговаривает подняться.

— Встань, поднимись, поешь, да и ляжешь снова. А то ведь отощaeшь совсем.

Потираю ушибленный лоб и осторожно сползаю с полатей на пол. Удивительно: не только лоб, но и всё тело болит, как будто меня и на самом деле грузили на машину и отбили ноги, руки и бока.

— Что, сынок, разбился, поди? — участливо спрашивает старая женщина, замечая мою неуверенную, неуклюжую походку. — Мыслимое ли дело, нешто можно так-то! Я уж своего Василия костила да костила. Вестимо, с непривычки пятнадцать вёрст пешим ходом, да ещё с этакими вещищами за плечами...

— Где Витька, Аграфена Васильевна? — спрашиваю я, не отвечая на её сердобольные причитания.

— Тоже насилу поднялся. Побежал на реку умыться. И ты бы освежился — помогает оно очень, — говорит старуха.

Я выхожу из избы. Осматриваюсь вокруг и словно впервые всё вижу. Память ничего не сохранила из вчерашних впечатлений. Странно. Я помню, пришли мы вчера на эту мельницу, в дом к родителям Василия Никаноровича, ещё засветло.

А посмотреть тут есть на что и есть чем полюбоваться.

Я стою на крылечке старого мельничного дома. Вместо нижней ступеньки на земле лежит изрядно ушедший в землю жёрнов из красноватого камня. Прямо от жёрнова веером расходятся четыре тропинки: две — в разные стороны вдоль палисада, а две лучами спускаются по склону берега, одна — налево к мельнице, а другая — направо. Чуть в стороне от второй тропинки, среди невысоких тонких сосенок, близ самой воды, примостилась крохотная банька.

Между стеной дома и палисадом — высокая трава до самых окон. И ещё какие-то жидкие кустики не то крыжовника, не то смородины. В траве проглядывают неброские полевые цветы: ромашки с белыми и жёлтыми лепестками, высокие красноватые колокольчики и неведомые мне мелкие белые цветы.

Над крышей дома развесила светло-зелёные листья старая липа. Таких лип, видимо посаженных одновременно, несколько. Они обступили огород, расположенный позади дома. За липами поднимаются высокие сосны, там начинается бор.

Перед крыльцом горбатится мелкой травой-муравой берег. Внизу — река. Противоположный берег низко свесился кустами над водой. За кустами раскинулись заливные луга.

Неширокая речка делает перед мельницей крутой изгиб и появляется из-за кустов сразу во всей красе, будто нарочно на удивление людям. «Смотрите! Вот, мол, я какая!» — словно говорит она, искрясь под солнцем, отражая на поверхности прибрежные кусты, луга и небо, улыбаясь расходящимися кругами от всплесков озорных уклеек.

Вода верхнего омута течёт неторопливо до самой плотины. Плотина не хитрая — ряд свай с деревянными подъёмными щитами между ними, сверху положено несколько брёвен лавы для перехода на другую сторону.

У плотины вода меняет свой нрав, недовольная встретившимся на пути препятствием. Она шумит, пенится, тонкими струйками бьёт через щели в щитах. Падает вниз на бревенчатый настил, за которым начинается чёрный, глубокий нижний омут. Надо мельнику, вытянет он нужный щит — и побежит вода под мельничное колесо, будет крутить его. Заработают жернова, размалывая тугое зерно. Давно стоит здесь водяная мельница. Мельничный сарай потемнел от времени и поседел от мучной пыли.

Вот что видно мне с крыльца. Кроме того, мне ещё известно, что Никанор Николаевич родился на этой мельнице, вырос и состарился здесь. Отец у него был мельник и дед тоже. Только раньше была это собственная мельница, а теперь мельница колхоза «Красное Ерёмово».

Красиво здесь! Я забываю о боли в ногах и в спине. А когда с середины реки меня замечает Витька и зовёт купаться, я ощущаю необыкновенную лёгкость и бегу к воде, сбрасывая на ходу майку.

Мой друг быстро уплывает на противоположную сторону. С размаху прыгаю в воду и плыву за Витькой. Мне почти удаётся настигнуть его, но он выскакивает из воды и бежит вдоль кустов по песчаной отмели. Я — за ним. Догоняю, хватаю, и оба кубарем катимся по горячему песку.

Потом мы сидим около самой воды. Солнце припекает плечи, спину, нагоняет сонливость. Снова чувствую ломоту в ногах и в спине.

— Ничего себе тренировка! — вспоминаю я о вчерашнем пятнадцативёрстном походе с полной выкладкой за плечами. — Всю дорогу чуть ли не вприпрыжку... Разве утонишься за дядей Васей!

— Тренировка правильная, — соглашается Витька, — всё тело ноет...

— Сейчас ничего. А я как вставал, вот больно-то! Да ещё об матицу шархнулся. Погляди-ка, синяка нет?

— Синяка не видно, а шишка есть.

— Шишка наплевать...

— Ра-бя-ты-ы-ы! — звучит над рекой голос Аграфены Васильевны.

Когда мы появляемся из-за поворота, она стоит на берегу, там, где остались наши майки, и грозит костлявой рукой:

— Куда вы запропастились, паровик вас задави! Завтракать идите!

Мы бросаемся в реку и торопливо плывём — пересекаем верхний омут. Старуха тяжело поднимается в гору.

В дверях мельницы стоит Никанор Николаевич. Он поглаживает широкую седую бороду и улыбается так, что всё лицо покрывается хитрыми, весёлыми морщинками.

— Что, попали под обстрел моей старухи? Любит, брат, дисциплину — беда!

— А если нарушишь — ремень? — спрашиваю я деда.

— Не приведи господь! У неё меры хуже ремня...

Но объяснить, какие именно меры, старый мельник не успевает — с дороги раздаётся голос:

— Дед Никанор, заезжать, что ли?

— Заезжай! — отвечает дед, исчезая в дверях мельницы.

Подвода, гружённая мешками с зерном, стоит на дороге у бревенчатого въезда. Возница, пожилой колхозник, трогает вожжами, и лошадка, упиравшись тонкими ногами, медленно ступает на бревенчатый въезд, пристроенный наклонно над землёй на толстых столбах. Тарахтит колёсами повозка, подпрыгивая по брёвнам помоста, и скрывается в широкой чёрной дыре ворот под самой крышей мельницы. Оттуда зерно сыплется к жерновам.

Мы бежим в дом, чтобы на первых порах не попасть под бабкин «обстрел», как сказал старый мельник. Садимся за стол к румяным, правда уже остывшим, оладьям и миске янтарного прозрачного мёда.

— Ешьте, — строго приказывает Аграфена Васильевна, — и, пока миску не очистите, из-за стола ни шагу.

7. ОТСТАЛАЯ ТЕХНИКА

Целыми днями мы с Витькой почти не вылезали из реки, а если и вылезали, то валялись тут же, на горячем песке, загорали или дремали в тени куста. Мы ещё в первый день заметили маленький долблёный челнок, привязанный цепью около плотины и запертый на замок.

Через несколько дней мы подплыли к лодке и поддержались за борта, потом забрались внутрь. Привязанная цепью, она казалась приручённой. Мы по нескольку раз прыгнули с челнока в воду, вдоволь

покачались на нём. Немного погодя я уже чувствовал, что цепь нам мешает. Хотелось дать челноку волю, прокатиться по реке. Но на нашу просьбу дед Никанор ответил довольно сухо:

— Челнок у меня не для забавы. Вам и на пузе неплохо по реке плавать. Надоест на пузе, перевернитесь да на спине. Умеете на спине-то?

— Умеем, — ответили мы.

— И на боку умеете?

— И на боку.

— Вот как хорошо! — похвалил дед и скрылся на мельнице, неведомо чему улыбаясь.

Скоро бабка позвала нас обедать, а к концу обеда подъехал дядя Вася. Небольшую карюю лошадку, запряжённую в двуколку, он оставил у крыльца и, отряхнув пыль с гимнастёрки, вошёл в избу.

— Садись, сыночек, к столу! Накормлю, да отдохнёшь, — сразу оживилась Аграфена Васильевна.

— Спасибо, мамаша, поем с удовольствием, а отдыхать некогда — ехать надо, — ответил он.

— Шёл бы да лошадь-то отпрёг, старый! — накинулась бабка на мужа.

— Нет, нет, папаша, не надо, — остановил Василий Никанорович засуетившегося было отца, — я сейчас же и поеду.

Мы с Витькой уже знали, что дядя Вася механик МТС. Он так занят на работе, что и у стариков бывает редко. И сейчас он жаловался отцу на нехватку горючего и масла, на нехватку запасных частей. Рассказывал, что всю ночь провозился с «газиком», а теперь едет в район. Вид у Василия Никаноровича усталый, глаза после бессонной ночи покраснели.

Старуха хлопчет около стола, а дядя Вася, взяв полотенце, идёт умываться на реку. Мы выходим с ним вместе.

— Ну как, привыкаете на новом месте? — спрашивает он.

— Ничего, спасибо, привыкаем! — довольно бойко отвечаем мы.

— Тренируетесь?

— А как же, — несмело подтверждаем мы, поглядывая друг на друга.

— Я бы и рад вам помочь, да, видите, мне в пору самому помогать. Проездил, а теперь работы по горло, — признаётся дядя Вася, будто извиняясь.

— Ничего, мы сами, — успокаивает Витька.

Я вспоминаю о недавнем тренировочном пятнадцативёрстном марше и скорее рад, что мы предоставлены самим себе. Так, пожалуй, лучше.

— Дядя Вася, можно нам на лошадке прокатиться? — прошу я, пользуясь добрым расположением нашего тренера.

— А что ж, валяйте, только недолго, у меня впереди дорога.

Через полминуты мы отвязываем лошадь, а ещё через полминуты отъезжаем от дома.

— Далеко не ездите! — предупреждает дядя Вася.

Я машу в знак согласия левой рукой, так как в правой держу вожжи.

— Ты умеешь? — с некоторой тревогой спрашивает Витька.

— А чего тут уметь? Подумаешь, тоже мне техника! Не самолёт, — бросаю я с усмешкой.

Лесную дорогу пересекают корявые узловатые корни сосен, поэтому трясёт основательно даже на рессорной двуколке. Но лошадка оказывается не глупой, не проявляет излишней резвости, и едем мы довольно спокойно. Карий Орешек шагает не торопясь, беспрерывно вертя хвостом, отгоняя неугомонных мух.

Миновав сосновый бор, мы выезжаем на широкую накатанную дорогу. Слева, примерно в километре, виднеется Ерёмово с двухэтажным рублёным зданием школы посередине.

— Махнём до села? — спрашиваю я.

— Далеко, — сомневается Витька, — дядя Вася будет ждать.

— А мы тащиться не будем. Дадим, как на тачанке. Дорога хорошая.

— Дядя Вася ругаться будет. Ему же ещё ехать, — пытается возражать Витька, но по его глазам вижу, что сам он не меньше меня хочет изобразить чапаевскую тачанку.

— Он пока выкупается, пока пообедает, а мы и вернёмся...

С этими словами я натягиваю вожжи, ожидая, что Орешек сразу возьмёт рысью, как это бывает в кино. Но лошадка совсем иначе воспринимает команду и останавливается, опустив голову. Тогда я вспоминаю, что делают в таких случаях. Спрыгиваю на землю, передаю вожжи Витьке и выламываю прут. Как только лошадка слышит знакомый треск, то, не ожидая команды, бежит вперёд, а когда я направляюсь к двуколке, лошадь трусит быстрее.

— Останови! — кричу я Витьке и бегу за повозкой. Я прибавляю шаг, и Орешек тоже.

— Останавливай!

— Она не стоит, — отвечает Витька, беспомощно оглядываясь.

— Ворона! — сержусь я. — Ну скажи ей, крикни чего-нибудь!

— Кричи сам. Чего я ей скажу? — отвечает мой бестолковый приятель.

А я продолжаю бежать за двуколкой.

Лошадёнка тем временем прибавляет ходу. Видимо, нашу перебранку она принимает на свой счёт и по-своему желает избавиться от моего прута.

— Натяни вожжи! — вспоминаю я недавно испытанное средство.

Витька выполняет моё требование, и Орешек останавливается. Я забираюсь в двуколку. После того как я два удараю лошадь прутом по крупу, она понимает, что шутки кончились.

— Не бей, больно ведь, — заступается Витька за животное.

— Лошадей всегда бьют, — отвечаю я с полным пониманием дела.

Теперь Орешек бежит довольно весело. Небольшое облако пыли поднимается позади нашей двуколки, а в наших сердцах поднимается гордость. Всѣ-таки как ни говорите, а мы сами, совершенно самостоятельно, едем на лошади по незнакомой дороге, въезжаем в незнакомое село, где нас никто не знает. Каждый глянет и подумает: «Что же это за ребята? Откуда они такие?»

«А разве не заметно — московские», — как будто говорит вид сидящего рядом со мной Витьки в серой кепке чуть-чуть набок. Да и я сам держу вожжи в руках и кое-что из себя представляю.

В этот послеобеденный знойный час на улице не видно народу, но из окон нет-нет, да и глянет кто-нибудь. Я легко взмахиваю прутом, и наш Орешек прибавляет ходу. Он сам выбирает наиболее удобный путь, и двуколка мягко покачивается на неровностях дороги.

Витька просит повернуть назад. Но мне ещё надо сообразить, как это сделать. Понятно, что баранку автомобиля здесь заменяют вожжи, но их невозможно крутить. Значит, надо тянуть. А куда тянуть? Как тянуть?

Пока я размышляю, впереди, где-то совсем близко, слышится пронзительный визг. Что-то непонятное розовато-грязного цвета мелькает под ногами лошади, продолжая издавать всё тот же ни с чем не сравнимый визг. В следующее мгновение я вижу круп лошади с поднятым хвостом и быстро мелькающие конские ноги. Слышу частую дробь копыт и грохот колѣс двуколки. Ощущаю быстрое движение, невероятную тряску и капли жидкой грязи на лице.

Первое, что я делаю, — бросаю вожжи. Они мне кажутся обузой в такую трудную минуту. Я хватаюсь

за низкий борт двуколки. Витька судорожно вцепляется в другой.

Орешек перестаёт выбирать дорогу, и мы это хорошо чувствуем. Двуколку бросает из стороны в сторону, словно челнок в бурном море. Телефонные столбы, палисады неожиданно возникают в опасной близости то справа, то слева.

Двуколка вдруг сильно подпрыгивает и накрывается на один бок. Витька легко перелетает через меня, и его крик замирает сразу где-то далеко позади.

Я ещё удерживаюсь в повозке, продолжая бешеную скачку вдоль села, но чувствую, что силы мои иссякают. В голове проносятся всякие страшные мысли...

Не знаю, чем бы закончилась для меня эта прогулка, но Орешек вдруг резко остановился, присев на задние ноги и высоко вскинув передние. Он упрямо и дико заржал. Я ослабил руки, сжимавшие борт двуколки, перевёл дух и тут увидел коренастого мужчину, который держал под уздцы Орешка.

— Ну-ну, дурной, — приговаривал мужчина, ласково похлопывая разгорячённую лошадь по шее, — поросёнка испугался! Ох ты, дурак! Гляди, поросёнок чуть сам со страху не подох. Что, испугался, сынок? — обратился ко мне мужчина.

— Ага, — едва выдавил я. — У меня ещё Витька был...

— Видел я, как он из двуколки сиганул. Должно быть, ударился, прихрамывает.

Я оглянулся и увидел Витьку, ковылявшего по дороге к нам. Он держался рукой за правое бедро, а перепачканное в грязи лицо выражало страдание.

— Откуда вы? — спросил мужчина.

Мы не сказали гордо — москвичи, а тихо ответили:

— С мельницы...

— А-а, — протянул мой спаситель и добавил: — Вам, я вижу, теперь одним обратно не доехать. Сень-

ка! Поди-ка сюда! — крикнул он, повернувшись к дому, возле которого мы находились.

Через минуту-две из калитки появился стриженный мальчишка нашего с Витькой возраста, в жёлтой майке, выцветших синих трусиках и босиком.

— Что, папаня? — обратился он к мужчине, не без удивления оглядывая нас.

— Проводи-ка ребят до мельницы, а то у них авария получилась. Да разом и деда Никанора навестишь...

— А частокол как? — спросил Сенька.

— После, сынок, доделаешь. Помоги ребяташкам, — сказал отец, передавая мальчику вожжи.

Скоро мы втроём катили на двуколке к мельнице. Сенька управлял уверенно. Он чуть трогал вожжами и строго понукал лошадку, и та послушно трусила по дороге. Мы немного успокоились. Витька перестал держаться за бедро и мученически морщиться, а я рассказывал Сеньке обо всём случившемся. Я, правда, ещё побаивался, что мальчишка поднимет нас на смех за историю с поросёнком, но Сенька, наоборот, очень серьёзно ко всему отнёсся:

— Хорошо, что батяка тут случился, а то бы и вам плохо пришлось, да и лошадь ноги могла поломать. Разве можно вожжи бросать!

Так у нас и пошёл разговор. Мы охотно рассказывали о себе, а Сенька — о себе. Он тоже, как и мы, перешёл в шестой класс.

Его отец — колхозный бригадир. Во время каникул Сенька никуда не уезжал, а помогал отцу по хозяйству, работал в горячую пору в колхозе. Сейчас он был занят ремонтом частокола.

— А то куры все гряды поразвалят, — закончил он.

— Сеня, — попросил я, — ты ничего не говори об этом случае, а то нам попадёт от Василия Никаноровича.

— Чего мне рассказывать, — просто ответил Сенька.

- А если спросят?
- Кто спросит?
- Ну, а почему ты приехал с нами?
- Я часто на мельнице бываю. Мы с дедом Никанором по рыбной части друзья.

Наше возвращение ни у кого не вызвало особых расспросов. Василий Никанорович, ожидавший на крыльце, уже совсем готовый в дорогу, только бросил нам короткую сердитую фразу. Он быстро попрощался с матерью, с отцом, вскочил в двуколку и укатил по лесной дороге, Сенька, перекинувшись с дедом Никанором несколькими замечаниями по поводу клёва рыбы, отправился вместе с нами купаться.

8. РЫБАКИ

Наш новый приятель иногда появлялся на мельнице. Однажды пришёл он, чтобы сводить нас на рыбалку, показать места, где можно, по его выражению, «за часок надёргать на уху». Осмотрев наши удочки, он заявил:

- По нашей реке не подойдут.
- Почему? — удивились мы, уверенные в качестве лесок, купленных в рыболовном магазине на Неглинной улице.
- Вода у нас быстрая, грузило надо потяжелее, да и удилища неплохо бы заменить...

Мне и самому удилища не нравились, — по спешке срезали мы в кустах на берегу первые попавшиеся прутики. А у Сеньки удилище тонкое, длинное, из сухой крепкой берёзы.

Заметив мой взгляд, Сенька предложил:

— Займись пока грузилами, а мы с Витькой пойдем поищем удилища. Раньше у деда Никанора в сарае под крышей такие были, что во всей округе не найдешь.

— А грузила как сделать? — спросил я.

Сенька поискал в кармане и подал несколько крупных дробин.

— Возьми, — показал он рукой на дедов топор, лежащий у крыльца, — расплющ дробинку, вот тебе и грузило.

Ребята ушли в сарай, а я принялся за дело. Положив дробинку на жёрнов, ударил по ней обухом. Однако на шероховатой поверхности она не желала расплющиваться ровно. Я перенёс дробинку на небольшой камень. Камень был гладкий, но неровный, и дробинка скатывалась, как только я переставал держать её пальцем.

Кое-как я приготовил два грузила, а на третьем просчитался, и удар пришёлся по пальцу. Слёзы брызнули из глаз, я сунул палец в рот и громко застонал.

— Разве так делают? — услышал я укоризненный голос Сеньки.

Ребята вернулись с чудесными удищами, но я не мог ничего сказать, так как палец всё ещё был у меня во рту. К физической боли прибавилось чувство стыда, когда я увидел ловкие движения Сеньки. Он взял топор, воткнул его в лежащую тут же плаху так, что обух принял горизонтальное положение. Потом он положил на обух дробинку, поднял тут же небольшой камень и, несколько раз легко ударив им, получил из дробинки ровный кружок для грузила. Так просто!

Но проходит физическая боль, проходит и стыд. Скоро я не чувствовал ни того, ни другого, шагая с удочкой на плече вместе с товарищами. Мы вышли к концу плёса, где река поворачивала и делилась на два рукава, омывавших крохотный островок.

— Вот тут на мысу и сядем, — шёпотом сказал Сенька, когда мы подошли к самому берегу.

— Все вместе? — спросил я, тоже невольно переходя на шёпот.

Сенька кивнул головой.

Витька молча следил за нами. Сенька проворно размотал леску, насадил на крючок червяка, поплевал и закинул удочку. Он уже сидел на корточках, воткнув удилище в берег, когда я наконец забросил свою удочку.

Несмотря на то что я повторил каждое движение Сеньки, — так же, как он, поплевал на червяка, так же наклонил удилище, так же поднял и швырнул леску, — почему-то мой поплавок оказался совсем близко у берега. Я сделал вид, что именно этого и добивался, воткнул удилище в землю и присел на корточки.

Но, выждав некоторое время, я решил вытащить леску, чтобы забросить подальше. Вдруг поплавок мой задрожал и несколько раз нырнул. Я искоса злыми глазами взглянул на Витьку:

— Отойди дальше! Не видишь, что ли, всю рыбу распугаешь!

Витька притих, наблюдая за моей удочкой. Я сердцем ощущал каждое движение поплавок и мысленно повторял одни и те же слова: «Ну же, ну же! Ключ! Ключ, миленькая!»

Так хотелось вытащить из воды рыбину, вытащить первым! Не без опаски мельком я бросил взгляд на Сенькин поплавок, но он лежал на воде недвижно.

И вот мой поплавок резко пошёл вниз. Я дёрнул удочку, на мгновение ощутил упругое сопротивление. Вот рыбка блеснула над водой, а потом затрепыхалась на зелёной траве далеко позади меня. Правда, окунь оказался значительно меньше, чем я ожидал, но разве дело в размерах!

— Покажи, Серёга, — зашептал Витька, восхищёнными глазами глядя на мой кулак, в котором был зажат окунь.

— Чего смотреть, обыкновенный окунь, — отмахнулся я.

— Ш-ш-ш-ш! — зашипел, словно гусак, Сенька и замахал на нас руками.

Потом, заметив, что я всё так же держу окуня в кулаке и не знаю, куда девать, Сенька, не спуская глаз с поплавка, приблизился к кустам лозняка. Обломав тонкий прутик, продел его под жабру окуня, забрав у меня рыбку. Потом опустил прутик в воду, закрепив другой конец на берегу. Окунёк попал в родную стихию, встрепенулся и ожил.

А я дрожащими от волнения руками насадил нового червяка и, поплевав на него, забросил удочку. Я старался попасть точно на то же место, но леска почему-то со свистом перелетела через голову, и поплавок шлёпнулся чуть ли не на середине реки.

— Тихо! — укоризненно поглядел на меня Сенька. — С погонного метра, что ли, хлещешь?

Меня и самого не устраивало положение поплавка. Осторожно попытался подтянуть его туда, где был вытасчен мой первый окунёк. Это удалось легко. Наконец мы все трое затихли, сидя на корточках и внимательно наблюдая за поплавками.

Время тянулось медленно. Мне уже надоело бессмысленно глядеть на кусочек пробки, неподвижно лежавший на воде. Я стал следить за удочкой Сеньки. Вот его поплавок осторожно нырнул. Я заволновался и уже хотел подать совет поскорее выдернуть удочку. Но Сенька угадал моё намерение, посмотрел на меня и улыбнулся.

Поплавок немного отошёл в сторону и снова легко нырнул. Последовала короткая подсечка, а вслед за этим над водой затрепыхалось что-то серебристое и, как мне показалось, большое. Сенька поймал леску рукой и не торопясь снял с крючка плотицу. Когда он, надев её на верёвочку, опустил в реку рядом с моим окунем, я сравнил обеих рыб. Сравнение получилось не в пользу моего окушка.

И снова мы долго сидим на корточках. Моё терпение кончается, тем более что поплавок мой не шелох-

нётся. Выдёргиваю леску и вижу голый крючок. Должно быть, пока я рассматривал Сенькину плотицу, хитрая рыба съела моего червяка.

Насаживаю нового червяка, забрасываю и опять жду. Поплавок сразу начинает мелко дрожать. Когда же он нырнёт? Через некоторое время вытаскиваю — и опять голый крючок. Закидываю снова.

Скучно. Я даже перестаю злиться, хотя для этого есть основания: на моих глазах Сенька вытащил трёх окуней и ещё двух плотичек. Его улов шевелит хвостами и плавниками прямо у моих ног в воде на верёвочке. Тут же обидно ходит и мой окушок на прутике.

Солнце постепенно слезает со своей дневной высоты, расстояние между ним и кромкой заречного леса сокращается. Тень от куста наползает на меня. Я слышу, как в кустах жалобно жужжит муха, запутавшаяся в паутине. Потом комар заводит нудную песню и обрывает её где-то около моей шеи. Хлопаю себя по загривку и немедленно слышу то же нудное: «Пи-и-и-и!..» Звук замирает теперь за моим левым ухом. Удар, и снова: «Пи-и-и-и!..» Терпение моё окончательно лопается:

— Да что ты ко мне привязался, проклятый!

— С комарами воюешь? — вполголоса спрашивает Сенька.

— Житья нет! — жалуясь я.

— Ты выйди из куста, — советует приятель, — они в тени лютые.

— Да-а, — тянет Витька, — я и не в тени, а живого места нет, насовсем сожрали.

И, подтверждая сказанное, Витька со злостью хлещет себя, размазывая кровавый след на лбу.

— Пошли домой, — предлагаю я, — а то обгложут до костей.

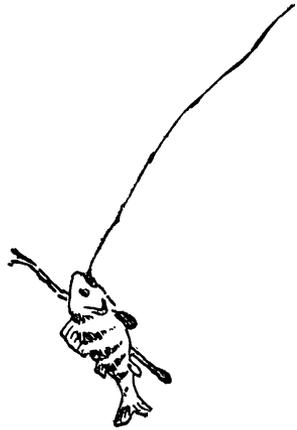
Витька немедленно присоединяется к моему предложению, а Сенька хоть и неохотно, но подчиняется большинству. Мы шагаем напрямик через луг к мельнице. Меня смущает прутик с единственным окунем, и

я решаю избавиться от него самым, как мне кажется, удачным способом.

— Забери, Сеня, — великодушно предлагаю я, протягивая приятелю добычу.

— Зачем же? — говорит тот. — У меня свой улов.

На его верёвочке несколько окуней, четыре плотицы и даже голавлик. С таким уловом не стыдно показаться деду Никанору. А как же мне с моим жалким окушком? У Витьки и то положение лучше — у него нет ни окушка, ни прутика.

— Брошу я его, чего нести! Ни то ни сё! — говорю я, стараясь не показывать виду, что меня терзает этот позорный улов.

— Нехорошо, не по-рыбацки, — замечает Сеня: — если уж бросать, так надо было в реку, пока он живой был. Пусть бы подрастал.

— Так возьми его, — прошу я.

— Ладно, давай. Всё равно в одно место. Бабка Аграфена куда ни есть употребит.

«Сенька, наверное, пожалел меня», — подумалось мне и захотелось как-то загладить впечатление.

— Удочки — это просто баловство, — вспоминаю я где-то слышанную фразу.

— Почему — баловство? — удивлённо глядит на меня Сенька.

— На удочку разве много поймаетшь?

— Если пойти на утреннюю зóрю, да поставить висули, то можно килограмма два-три принести.

Я ничего не знаю о висулях, но не подаю виду и продолжаю рыбацкий разговор:

— По-настоящему рыбу ловят всякими снастями: тралами, неводами...

— То промышленный лов в морях, на больших ре-

ках, — спокойно возражает Сенька, — там и специальные суда, и базы, и траулеры...

Все, о чём я говорю, Сеньке известно не хуже меня. Я уже знаю, его не так просто удивить. Даже когда мы показывали наши богатства, он и то остался совершенно спокойным.

— Компас, — произнёс он равнодушно, повертев прибор в руках и возвращая Витьке, — здесь он ни к чему... Как у нас в классе, — сказал он про нашу географическую карту, — только наша поновее.

Единственное, что привлекло его внимание, это мой перочинный ножик с двумя лезвиями, отвёрткой, шилом и штопором. Сенька долго вертел его в руках, открывая и рассматривая каждый прибор в отдельности. Потом по очереди дохнул на лезвия и, проследив, как с них сходит туманный налёт, заявил:

— Сталь настоящая.

И это всё, что он сказал, хотя я видел ясно, что нож ему понравился не только за сталь. Но такой был Сенька парень.

Вот и сейчас он показал такое знание способов всевозможной рыбной ловли, что я уже был не рад, что затеял этот разговор. А Сенька то и дело ставил меня в тупик своими вопросами.

— Для маленьких рек есть своя снасть, — пытался я как-нибудь закончить разговор.

— Знаю я тут один старенький бредешок. Если хотите, можно попросить, — вдруг предложил Сенька.

— Вот это другое дело, — согласился я, хотя не имел ни малейшего представления ни о бредешке, ни о том, что и как с ним делать.

9. БРЕДЕШОК

Сенька принёс обещанный «бредешок». За этим странным словом скрывалось всего-навсего метра три-четыре сетки, плетённой мелкими ячейками из

тонкой бечёвки. Высота сетки, может быть, немногим превышает метр. По бокам две палки, сверху — поплавки из берёзовой коры, снизу — грузила из обожжённой глины. В середине сетка вывязана мешком, который именуют мотнёй. В конце мотни завязан камень, оттягивающий её.

Двое рыбаков берут это немудрящее приспособление за палки, растягивают его и волокут по реке. Третий с длинным шестом идёт навстречу и производит возможно больше шума. Для этого он бьёт по воде шестом-ботом, лягает воду ногами, наводя панику на рыбу. Та с перепугу бросается к бредешку, по глупости принимает горловину за сквозной проход и попадает в мотню. Бредешок поднимают над водой или выволакивают на берег и выбирают из мотни рыбу.

Я думаю, название «бредешок» произошло вот каким образом. Рыболовы идут вброд, бредут по реке. От слова «брести» снасть назвали бреднем, но это когда он большой, а маленький называют уменьшительным — бредешок.

Наш маленький бредень от долгого служения рыбакам или от небрежного к себе отношения был весь в дырах. Пришлось его залатывать. При помощи суровых ниток, пожертвованных бабкой Аграфеной, мы довольно успешно справились с этой задачей. Сенька подобрал бот.

Мы с Витькой были готовы сейчас же ринуться в наступление на рыбу. Но оказалось, что надо было ещё во что-то одеться. Сенька просто засмеялся, когда мы высказали намерение отправиться в том, в чём были, — в трусиках, курточках и босиком.

— Да вы все ноги побьёте. Там выбирать дорогу некогда — коряги, камни...

— Ладно, ноги обуем, а одежда зачем? — спросил я.

— А кусты, а комары? Да, потом, и замёрзнешь. Ведь не пять минут, а часа три-четыре в воде пробудешь. Чего доброго, дождь пойдёт, — сказал Сенька,

взглянув на небо, по которому ползли подозрительные тучки.

Мы сдались и начали соображать, во что можем нарядиться. Плохо бы нам пришлось, если бы не бабка Аграфена.

Костюм рыболова с бреднем настолько необычен, что о нём стоит рассказать поподробнее. На ноги, обёрнутые в несколько рядов портянками, обуваются ступни. Ступни — это вроде тапочек, плетут их из берёсты. В них работают на огороде, ходят в хлев доить коров. Но самое главное — ступнями трут полы, предварительно посыпав их речным песком. Полы становятся белыми, как новые.

Бабка Аграфена вынесла из чулана две пары старых ступней и одну пару совсем новых. Я по жадности выбрал новую. Остальная наша одежда состояла из всего того, что пришло в полную непригодность. Старые дедовы штаны из суровины, залатанные и перелатанные бабкины кофты, какие-то рваные рубахи. Не сразу придумаешь, что с ними делать, как их надевать.

Наконец всё это кое-как надето и при помощи завязок и подпоясок закреплено. И странно, что в таких разнообразных одеждах мы становимся похожими друг на друга, словно близнецы.

— Вот здорово!— смеётся Витька. — Мать родная не различит!

Правда, Сенька немного отличался от нас. У него через плечо на верёвке надета холщовая торба для рыбы: ведь он возглавляет нашу рыболовецкую бригаду.

Дед Никанор и бабка Аграфена напутствуют нас, желают «ни пуха ни пера».

Сенька вспоминает, что мы отправляемся без спичек, и бабка выносит начатый коробок. Сенька прячет его в кепку, предварительно обернув в тряпицу. Дед обещает подпереть воду — закрыть все щиты плотины, чтобы внизу, где мы будем ловить, стало мельче.

Поднимаем бредешок на плечи и двигаем по берегу. По плану, разработанному Сенькой, мы должны пройти километра три, потом подняться рекой до самой мельницы. Мы с бреднем шествуем позади, а Сенька — впереди с шестом на плече.

Если бы ребята, особенно девчонки с нашего двора, в эту минуту повстречали нас, то, наверное, попали бы от смеха, увидев наш необыкновенный наряд и наши серьёзные лица. Подумав об этом, я развеселился, но ненадолго.

Скоро я почувствовал ошибку в выборе ступней. Новые, необмятые, они тёрли в подъёме и давили пальцы.

— Пстой, ребята, — прошу я, — ногу трёт.

— Новые — они всегда трут, — утешает Сенька, не останавливаясь. — Погоди, в воде поразмякнут и перестанут.

Скрепя сердце иду дальше. Примерно в середине пути не выдерживаю, сажусь на землю переобуваться. Ребята ждут, но я вижу, что они недовольны потерей времени.

— Что же делать, если идти не могу! — пытаюсь я оправдываться, хотя мне никто ничего не говорит.

— Да нет, переобувайся, конечно, — разрешает Сенька и опять поглядывает на небо.

А в небе плывут равнодушные облака. По траве, по кустам проносится свежий ветер. Я с трудом поднимаюсь и становлюсь на ноги. Они всё так же болят при ходьбе. Но я всё же иду, преодолевая боль, потому что не хочу испортить настроение товарищам. Я едва дотащился до условленного места. И теперь надо ещё лезть в реку!

Начинаем мы с заводи. Перегораживаем её в самом узком месте. И всё же между бреднем и берегом остаётся пространство. Чтобы рыбе не вздумалось проскочить мимо сетки, мы с Витькой должны всё время болтать ногами.

Сенька тем временем заходит от конца заводи,

идёт к нам, бултыхаясь, вспенивая воду ударами бота. Вода в заводи становится мутной. И мне кажется, что там огромные щуки и окуни, голавли и сазаны бегут в наш бредень.

— Болтай, болтай ногой! — кричит на меня Сенька, так как я на секунду забылся.

Да, не очень-то просто одновременно держать палку, болтать ногой и убивать слепня, который в этот самый момент впился мне в шею.

— Заходи! Выводи! — командует Сенька.

Это значит, что я со своим крылом должен переходить заводь, потом вместе с Витькой выводить бредень на берег.

Какой улов ожидает нас? Во всяком случае, Сенька со своим ботом почти залез в мотню и медленно отступает перед нами, пока не падает, зацепившись за что-то в воде.

Наконец мы имеем возможность осмотреть бредень. Конец мотни забит водорослями и ракушками. Вытряхиваем всё это на песок, но ни единой рыбёшки не находим. Рыба оказалась хитрее нас.

— В этой заводине никто никогда ничего не лавливал, — утешает Сенька, хотя непонятно, зачем же мы именно тут пытались ловить.

— Проведём здесь, по травке, — предлагает Сенька.

Мы бредём по самой середине реки, по травке, но не выводим бредень на берег. Поднимаем его тут же над рекой. Сенька, подхватив бредень под середину, извлекает из глубины мотни небольшую плотичку.

— Ну, вот и начали, — говорит он очень довольный, опуская первую добычу в торбу, где та продолжает ещё трепыхаться.

Мы переходим от быстрины к другой заводи, от заводи — к кустикам, от кустиков — к осоке и к новой заводи, потом к ямке и опять к травке. В торбе у Сеньки прибавляется то плотичка, то окунёк, то елец и даже две небольшие щучки попали туда.

Время течёт бесшумно. Мы даже не замечаем, что небо заволокли низкие, мрачные облака. Я поднимаю голову только тогда, когда вижу на воде следы довольно частых капель.

— Гляди, ребята, дождь!

— Нам-то дождя нечего бояться, — улыбается Сенька.

Это правда. Мы и так мокрые по самую шею.

Не обращая внимания на дождь, мы бредём дальше.

— Давай заведём в этой ямуinke, тут голавлей страсть, — говорит шёпотом Сенька. — Ты, Витька, под берегом, а ты, — тычет он в меня пальцем, — от реки, только тихо-тихо. Голавль, он пугливый — чуть что, и поминай как звали...

Сенька теперь выглядывает из-за кустов, показывая жестами, что должны делать мы с Витькой. По его беззвучному сигналу мы Витькиным крылом приближаемся к берегу, потом я начинаю заводить, стараясь неслышно передвигать ноги. Витька стоит по грудь в воде, а я погружаюсь всё глубже и глубже. Почему именно меня, при моём коротком росте, нужно было загнать сюда?

— Здесь глубоко! — шепчу я.

Но Сенька раздвигает густые ветки, прикладывает палец к губам, молчит и только крутит злыми глазами. Вода уже подбирается мне под подбородок. Откидываю голову назад и чувствую, что сейчас поплыву. Только тогда Сенька понимает моё положение, и я слышу его ободряющий голос:

— Ничего, иди, сейчас мельче будет...

Однако ямуинка углубляется. Я перестаю доставать ногами дно и всплываю, опираясь одной рукой на палку бредня, другой ухватившись за шест, вовремя протянутый мне Сенькой. Кое-как подбираюсь к берегу и принимаю более или менее устойчивое положение, держась за ветки.

Теперь Сенька, продравшись через куст, кидается в ямуринку. Так было задумано. Головляем, конечно, не останется ничего делать, как очертя голову залезть в мотню нашего бредешка.

Так бы оно, наверное, и было, но охотника на каждом шагу подстерегают неожиданности. Ямуринка в середине оказалась слишком глубокой. Сенька влетел в реку, и я увидел только вспенившуюся воду, пузыри, конец бота и кепку, качающуюся на волне. Потом над водой показалась Сенькина голова, которая сразу же закричала:

— Спички, спички держи!

Но всё напрасно. Когда Витька схватил кепку, никаких спичек там уже не было. Сенька барахтался в воде и ругался. А я заметил ещё более страшное. Торба, в которой трепыхался улов, плавала вместе с Сенькой на воде, и рыбе была предоставлена полная возможность уходить обратно в реку.

— Рыба! — завопил я и, бросив палку, кинулся к Сеньке.

Мне казалось, что рыба уже вся успела удрать, воспользовавшись оплошностью нашего главного рыболова. С налёта я схватился за торбу, и теперь мы оба с Сенькой скрылись под водой. Вынырнув, я услышал Сенькин голос:

— Держи бредень, дьявол, чего за меня хватаешься!

Палка как раз подплывала ко мне, я ухватил её и выбрался на мелкое место, где стоял безучастный Витька. Скоро сюда же выплыл и Сенька.

— Таковую ямуринку испортили! — с горечью выговаривал он.

— Что ямуринка! — заорал, в свою очередь, я. — Ты всю рыбу распустил!

Испорченная ямуринка, нехватка трёх плотичек и щурёнка из нашего улова, успевших воспользоваться суматохой и улизнуть, гасят мой охотничий азарт. Я сразу замечаю хмурое небо над головой, мелкий нудный дождик, покрывающий воду однообразной рябью.

— Пошли домой, — говорю я.

— Было тогда из-за чего бредень мочить! — с обидой возражает Сенька, показывая тощую торбу.

Мне холодно и неуютно в моём разноцветном намокшем костюме.

— Костёр бы разложить, — вздыхаю я.

— А спички там, — показывает Витька на дно.

И Сенька отводит глаза, понимая, что это он не уберёт драгоценное огниво.

— Тогда полезли в воду, там вроде теплее, — предлагаю я.

Мы возвращаемся в реку. Скоро дождику наскучило непрерывно падать на землю, и он прекратился. Косой свет солнца пробился из-под кромки туч. Солнечные лучи весело заиграли в дождинках на траве, на листьях кустов и деревьев, заискрились в капель-

ках, повисших на паутинах. Настроение немного поднялось, но лов всё равно не клеился. Мы уже поменялись ролями, и я носился по реке с ботом, но и от этого ничего не изменилось.

— Откуда-то дымом потянуло, — повёл носом Сенька. — Должно быть, юхинские пастухи костёр жгут.

Я подумал о костре, о возможности обогреться, обсохнуть и со сладкой надеждой тоже понюхал воздух, но ничего не ощутил. Наверное, Сенька ошибся. Как бы хорошо сейчас попасть на мельницу! Но река, выгнувшись огромной дугой, не приблизила, а удалила нас от неё.

10. П О Й М А Л И

— Вылезем — и напрямик к огню, — решительно заявляет Сенька, видя полное расстройство нашей рыболовецкой бригады.

— Да где он, огонь-то? — недоверчиво посматривает на него Витька.

— Должно, у староречья в осиннике, — уверенно отвечает наш приятель: — слышь, дым осиной отдаёт.

Теперь мы оба с Витькой тянем носом и глядим друг на друга. Мне ясно, что и мой друг ничего не чувствует. Тем не менее подчиняемся, сматываем и закидываем на плечи сильно потяжелевший мокрый бредень. Сенька опять идёт впереди с ботом, а мы сзади, хлюпая мокрыми ступнями.

Не прошли мы и пятидесяти метров, как я увидел сначала синий дымок, ползущий по сырому лугу в нашем направлении, а после и огонь, сверкающий среди мелкого осинника на крутом откосе у староречья. На скошенном лугу среди редких кустиков паслись коровы разных мастей. Красный телёнок с белой звёздочкой на лбу перестал щипать траву и, выкатив глаза, с удивлением проводил взглядом трёх до нитки мокрых оборванцев.

— Даже скотина и та на нас, дураков, глаза пялит! — не выдержал я.

— Тебя силой, что ли, загоняли бродить? — обиженно спросил Сенька.

Высокая густая ёлка поднималась, словно старая хозяйка, среди молодого шумливого осинника. Под её широко раскинутыми ветками поблёскивал костёр. Над огнём висел чёрный, закопчённый котелок. Около костра сидели двое пареньков лет тринадцати-четырнадцати, оба одетые в старенькие телогрейки!

— Здорóво, Ефим! Здорóво, Петро!

Сенька подал руку каждому из парней, положив на землю бот. Мы тоже бросили свою ношу и подошли к костру.

— Бредень ставить надо, а не бросать, — настаивательно сказал Сенька, поднял бредень и прислонил его к дереву.

Мы поздоровались с хозяевами, те ответили нам довольно равнодушно.

— Как добыча? — спросил Ефим, мальчишка повыше ростом, с лицом, будто забрызганным мелкими веснушками.

— Плохо, — ответил Сенька, сняв торбу и подавая её мальчику. — Выбери какая покрупней да сунь в котелок. Замёрзли.

Ефим раскрыл мешок и стал выкладывать на землю рыбу, как будто так и полагалось ему распорядиться нашим уловом. Я искоса поглядывал на него, а сам продолжал торопливо развязывать неуклюжую обувь.

— Ишь ты, как ноги попортил, — покачал головой Петро, второй паренёк, пониже, белобрысенький, с маленьким пуговкой-носок и хорошими, добрыми голубыми глазами.

— С непривычки, — ответил за меня Сенька.

— Ну да, с непривычки! — с обидой возразил я. — Они новые, словно из жести сделаны.

— Петро, — позвал Сенька, не обращая внима-

ния на мои слова, — пойдём, помоги бредешок поставить.

— Давай, — охотно отозвался тот, вскакивая на ноги. — На ветру, на солнышке он мигом провянет.

Они взяли бредень и пошли на луг. Ефим ещё раньше ушёл к староречью чистить рыбу, и мы с Витькой остались одни.

— Смотри, и я ногу натёр, — показал Витька кровотокающую ссадину на щиколотке.

— А у меня!.. — вытянул я поочерёдно обе ноги.

— У тебя ещё хуже, — согласился друг.

Сенька и Петро метрах в тридцати от нас приспособивали для просушки бредень. Одну палку положили на куст, другую на подпорке поставили прямо на лугу. Скоро они вернулись к костру. Ефим тоже пришёл с вычищенной рыбой и побросал её в котелок, где кипело несколько картошин.

— Петро, дай-ка луковицу, — попросил он.

И тот, достав из кармана, протянул головку лука приятелю.

Сенька, усевшись у костра, стал разуваться. Он не торопясь развязывал и скручивал на руке верёвки, каждую тряпку развешивал отдельно тут же у костра.

— Раздевайся совсем, — посоветовал Петро и, сняв с плеч телогрейку, протянул мне: — Пока посидишь, всё и высохнет.

Меня тронула такая внимательность, я с благодарностью принял телогрейку и набросил на плечи. Ефим отдал свою телогрейку Витьке. Тогда я подумал о Сеньке, но тот спокойно раздевался, не обращая внимания на нас.

— Скидай нательную рубашу, я мигом высушу, — сказал Ефим и принял рубашу от Сеньки.

Он держал её над костром, поворачивая то одним, то другим боком. Сенька накинул снятую со своих же плеч мокрую бабкину кофту и продолжал развязываться и раздеваться.

— Рано вы с сенокосом нынче управились, — сказал он, обращаясь к пастушатам.

— Где же рано? — по-деловому возразил Ефим. — Это только здесь схватить успели, на Выгороде только вчера начали, а Юхмановка и косы не видала.

— Значит, только с заливными управились? — продолжал Сенька.

— Знамо дело. Они сочные, их хорошо вовремя...

Мне очень нравилось, что ребята разговаривали будто взрослые и так же непонятно. Мне, честно говоря, казалось, что они нарочно напускали туману, важничали перед нами, москвичами.

«Ничего, погодите, — подумал я, — сейчас мы тоже развернёмся, дай только срок». Я ещё не знал, о чём буду говорить, но уже чувствовал, что когда начну, то положу противника на обе лопатки. Я пожалел, что оставил на мельнице свой перочинный нож. Одного его было бы достаточно. Помог мне Ефим, обратившийся с вопросом к Сеньке:

— Это с мельницы ребята, что ли?

— Ага, — кивнул Сенька.

А я вставил:

— Мы из Москвы.

— Из самой Москвы? — переспросил Петро, глядя на меня с таким удивлением, словно то, о чём я сказал, было невозможно.

— Из самой, — с удовольствием подтвердил я.

— А Сельскохозяйственная выставка от вас далеко? — осведомился Ефим.

— Недалеко, полчаса на троллейбусе, — ответил я наугад, чтобы не вызвать сомнения в нашей осведомлённости.

— Она ещё не открыта? — спросил Петро.

— Должна очень скоро начать работать, — отозвался Витька, — я в «Пионерской правде» читал.

— На-ка, надевай, — протянул Ефим высохшую рубашку Сеньке и принялся мешать в котелке. — Со всем разварилась картошка-то...

Я уже приготовился было пуститься в подробный рассказ о Москве, о выставке, но ребята больше вопросов не задавали и занимались своими делами: помешивали в котелке, приносили и ломали сучья, подбрасывали их в огонь. Я понимал, что не сумею завладеть вниманием ребят. Каждому хотелось сейчас перекусить. Это я очень хорошо чувствовал по себе.

— Петро, сходи-ка берёсты принеси, — попросил Ефим, — надо ложки сделать, а то у нас только две.

Мальчик встал, взял нож и направился по крутому откосу вверх.

«Ничего себе, — подумал я, — теперь два часа ложки будут делать». Чтобы не следить за котелком, я отвёл глаза в сторону и посмотрел на луг, но то, что я увидел, заставило меня содрогнуться.

— Телёнок! — закричал я не своим голосом и толкнул Витьку в плечо.

Красный телёнок с белой звёздочкой на лбу, щипавший траву около самого нашего бредешка, помахивал хвостом и задевал им за сетку. Бредешок дрожал, подпрыгивал и трещал.

Мой воинственный клич и удар в плечо были восприняты Витькой как команда «к бою». Он вскочил на ноги с необыкновенной резвостью и, раньше чем кто-нибудь мог его остановить, ринулся на телёнка с

устрашающими возгласами. Сенькин крик: «Стой!» — не изменил хода событий.

А события развивались бурно. Мы испугались за чужую рыболовную снасть, а телёнок испугался полуголового Витьки, страшных криков и шарахнулся в противоположную сторону. Он понёсся по лугу, таща на себе бредешок.

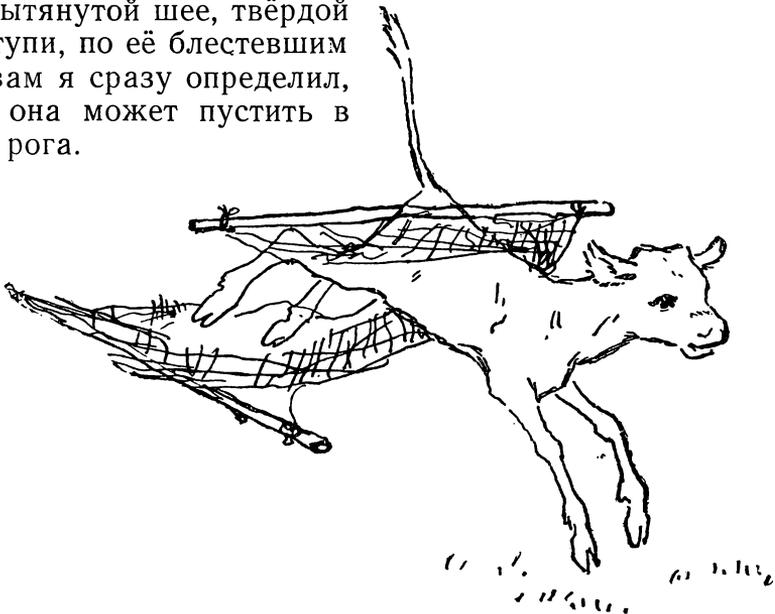
Телёнок бежал, обезумев от ужаса, высоко вскидывая тонкие длинные ножки, а мы четверо вели беспорядочную и безуспешную погоню. Коровы прекратили жвачку. Одна из них, красная, пятнистая, выдвинулась вперёд. Это была мамаша, почуявшая угрозу, нависшую над её коровьим чадом.

— Стойте! Стойте же вы! — зывал Сенька.

Но надо же было ещё сообразить, к кому относятся эти призывы — к нам или к телёнку!

— Витька, Серёга! Повзбесились, что ли? — кричал Сенька.

Наконец Витька остановился. Остановился и я. На меня больше всего подействовала пёстрая корова. По её вытянутой шее, твёрдой поступи, по её блестящим глазам я сразу определил, что она может пустить в ход рога.

— Петро, останови Пеструху! — крикнул Ефим второму пастушонку.

И тот бросился наперерез пятнистой корове, называя её нежными именами:

— Пеструха, Пеструха, Пеструшенька! Тпрось, тпрось!

А Ефим в это время вёл такой же нежный разговор с телёнком, который теперь стоял, прижавшись к кустам и пугливо озираясь.

— Доча, доча, доча! — повторял Ефим, протягивая вперёд руку, будто собирался чем-то угостить телёнка, и подходил к нему всё ближе и ближе.

Сенька шерстил нас на все корки:

— Олухи бестолковые! Что я теперь деду Ивану скажу? Ведь, поди, от бредня ничего не осталось, он и так едва дышал.

— Кто ж знал, что телёнок туда побежит? — попробовал оправдываться Витька.

— «Туда, туда»! — передразнил Сенька. — А куда же ему деваться, когда тебя лихоманка прямо на него несёт! Да ещё и орёшь.

— Это Серёга заорал, — кивнул Витька головой в мою сторону.

— Леший оглашенный! Будто тебя за волосы дёргали! — перенёс приятель упрёки на меня.

Ефим наконец добрался до телёнка. Он держал животное за шею и ласково уговаривал, осторожно распутывая сетку. Сенька поспешил ему на помощь.

Теперь на наших глазах происходит трогательная сцена: взволнованная мама Пеструха встречает телёнка. Он мычит и тянет морду, будто жалуется на недавнее происшествие. А Сенька, чуть не плача, разворачивает перед нами бредешок.

— Что же теперь с ним делать? — спрашивает он.

— Скажешь, сом залетел, — советует Ефим.

— Он бы в одном месте, — рассуждает Петро, — а тут, глянь, кругом.

— Нет уж, — качает головой Сенька, — придётся виниться, рассказывать всё как было...

После минутного молчания он уже более спокойно добавляет:

— Сначала заштопаем всё, что можно.

11. ЗА ГРИБАМИ

— Наверное, Сенька обиделся за бредень, — высказал предположение Витька.

Действительно, наш новый друг уже несколько дней не показывался на мельнице.

— Мы одни, что ли, виноваты? — рассуждал я. — Они же сами выставили бредень на лугу, где скотина паслась.

— Сходить бы к Сеньке, — предложил Витька.

Мне и самому очень хотелось вернуть Сеньку. Без него всё, что мы начинали, быстро надоедало. Конечно, надо было бы сходить в деревню, но пугала возможная встреча с дедом Иваном, в чей бредешок заскочил красный телёнок. Правда, при помощи бабкиных суровых ниток мы всё, что оказалось возможным, подштопали, затянули, залатали. Но телячьи следы всё же остались хорошо заметны. Недаром Сенька тогда сказал, качая головой: «Его легче новый связать, чем штопать...»

Мы излазили всю мельницу, побывали даже на мельничном колесе, качались на привязанной лодке, прыгали с неё и перевернули. Наконец от безделья собрались удить рыбу после обеда и даже накопили червей. Но к обеду пришёл дядя Вася, не появлявшийся на мельнице тоже несколько дней. Он перестроил все наши планы.

— Чем занимаетесь, молодцы хорошие? — спросил он за столом.

Будь это на улице, мы бы, ни секунды не задумываясь, ответили, что тренируемся. Здесь же, при сви-

детелях, боясь быть уличённым во лжи, я скромно сообщил:

— Да вот собираемся рыбу удить...

— Дело неплохое. А народ говорит, будто на Яхинской гари колосовиков тьма...

Я лягнул под столом Витьку, спрашивая глазами, что он знает о колосовиках, что это такое. Но Витька только повёл плечами.

— Оно, конечно, хорошо бы свеженьких грибов, — прищурившись, заметил дед Никанор.

— Мне в Яхино надо, — обратился к нам дядя Вася, — вот я и подумал: доведу вас до гари, наберёте грибов, а домой сами вернётесь. Я в Яхине два дня пробуду: там у меня тракторная бригада работает.

Воспоминания о походе со станции к тому времени уже стёрлись в нашей памяти, и мы с восторгом приняли предложение дяди Васи.

Сразу после обеда, получив от бабки корзинки, ватрушки с творогом и картошкой, завёрнутые в чистую тряпицу, мы двинулись за грибами-колосовиками. Я знал подберёзовики, подосиновики, маслята,лисички, белые, даже шампиньоны знал, но не имел представления о колосовиках.

Следуя за дядей Васей, мы перешли по лавам на другую сторону, миновали прибрежный луг и вошли в лес по едва заметной лесной дороге, которой, видимо, пользовались только зимой. Василий Никанорович вдруг остановился и заставил нас обернуться назад.

— Когда идёшь по незнакомой дороге, непременно поглядывай назад, — посоветовал он. — Примерчай: с другой стороны у неё совершенно другой вид.

После такого предупреждения мы с Витькой то и дело оборачивались, зная, что домой придётся идти одним. Лесная дорога вывела нас на обыкновенную просёлочную. Эта шла то лесом, то полем, то кустарником. Она поднималась на возвышенности, открывавшие глазам широкие просторы окрестностей, или опускалась в низину, где в тени деревьев пахло сы-

ростью, а между вершинами застывших елей виднелось высокое небо.

На развилках дорог Василий Никанорович заламывал ветки. И шли мы так, быть может, часа три, пока не свернули с дороги в сосновый бор. Я почувствовал незнакомый горьковато-острый запах, едва уловимый, но резко отличающийся от всех других запахов — смолы, цветущего баговника, прелой хвои, испаряющейся росы и многих других, наполнявших сосновый лес.

Скоро я установил, откуда шёл этот запах. Мы вошли в горелый сосновый бор. Высокие, стройные деревья обгорели снизу; видимо, огонь проходил по земле. Он выжег низкие кустики баговника, можжевельник, спалил траву, бруснику и колокольницу, но не достал до веток, раскинувших свои мохнатые ладони высоко около самой вершины.

Кругом стояли чёрные снизу, обгоревшие стволы деревьев. Лишь кое-где печально рыжели опалённой хвоей молодые сосенки, которым уже никогда не суждено было стать стройными деревьями, такими, как эти огромные великаны, устоявшие в пожаре.

— Ребята, а ну-ка, идите сюда, — позвал Василий Никанорович, — приглядывайтесь, как они растут.

Я уже приготовился увидеть знаменитый гриб-колосовик, но увидел белый, ловко замаскировавшийся под цвет опавшей хвои.

— А ещё не видите? — спросил дядя Вася, когда я управился с бяляком.

Внимательно присмотревшись, я обнаружил ещё один гриб, чуть поменьше первого.

— А ещё? — хитро улыбнулся дядя Вася.

Но сколько мы ни смотрели, ничего не могли найти.

— Глядите, — показал дядя Вася палкой на чуть заметно приподнятую хвою.

Когда он кончиком палки отбросил иголки, мы увидели шляпку ещё одного белого гриба. Тогда я

присел на корточки и стал ощупывать каждую неровность. Витька делал то же самое. И здесь, не сходя с места, мы нашли ещё несколько белых.

Я вооружился палкой и, медленно переходя от одной полянки к другой, отыскивал грибы. Только изредка попадались подосиновики и подберёзовики, но больше в наших корзинках лежало крепких, тугих белых грибов. Меня подогревало любопытство, хотелось поглядеть на колосовики, но и дядя Вася до сих пор находил только одни белые.

— А что же колосовики-то не попадаются? — наконец не выдержал и спросил Витька.

Вместо ответа Василий Никанорович громко захотал. Мы обиженно переглядывались и ничего не понимали.

— Чудаки, — едва справившись с хохотом, вымолвил дядя Вася, — да это же и есть колосовики!

— Это белые, — неуверенно возразил я.

— Первые летние грибы зовут колосовиками; растут они в то время, когда хлеба колосятся.

Откуда же было нам это знать? И какая разница, когда появился гриб? Так я и заявил дяде Васе.

— В народе говорят, разница есть, — ответил он уже серьёзно. — В наших местах, например, колосовики не сушат на зиму: они слишком водянистые, усыхают, быстро портятся. Осенний гриб устойчивее.

Мы глубже и глубже забираемся в лес. Корзинки наши становятся тяжелее, наполняясь грибами. Чтобы легче было достать бабкины ватрушки, я их держу поверх грибов. Поэтому свёрток с ватрушками падает всякий раз, как только я нагибаюсь.

— Съедем, что ли? — говорю я, уже в десятый раз поднимая свёрток с земли.

— Проголодались? — спрашивает дядя Вася.

— Да, не мешало бы... — сознаётся Витька.

Мы уселись тут же между сосен, кто на чём сумел. Я развернул тряпицу с бабкиными ватрушками. Дядя Вася из командирской сумки, висевшей через плечо,

достал несколько свежих огурцов, шесть штук яиц и соль. Увидев продукты, я понял, что страшно проголодался. Наверное, проголодались и Витька и дядя Вася. Ели мы молча, сосредоточенно. Только покончив с последними ватрушками и огурцами, мы заговорили.

— Узнать бы, который час, — поинтересовался Витька.

— Думаю, около половины седьмого, — кинув взгляд на небо, ответил дядя Вася, а достав часы, сказал: — Ну вот, ошибся на пять минут. Сейчас без двадцати пяти семь.

Витька откинулся на спину и положил руки под голову. Я тоже после еды почувствовал неодолимое желание растянуться и подремать. И мне подумалось, как хорошо бы быть в эту минуту дома. Наверное, дядя Вася разгадал наши желания.

— Знаете, в которую сторону домой идти? — спросил он.

Мы посмотрели по сторонам. Я при всём желании ничего не мог определить. Кругом стояли совершенно одинаковые сосны с обгоревшей внизу чёрной корой. На всякий случай наугад я махнул рукой, показав в ту сторону, откуда, казалось, мы подошли к этому месту.

— А ты как думаешь? — обратился дядя Вася к Витьке.

— Не знаю, — глухо ответил тот.

— У Витьки лучшая ориентировка, он хоть знает, что не знает, — сделал неожиданный вывод Василий Никанорович и с улыбкой глянул на меня, — а ты был бы хорош, если бы искал дом в той стороне.

— А в какой же он?

— Совсем в противоположной.

— Вам, конечно, просто, — заметил я, — вы здесь выросли...

— Это верно, места родные, — задумчиво отозвался Василий Никанорович, — мальчишками частенько сюда бегали. Тогда здесь гари не было. Это

во время войны бор горел. А после войны я ещё ни разу здесь не был — не до грибов. Это вот с вами выбрался.

Посидели некоторое время молча. Потом наш проводник поднялся, отряхнул иголки, прилипшие к одежде.

— Давайте двигать, — сказал он. — Пройдём ещё левым краем, доберём корзины, да я вас и на дорогу выведу, пойдёте домой.

Сначала идти было тяжело, но, поразмявшись, я опять почувствовал лёгкость и увлёкся грибами. Когда вышли на дорогу, наши корзины были полны, а моя просто поднималась верхом так, что мне пришлось перевязать её бабкиной тряпицей из-под ватрушек.

— Узнаёте дорогу? — спросил дядя Вася.

— Узнаём! — обрадованно закричали мы, так как и ручеёк, и мост, и просёлок, поднимавшийся вверх по песчаному откосу, нам хорошо запомнились.

— Тогда шагайте. Да особенно не мешкайте, а то дотемна не доберётесь, — посоветовал дядя Вася.

Мы распрощались и разошлись. Наша дорога уходила по спуску к ручью, а дядя Вася, помахивая палкой, лёгкой походкой удалялся в противоположном направлении. Скоро мы уже не видели его высокой фигуры.

— Давай напьёмся да посидим у ручья, — предложил я.

Витька немедленно согласился. Поставили корзинки на зелёной траве, в стороне от дороги, спустились к ручью, напились и, сбросив тапочки, забрели в холодную прозрачную воду. Сотни мелких рыбёшек сразу набросились на ноги: они щёлкотали пальцы, забирались между ними и даже подлезали под ступню.

— Пойдём, а то и правда поздно будет, — вспомнил Витька.

— Да ещё восьми нет, — важно заявил я, взглянув на небо, как это делал дядя Вася.

Об истинном времени я не имел ни малейшего

представления. Ни небо, ни солнце мне тоже ничего не подсказали. Но мы и так понимали, что вечер близок и надо спешить домой.

Шли мы довольно благополучно, если не считать единственной неприятности: корзинки почему-то становились с каждым шагом тяжелее, их приходилось всё чаще и чаще передавать из одной руки в другую. А рук всего две. Конечно, хорошо бы сесть отдохнуть!

Но вот перед нами расходятся под углом две дороги. Смотрим поочерёдно то на одну, то на другую, смотрим друг на друга. В лучах заката золотится старая искривлённая сосна. Она широко раскинула ветки во все стороны и нависла над обеими дорогами. Одинаковый мелкий кустарник растёт по одну и другую сторону дорог.

— Куда теперь идти? — пожимает плечами Витька.

Почему он спрашивает меня, когда я тоже не имею ни малейшего представления о дороге! Меня это злит.

— Закудакал! «Куда, куда»!.. А я почём знаю! — отвечаю я резко.

Ставим корзинки под развесистой сосной и расходимся один на левую, другой на правую дорогу. Проходит, может быть, две или три минуты. Я уже отчаиваюсь что-нибудь определить, но тут раздаётся Витькин радостный крик:

— Серёга! Ветка!

Я подбегаю к другу и вижу сломанный дядей Васей сучок на низкорослой ольхе. «А если бы не дядя Вася?» — думаю я. Но сейчас не время размышлять.

— Айда за корзинками, да прибавим шагу, а то скоро совсем стемнеет, — говорю я.

И мы бежим к сосне.

Но как мы ни прибавляем шагу, как ни спешим, а до поворота на лесную дорогу добираемся уже в сгустившихся сумерках. Когда входим в лес, то кажется, будто нам на глаза надели тёмные очки, через которые наблюдают затмение солнца. Но солнца сейчас

уже нет. Даже слабого красноватого отблеска его лучей не осталось на вершинах деревьев. Только там, в просветах между ветвями, виднеется небо с редкими звёздами.

Мы торопливо шагаем по лесной дороге. Безмолвие обступает нас со всех сторон. Даже на небольшом расстоянии едва различаются тёмные силуэты сосновых стволов. Ещё совсем недавно, днём, мы проходили здесь втроём и зелёный бор казался таким весёлым, почему же сейчас эта тревожная тишина вызывает страх?

— Сказал бы хоть что-нибудь, — прошу я Витьку.

Говорю же я это для того, чтобы разорвать гнетущую тишину и отогнать мрачные мысли. Но голос мой звучит тихо и хрипло, будто чужой. Горло словно перехватило тугой резиной.

— Что я скажу? — так же глухо отзывается Витька.

— Хоть чего-нибудь...

— Давай бежать, — предлагает он, и я понимаю, что ему тоже страшно в лесу.

Но мы не бежим, потому что бежать ещё страшнее. Кажется, побеги — и всё страшное бросится следом за тобой, зашумит, затопает ногами. Нет, надо идти шагом, но только нельзя молчать. И я пересиливаю себя, начинаю говорить, стараясь произносить слова громко и уверенно:

— Сейчас придём. Бабка, наверное, молоко и хлеб на крыльце поставила. Поедим — и спать на сеновал. Здорово!

Но Витька и теперь ничего не отвечает. Тишина и темень снова подступают со всех сторон. Едва различимые тёмные силуэты деревьев пугают своим загадочным безмолвием.

— Что ж ты молчишь? — спрашиваю я.

— А что?

— Разве не проголодался?

-- Проголодался.

— Спать хочешь?

— Хочу.

— А что ты больше хочешь: спать или есть?

— То и другое...

— И я тоже...

Наступает пауза. Опять тревога вселяется в сердце.

— Что ж ты замолчал? — спрашивает теперь Витька.

— Смотри, вроде лес кончается, — говорю я вместо ответа.

Мы выходим из мрачного бора на заливной луг. Правда, светлее не становится. Небо на той стороне, за мельницей, ещё светится зеленоватым отблеском зари, от чего лес и берег кажутся темнее. На этом чёрном фоне не видно никаких ближних предметов. Зато отчётливо слышен шум воды у мельничной плотины. А прибрежный луг исхожен вдоль и поперёк, знаком до мельчайших подробностей. Каждую кочку узнаёшь под ногой, каждую возвышенность, каждую ямку.

— На мельнице свету нет. Спать легли, — говорит Витька, и меня радует его повеселевший голос.

— Конечно, легли: сейчас полдвенадцатого, не меньше, — говорю я, опять поглядев на небо.

Сейчас я бы мог говорить без умолку, но уже нет необходимости, да и усталость овладевает мной. Кринка молока, лежащий поверх неё ломоть душистого чёрного хлеба, сеновал с постелью под самой крышей, словно магнит, притягивают меня, и я ускоряю шаг. Мысленно я уже там, где шумит у плотины вода.

И вдруг кто-то хватает меня за плечо, сильно ударяет в лицо, а когда я падаю, одной рукой хватает за шею и больно царапает. Другой рукой бьёт по боку. Следующий резкий удар я получаю, видимо, ногой, ниже поясицы.

Падая, ору не своим голосом и почти теряю сознание в ожидании новых ударов. Но ударов не следует.

Вместо этого слышу взволнованный, полный тревоги голос друга:

— Серёжа, что ты?

Витька касается меня рукой, и я судорожно хватаюсь за него. Из груди моей вырывается стон.

— Серёжа, что с тобой? — чуть не плачет Витька.

— А-а! Что со мной? — Я сажусь и ещё крепче прижимаюсь к другу. — Меня ударили...

— Кто ударил?

— Не знаю...

— Что-то трещало. Ты, наверное, в куст влетел.

С земли, снизу, на фоне неба мне видны очертания уродливых сучков. Теперь я хорошо узнаю эту засохшую черёмуху с молодыми побегами возле старого, отжившего ствола. Стоит она всего-навсего метрах в ста от плотины. Я в темноте прямо лицом ударился в сухой ствол, а падая, попал в объятия сучков.

— Здорово ударился? — спрашивает Витька и глупо смеётся.

— Смеёшься? — злюсь я. — Смейся, смейся!..

Но именно эта злость быстрее всего привела меня в нормальное состояние. Поднялся, ошупью нашёл корзинку, и мы молча двинулись дальше.

12. БАБКА АГРАФЕНА

Я долго не могу заснуть. Подо мной шуршит сено. Даже когда я не шевелюсь, оно шумит, будто где мышонок пробирается. Только закрою глаза — вижу грибы: большие, поменьше, совсем маленькие — крепкие, тугие белые грибы. Это начинает надоедать, и мне очень хочется заснуть.

Ноют ноги в икрах. Боль знакомая, от ходьбы — я испытывал её раньше. Болят плечи и мускулы рук: натянула корзинка с грибами. Хочу вспомнить ещё что-то. Перед глазами проплывают тёмные силуэты деревьев в ночном бору, но сейчас мне уже не страш-

но. Передо мной возникает сухое дерево черёмухи, растопырившее корявые, неуклюжие засохшие сучья...

Надо мной склоняется мама. Я разглядываю её доброе лицо и узнаю каждую морщинку возле глаз, на переносице, на лбу. Мама гладит меня по голове. Я знаю, всё это мне кажется. Мама далеко, а я лежу в сарае на сене. Становится грустно.

Быть может, именно в эту ночь далеко от дома, на сеновале мельницы, я впервые так ясно понимаю, как мне дорога, как нужна мама. Мне вспоминаются последние минуты перед отъездом из родного дома. Мама стоит, опершись руками о стол, а я с рюкзаком в руках — у дверей.

«Что ж, сынок, счастливого пути, — говорит мама, — ты большой стал, без меня дорогу найдёшь».

Я хочу спросить маму: разве она не поедет на вокзал? Но из коридора доносится Витькин голос: «Серёга, скоро ты?» Я мнусь в нерешительности, а мама смотрит на меня, и в глазах у неё такое, чего раньше я никогда не замечал.

«Иди, сынок, счастливого пути», — говорит она, подходит, целует в лоб и, тихонько подталкивая, провоживает в коридор.

Я смотрю в её глаза, они всё такие же необычные. Что-то хочу сказать, но мама закрывает дверь, а ко мне подсакивает Витька и тащит к дверям:

«Пошли, пошли, дядя Вася ждёт внизу...»

Я тогда обиделся на маму. Но теперь понимаю, что это я обидел её.

С этими грустными мыслями я и заснул. Разбудила нас бабушка Аграфена, позвала завтракать.

— Полуношники! — ворчала она, подавая к столу. — И тот заводиловка-то. Уж большой, а ума словно у ребёнка!

Последнее, видимо, относилось к Василию Никаноровичу. Почему она была недовольна сыном, я понять не мог.

После завтрака Витька позвал меня на реку, но я не пошёл.

— Давай напишем письма домой, — предложил я.

Витька согласился, но не очень охотно. Даже странно: у меня желание такое, что ни о чём другом и думать не могу.

Бабка Аграфена достаёт из всячего шкафчика пузырёк с чернилами и ручку. Потом долго роется в сундуке и вынимает два конверта. Кладёт их перед нами на столе и говорит, будто оправдывается:

— Это ещё когда сыночки на фронте были...

В уголках старческих глаз накапливаются слёзы, потом они медленно стекают по обеим щекам. Старуха утирает слёзы передником и смотрит, как я чернилами в левом уголке листа вывожу число.

— Вот как хорошо, детушки! Родителей почитать надо... — И бабка проводит заскоруждой ладонью по моей упрямой шевелюре, а потом гладит по голове и Витьку, бойко строчащего карандашом.

Что случилось с бабушкой Аграфеной? Ворчливая, будто постоянно чем-то недовольная, она всегда казалась мне мрачной и сердитой. Я был почти уверен, что она никогда в жизни не улыбается. И сейчас, правда, улыбки нет, но в глазах теплится доброта и каждая морщинка возле глаз будто освещена едва заметным светом.

— Пишите, пишите, — качает она головой, отходя к печке, — я завтра к заутрене пойду и сдам на почту...

— Можно прямо в селе в ящик бросить, — советует Витька, не отрываясь от письма.

Бабка останавливается и поворачивается к нам.

— Эко сказал — бросить! Я в собственные руки начальнику на почте вручу.

— А не всё равно, что на почте, что в ящик? — опять говорит Витька.

Я вижу, как лицо старухи снова принимает обычное хмурое выражение, потухает добрый свет в глазах, морщинки становятся жёсткими и некрасивыми. Она медленно поворачивается и уходит в свой угол к печке. Слышен её глухой, ворчливый голос.

— Бросить! — произносит она чуть слышно. — Родителям пишешь... бросить...

Витька, увлечённый письмом, видимо, не слышит бабкиного ворчания. Исписав лист, он так же быстро пишет на обороте. А я сижу и на моём листочке написано пока только число.

Ночью я так хорошо знал всё, что нужно написать! Даже за завтраком это было ясно. А вот сейчас, когда смотрю на чистый лист, лежащий передо мной, перебираю в памяти известные слова, которые пишут в письмах, я чувствую, что они совсем-совсем не такие, какие нужны.

Хочу написать «Здравствуй, дорогая мама», но не пишу. «Здравствуй, мама!», «До свиданья, мама!» — разве эти слова приходили мне в голову ночью?

— Дай ручку, адрес написать, — просит Витька.

Собираясь запечатать конверт, он спрашивает:

— Может, в одном отправим? Давай, а то заклею...

Приподнимаясь и заглядывая через стол в мой листок, он присвистывает:

-- Это и всё?..

Так как я молчу, ему кажется, что я жду помощи.

— Ну чего тут мудрить-то? Давай пиши. — И Витька начинает диктовать: — «Добрый день... или добрый вечер... дорогая мама! Я живу хорошо, чего и тебе желаю...»

Витька говорит складно и совсем не то, что мне надо. Но, что именно нужно мне, я и сам не знаю.

— Ладно, погоди, я сам... — машу я рукой.

— Отстань, стрикулист! — вдруг обрушивается на

Витьку бабка.—Не мешай человеку. Нахватал небось в письме-то что ни есть...

Витька от неожиданного нападения хлопает глазами и невнятно бормочет:

— А я что... я написал...

— Ну и беги во двор да регочи там, ровно жеребёнок, — отчитывает бабка.

И Витька, соорив мне рожу, скрывается.

Старуха подходит к столу, некоторое время смотрит на мой пустой лист, а потом советует:

— Ты, сынок, пиши что знаешь. Мать — она всё как есть поймёт.

И опять отходит к печке, гремит там посудой.

Я решительно обмакнул перо и принялся писать: «Здравствуй, дорогая мама! Я живу хорошо, чего и тебе желаю...»

Потом написал о том, как ходили на рыбалку, за грибами. Хотел описать происшествие с тачанкой, но решил не расстраивать маму.

Довольно быстро справился с письмом, поставил подпись, а в самом низу приписал:

«Обязательно пришли ответ, а то мне без тебя очень скучно».

— Чудная эта бабка, правда? — хихикает Витька, когда я, покончив с письмом, разыскал его в кустах на реке.

Я не отвечаю, так как ничего чудного в старой женщине не нахожу. Витька по-своему понимает моё молчание и пускается в рассуждения.

— Чего удивительного! В школе не училась и нигде дальше своей деревни не была. На поезде ни разу не ездила, — Витька пожимает плечами, — понимаешь, ни разу. А самолёта, наверное, и в глаза не видала. Во тоска, правда?

Жить в деревне на одном и том же месте в течение года, трёх, десяти... Это, должно быть, и правда, не весело. Но мне вовсе не смешно. Мне, наоборот, очень жалко бабку Аграфену.

— Спишь, что ли? — спрашивает Витька.

И я снова не отвечаю.

Сквозь дремоту слышу, как изредка всплескивает волна на реке, монотонно шумит вода у плотины. Солнышко пригревает спину, и я проваливаюсь в сон...

Проспал я час или два, но до самого вечера ходил словно сонная муха. Разморило меня, и я никак не мог отогнать мрачное настроение. Только к концу дня разошёлся и почувствовал себя снова бодрым.

Потихоньку подкрадывается к мельнице тёплый летний вечер. Вытягиваются, удлиняются тени лип и сосен, от реки сильнее слышится запах водорослей и лилий.

Я сижу на крыльце. Отсюда так хорошо смотреть на реку, на плотину, на мельницу, на заречные луга, на небо! Я вижу, как Витька набрал плоских камешков и бросает их, заставляя рикошетом скользить по поверхности реки. Мне нравится и то, что он делает, и то, как на воде один за одним появляются маленькие всплески, которые потом расходятся всё большими и большими кругами. Но самому мне не хочется шевелиться.

Через некоторое время из дома выходит дед Никанор. Его правая рука лежит на поясице, а сильно согнутые в коленях ноги будто подкашиваются при каждом шаге.

— Ломит, ажно как собака грызёт. Должно, на погоду, — жалуется он и направляется к мельнице.

Я знаю, у него есть любимое место за мельничной стеной, возле колеса. Там он иногда сидит часами, глядя в тёмную глубину нижнего оута. Однажды как-то я подсел к деду, но он упорно молчал, не ответил ни на один мой вопрос. Я понял, что он занят своими мыслями, не слышит и не видит меня.

Дед и сейчас скрывается за мельницей. А я всё так же продолжаю сидеть на крыльце. Проходит ещё сколько-то времени, из дверей дома появляется бабка Аграфена. Усевшись напротив меня, она кладёт на

колени клубок шерстяной пряжи и начинает зачем-то перематывать её на другой клубок. Бабка тоже молчит и только время от времени глубоко и шумно вздыхает.

Клубок скатился с бабкиных колен, я поднял его и положил обратно, но старуха как будто не заметила этого. Я вспомнил сегодняшний разговор на реке с Витькой и решил спросить:

— Бабушка, вы всю жизнь здесь живёте?

— Нет, сынок, девкой с отцом да матерью в Юхине жила.

— А больше никуда не ездили? В города?..

— Приходилось. Помоложе была одного разу в губернию ходила, туда и обратно пешком...

— Почему же пешком, а не по железной дороге?

— Тогда ещё и не было её, дороги-то, здесь...

— Скучно, бабушка, на одном месте?

Я задал последний вопрос и сам испугался: а вдруг старая женщина обидится? Но она ответила без всякой обиды:

— Некогда скучать было. — Вздохнула и добавила: — Пятерых сыновей вырастила...

Я знал, что из всех сыновей война оставила ей одного только Василия Никаноровича, и больше не задавал вопросов.

13. ОТВАЖНЫЕ КАПИТАНЫ

Дедовы кости болели не зря. Той же ночью подул холодный ветер, к утру всё небо затянуло низкими серовато-синими облаками, то и дело сеявшими на землю мелкий, нудный дождь.

— Мой барометр не ошибётся, — говорил дед Никанор, как будто довольный и ломотой в суставах и дождём.

Но уже на третий день дед ворчал и сердился на дождь, на ветер, на тучи. Хотя ему ничто не мешало

с утра брать топор и отправляться на мельницу, где он беспрестанно что-то чинил, дед всё же не забывал по нескольку раз на день помянуть недобрым словом непогоду.

— Эх ведь его не ко времени прорвало! День и ночь ровно из худого сита! — ругался он, отряхивая на крыльце сырую телогрейку, перед тем как войти в избу.

Бабка делала вид, что её не касается погода. Она жаловалась и ворчала не больше, чем в хорошие солнечные дни, и продолжала так же суетиться по хозяйству с утра до вечера.

Больше всех надоела дождливая погода нам с Витькой. Она лишала нас свободы, к которой мы успели привыкнуть на мельнице. Дождь зажал нас в четырёх стенах. Несколько раз мы пытались выскочить на улицу, но холод и дождь снова загоняли нас в избу. Мы вспомнили, может быть в первый раз за всё время, о книжках, оставшихся в Москве, об играх, которые возможны дома, о радио и кино. Но от этих воспоминаний веселее не становилось.

— Полезем на чердак, — предложил я.

Но как только мы забрались на первые скрипучие ступени, появилась бабка Аграфена и прогнала нас с лестницы.

Тогда мы забрались на низкие полати и, разложив там в полумраке карту и компас, принялись разглядывать маршруты экспедиций, о которых так много мечтали в ванной комнате. Сначала это занятие навевало грустные воспоминания, но мало-помалу путешествия нас увлекли и захватили. Не помню, кому принадлежала идея, но скоро наш корабль, готовый отправиться в далёкую северную экспедицию, уже покачивался на волнах возле причала Химкинского речного порта в Москве.

Прозвучал прощальный гудок. Мы помахали рукой ребятам с нашего двора, оставшимся на берегу, и по каналу потопали сперва в Московское, потом в

Рыбинское море. Скоро по Шексне и Мариинской водной системе добрались до Беломорско-Балтийского канала, оставив позади широкие водные просторы Онежского озера. Открывался прямой путь в Белое море.

— Выбрать якорь! Отдать носовую, трави кормовую! — то и дело раздавались на полатах команды.

Экспедиция была в самом разгаре, но тут послышался сердитый бабкин голос:

— Что орёте, оглашенные! В ушах от вас ломит!

Мы вынуждены были перейти на шёпот, от чего сразу полати превратились в полати, исчезли и канал и живописные берега, волны перестали биться о борт корабля.

— Давай говорить на тарабарском языке, чтобы бабка ничего не понимала, — предложил Витька, — вроде мы ведём иностранный корабль.

— По нашему-то каналу — иностранный? — возразил я.

— А почему? Польский, чешский или румынский... — ответил Витька.

— Пое-хтары, впере-хтары! — согласился я, сразу переходя на иностранную речь.

— Дава-хтары, грузи-хтары топли-хтары! — вдруг приказывает Витька.

— Возьмё-хтары топли-хтары в Арха-хтары-нгельске-хтары, — не соглашаюсь я, движимый желанием скорее добраться до Белого моря, а самое главное — возмущённый начальственным тоном приятеля.

Витька начинает уверять меня, будто топливо кончается, когда я точно знаю, что у нас ещё полон трюм угля. Разгорается шумный спор. Он привлекает внимание бабки. На этот раз она обещает ухватом навести у нас на корабле порядок.

— Вечно ты споришь! — обвиняет меня Витька, хотя виновен прежде всего он сам.

Через пять минут, поругавшись на всю жизнь, мы разошлись по разным углам. Витька около окна про-

должает рассматривать карту. Я надеваю ступни и собираюсь идти на улицу.

— Куда это тебя несёт? — сурово спрашивает бабка.

— Пойду к деду. Может, чего помочь надо, — отвечаю я и ловлю себя на желании быть похожим на Сеньку, говорить такими же словами, тем же тоном, как и он.

Бабка снимает со стены свою телогрейку и протягивает мне:

— Надень. Холодно, поди, на дворе-то, — говорит она.

Деда нахожу под навесом мельничного сарая. Сидит он прямо на жёрнове и насекает его при помощи небольшого зубила и молотка. Я долго стою, переминаясь с ноги на ногу, примериваясь, чем могу быть полезен деду. А Никанор Николаевич смотрит на меня и сам предлагает:

— Хошь дело дам?

— Давайте, — охотно соглашаюсь я.

— Há, — подаёт он мне молоток.

Мне показалось, что дед хочет заставить меня насекать жёрнов, и я сейчас же отказываюсь:

— Да я...

— Возьми и распрямляй гвозди, — перебивает меня дед, показывая рукой на ящик, стоящий у стены мельницы. — Погода установится, надо будет крышу ремонтировать. Лучина у меня есть, а вот гвозди, сам видишь, какие...

Время шло незаметно. Когда, покончив с гвоздями, я выглянул из-под навеса, дождь перестал. Тучи торопливо неслись к востоку.

— Если коту на штаны выкroiшь голубого неба, непременно ведро установится, — сказал Никанор Николаевич, задирая голову кверху.

Заметно потеплело. Временами солнечные лучи пробивались через голубые окна в тучах и весело освещали реку, берег. И тогда над рекой поднима-

лись лёгкие хлопья тумана. Поднимались они и над просыхающими крышами мельничных построек.

И сразу всё вокруг будто встрепенулось и повеселело. Звонче запели птицы в прибрежных кустах, заиграла рыба в реке. Ей сейчас было чем поживиться: шальная дождевая вода посмывала с берега червяков и зазевавшихся козявок. Какая-то солидная рыбина тяжело шевельнула воду. А вот там беспечная уклейка вылетела из воды, блеснула, точно лезвие ножа, и опять упала в родную реку. Пошли торопливые волны и пропали. Пара беспокойных трясогузок опустилась на песок недалеко от нашего навеса и, поблёскивая чёрными бусинками глаз, потребовала:

«Пить-пить-пить! Пить-пить-пить!»

— Чего-чего, а питья кругом сколько хотите, — добродушно улыбнулся дед, кивнув трясогузкам головой.

Этого дедова движения оказалось достаточно, чтобы пугливые птички взмыли и полетели на противоположный берег реки, повторяя всё ту же настойчивую просьбу: «Пить-пить-пить!»

Меня неудержимо потянуло за этими непоседливыми пичугами. Я посмотрел им вслед и спросил деда:

— Гвозди сделал. Есть ещё чего?

Но спросил я так, что дед Никанор сразу всё понял:

— Нет, брат, — глянул он на меня с улыбкой, — беги уж...

И я побежал. На секунду залетел домой, сбросил надоевшие ступни, повесил на гвоздь бабкину телогрейку и выскочил на улицу. Витьки нигде не было видно. Я пустился по берегу вниз по реке и, конечно, через минуту нашёл своего друга. Он стоял по колени в воде и пытался справиться с длинным толстым бревном.

По неуклюжим движениям друга я понял, что он собирается прокатиться на бревне по реке. Витька за-

бирался на бревно, а оно всякий раз выкручивалось из-под ног. Витька снова становился на бревно, балансировал, отчаянно взмахивая руками, и всё же опять срывался в воду.

Хотя мы были в ссоре, трудно было не посоветовать другу.

— Упирайся в дно, — крикнул я и подал Витьке палку.

При помощи палки Витька наконец удержался на бревне. Вот он оттолкнулся и двинулся вперёд. На лице приятеля появилась победная улыбка. Но как только он попытался оттолкнуться ещё раз, бревно тотчас же закачалось. Витька попробовал сохранить равновесие, опёрся на кол, но бревно резко закрутилось в противоположную сторону. Витька взмахнул руками и плюхнулся в воду.

— Пстой, не так! — закричал я, тоже залезая в воду.

Скоро я убедился, что мои попытки мало чем отличаются от попыток моего товарища. Я тоже вымок чуть ли не по самую шею, но бревно отказывалось подчиняться и всякий раз выкручивалось из-под ног, как только один из нас забирался на него.

— Давай к берегу, — предложил я, — мы сейчас его усовершенствуем...

Забыв о недавней ссоре, мы принялись за дело.

Прежде всего потребовалось подобрать необходимый материал. Это было просто. В прибрежных кустах всегда можно найти и обрубки брёвен и доски от заборов, занесённые сюда ещё весенним паводком. Потом я слетал на мельницу и принёс несколько больших гвоздей.

С помощью досок и гвоздей мы приладили короткое бревно к концу большого, поперёк, в виде буквы «Т». Две длинные доски прибили по бокам: к концам короткого бревна и к вершине большого. Теперь у нас получился треугольник, который устойчиво лежал на воде. Мы ещё постелили сверху несколько досок, что-

бы удобнее было стоять на плоту, и приготовились к плаванию.

Вооружившись длинными колами, мы забрались на наш корабль, но он стал медленно погружаться в воду. Оказалось, что двоих сразу он не может поднять. Мы установили очередность, и дело у нас пошло.

Пока Витька плыл по воде, я передвигался по суше и обстреливал корабль из береговых орудий, кидая в воду куски дёрна. Брызги поднимались около бортов корабля. Витька выкрикивал слова команды, довольный ходом морского сражения. На нём уже не было сухого места, но он и не думал сдаваться.

Наконец после долгих переговоров мы поменялись местами. Я вёл по реке боевой корабль, а Витька обстреливал меня из орудий. С меня тоже текла вода, но корабль оставался неуязвимым и смело пробивался вперёд.

В пылу сражения я не заметил, что корабль вынесло в широкое плёсо. Чёрная глубина напомнила мне об этом. Я понял, что лучше всего поскорее пристать к берегу. Но это было не так-то просто сделать. Мой кол, которым я всё время пользовался

для продвижения вперёд, теперь не доставал до дна. У меня не осталось никаких средств управлять неповоротливым плотом.

— Хватай! — закричал я Витьке, протягивая кол.

Витька попытался было ухватиться за конец кола, но потерял равновесие и чуть было не нырнул в воду. А плот тем временем всё дальше и дальше уносилò по тихому плёсу.

— Ты гребь, как веслом, — посоветовал Витька.

Я попробовал. Плот начал потихоньку поворачиваться, но ближе к берегу не подплывал. Я стал гребсти сильнее. Плот повернулся, и теперь его несло задом наперёд. Проще всего, конечно, было прыгнуть в воду и доплыть до берега, пока ещё здесь плёсо не разливалось слишком широко. Но пугала чёрная глубина, а кроме того, не хотелось бросать плот на произвол судьбы.

На моё счастье, на повороте плот приблизился к берегу настолько, что я смог ухватиться за ветви кустов, нависавшие над водой. Витька, продравшись сквозь кусты, помогал мне причалить наш корабль к берегу в укромном местечке.

— Видишь, как я его привёл в бухту, — говорил я, — здесь его никто не найдёт.

— Серёга, гляди-ка! — вдруг позвал меня Витька, когда я уже вылез на берег.

Я посмотрел и увидел на самом деле удивительный предмет. Это была удочка, какой я ни разу до сих пор не встречал. На короткой толстой палке, воткнутой в берег, висела рогатка. А на рогатке была намотана длинная тонкая бечёвка. Конец бечёвки, закреплённый в расщелине рогатки, опускался в воду, а на конце её, на крючке, плавала довольно большая плотица. Сердца рыболовов забились при виде такой добычи.

— Уйдёт, сорвётся! — закричал я, обратив внимание на то, что плотица едва держится нижней губой на крючке.

— А что с ней делать? — спросил Витька.

— Тащи! — скомандовал я и сам поспешил на помощь другу.

Долго трещали кусты от наших усилий, пока нам наконец удалось подтянуть бечёвку этой неуклюжей удочки и вытащить из воды плотицу, готовую вот-вот сорваться с крючка. Плотица у нас в руках.

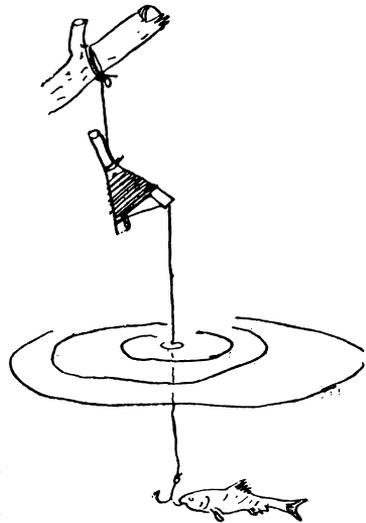
Мы надели её на прутик, как научил нас делать Сенька, и оба были очень довольны услугой, которую только что оказали известному рыболову. Ведь он оставил свою удочку на произвол судьбы и чуть было не потерял улов.

Мы хотели уже выбираться из кустов, но тут я заметил ещё одну такую же удочку, немного дальше. Там тоже поймалась плотица точно таким же способом, за нижнюю губу, и тоже готовилась оборваться и уйти. Мы немедленно принялись за спасение удочки.

Вторая плотица тоже была надета на прутик. Недоставало только хозяина удочек, которому мы торжественно вручили бы его законную добычу, а от него получили бы сердечную благодарность.

Но хозяин не заставил себя долго ждать. Послышался треск кустов, потом раздался резкий голос:

— Ах вы, мазурики! Вот я вам покажу, как чужие висули проверять!

Рослый парень лет шестнадцати бежал к нам, потрясая в воздухе палкой.

Для размышлений не оставалось времени, и потому, бросив улов, я пустился что было духу по лугу. На шаг-полтора сзади во всю прыть бежал Витька. Я слышал его прерывистое дыхание. Я догадывался, что ещё дальше сзади бежит хозяин удочек, но неясно было, почему он так недоволен нашей заботой о его улове.

Остановились мы с Витькой только в густом леске, вдали от берега, когда убедились, что погони близко нет.

— Он, наверное, подумал, что мы хотим рыбу себе забрать, — предположил Витька, едва переводя дух. — Надо было ему сказать...

— А чего же ты не сказал? Подождал бы, да и объяснился, — посоветовал я, держась рукой за грудь, откуда, казалось, хотело выскочить сердце.

— Да, объяснился бы... — выдохнул Витька.

Оба чувствуем незаслуженную обиду. Вот и делай людям добро! Они же, не разобравшись, обвинят тебя в чём ты ни капельки не виноват. Как можно нас заподозрить в воровстве? Но такая несправедливость, видимо, произошла.

— И корабль наш там, — вспомнил я о нашем плоте, оставшемся в зоне неприятеля.

14. НА ЧЕРДАКЕ

Чердак старого дома напоминает судно, потерпевшее кораблекрушение и выброшенное случайной волной на неведомый остров. Тут и обломки снастей, и незнакомые предметы со следами времени и бурь, перенесённых ими. И всё это в таинственном освещении чердачного полумрака. Небольшим снопом свет падает через крохотное лобовое окошко, будто с трудом пролезает в узкие щели и щёлки.

На чердак дома мы с Витькой попали в родительскую субботу (так назвала её Аграфена Васильевна, отправляясь в церковь за пять вёрст). Мельник ещё раньше ушёл в правление колхоза и обещал прийти домой только вечером.

Бабка собиралась долго. Она спрятала в сундук спички, запретив нам пользоваться огнём. Потом несколько раз с начала до конца повторяла, чем и как мы должны питаться. Перечислялось столько всевозможных блюд и закусок, что если бы Аграфене Васильевне случилось задержаться на месяц, то мы и тогда бы с голоду не умерли.

Наконец бабка ушла, и мы отправились по скрипучей лестнице на чердак. Прежде чем, приглядевшись к полумраку, начали различать очертания предметов, мы услшали терпкий сладковатый запах берёзовой роши. Так пахнет в лесу погожим осенним днём, когда листья облетели и покрыли всю землю, а те, которые ещё остались на деревьях, пылают под солнцем огненно-рыжим пламенем. Когда глаза привыкли к темноте, мы разглядели берёзовые веники, висевшие на одной из балок. Это они принесли сюда запах роши.

Мысль сравнить чердак с судном, потерпевшим кораблекрушение, пришла Витьке, после того как он нашёл ветхое деревянное колесо, напоминавшее штурвал старинного парусного судна. Позднее мы выяснили, что это всего-навсего колесо от прялки, которой когда-то пользовалась бабушка.

Она рассказывала, что в те давние времена девушки собирались по вечерам в одной какой-нибудь избе на посиделки. Садились по лавкам, каждая со своей прялкой, и за работой коротали длинные зимние вечера то с песней, то со сказкой. Потрескивали воткнутые в щели в стенах лучины, бросавшие тусклый красноватый свет, шуршали веретёна и тянулась изпод руки бесконечная нитка. Тянулась, как время: не быстро, не скоро, но постоянно.

На одной из таких вечеринок познакомилась бабушка Аграфена с Никанором Николаевичем. Были они в ту пору оба молодые, и звали их тогда Грунька и Никашка.

Когда бабушка Аграфена вспоминала о тех временах, я замечал, что глаза её увлажнились, а старческий скрипучий голос звучал глуше и будто готов был оборваться совсем. Мне почему-то в такие минуты становилось очень жаль её. И я начинал понимать, что хотя она часто хмурится, ворчит и ругается, но в душе она добрый и хороший человек.

...А сейчас колесо бабкиной прялки валялось на чердаке, словно выброшенный волной штурвал старого фрегата, напоминая о далёких былых днях. Валялся он вместе со старыми, негодными серпами и косами, ржавыми замками и кринками.

— Серёга, гляди-ка, — позвал меня вдруг Витька, вертя в руках странный предмет, какого я до сих пор не видел.

Предмет походил на вилку, только много больше по размерам. У этой вилки было не три, а семь толстых кованых зубьев, оканчивавшихся небольшими ёршиками, как это делают на кончиках рыболовных крючков. Один крайний зуб был сломан наполовину. Деревянная часть, на которую был насажен невиданный инструмент, обломана в самом начале, и определить, какой длины была рукоятка в прошлом, невозможно.

— Что это такое, для чего? — недоуменно спросил Витька.

— Вилы? Так они совсем не такие, — соображал я вслух.

— Да, вилам и такой ёрш ни к чему, — добавил Витька.

— Может быть, это рогатина, с какой на медведя ходили в старину? — пришло мне на ум.

— Они вроде бы деревянные делались и зубы длиннее, я на картинке видел, — возразил Витька.

— Сперва деревянные, а потом техника выросла, стали железные делать, очень просто...

— Разве такой медведя убьёшь? Коротка. Кошку ещё туда-сюда, заколешь...

— Сам ты кошка! — рассердился я и решил попробовать находку в действии.

Подыскивая глазами что-нибудь подходящее, я заметил ещё одну странную штуку, висевшую в самом верху, где сходятся стропила.

Штука эта по внешнему виду несколько напоминала гнездо ласточки, какие я не однажды видел прилепленными под карнизами деревенских домов, но висела она совсем иначе и не имела отверстия, через которое могла бы попадать внутрь птица. Кроме того, и форма отличала этот предмет от гнезда. Был он сделан как бы из концентрических колец, постепенно уменьшавшихся книзу.

Дотянуться до новой находки, даже при помощи диковинной вилки, я не мог. Понадобилось подтащить сундук и поставить его на ребро. Став на него и приподнявшись на цыпочки, я легко достал рукой. Витька страховал меня, поддерживая рукой чуть ниже спины, и сгорал от любопытства.

— Ну, что там?

— Да погоди ты!

— Твёрдое?

— Вроде бы мягкое.

— Из глины?

— Не пойму. Вроде как вафля.

— Ты сними её.

— погоди. Дай взяться поудобней, а то ещё ломаю...

Мои последние слова повисли в воздухе. Потеряв равновесие от страшной боли, я, несмотря на страховку Витьки, шлёпнулся на песок, покрывавший весь чердак.

Я ещё держал в руках оторванный от крыши странный предмет и не мог понять, почему у меня гу-

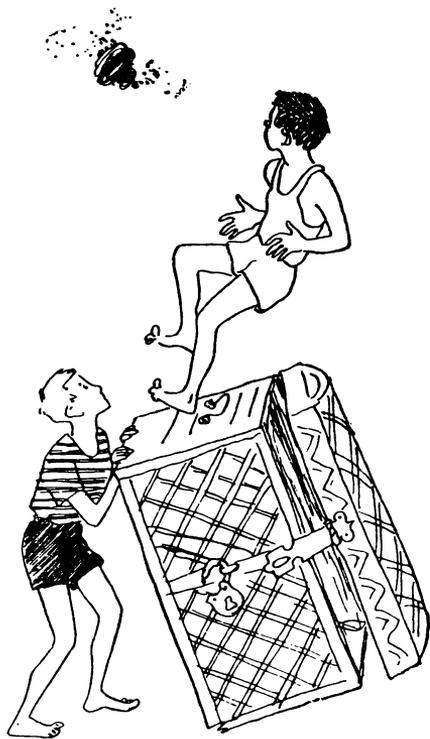
дит в ушах. Только увидев Витьку, исполнявшего в бешеном ритме танец дикарей с заклинаниями, и обратив внимание на его руки, с огромной скоростью взмахивавшие около головы, услышав его душераздирающие вопли, я догадался. Догадался и Витька, так как он закричал:

— Осиное гнездо!

Теперь чердак действительно больше всего походил на судно, потерпевшее кораблекрушение в открытом море. Моё первое желание выброситься с чердака осталось невыполненным только потому, что окошко оказалось слишком маленьким. Я метался, чувствуя, как растревоженное многодетное осиное семейство несло за мной. Инстинкт самосохранения подсказывал необходимость скрыться в темноту, провалиться в землю от этого взбесившегося роя.

Бросившись к чердачному люку, я налетел на Витьку, и мы оба упали. Витька катался по песку, отмахиваясь от ос, завывая монотонно и жалобно. Я вскочил, что-то крикнул и побежал дальше.

Несколько шагов до лестничного люка потребовали настоящего героизма. Чердак буквально кишел осами. Они, видимо, тоже ошалели от неожиданности и нашего истошного крика, но-

сились, ничего не разбирая, и с налёта жалили нас куда попало. Я первый ступил на лестницу, но Витька, как мне показалось, съезжал на мне верхом. Он, во всяком случае, наступал мне на плечи, на руки...

В сенах ос стало меньше, но они ещё неистово жужжали, запутавшись в волосах, а выпутавшись, снова носились вокруг, как будто выбирали на нашей коже ещё не ужаленные места. Витька рванул дверь и бросился к реке. Я — за ним. Мы очутились в воде в полном обмундировании, благо оно состояло всего-навсего из трусов да маек.

Холодная вода облегчила мои страдания и привела в чувство. Да и жужжания не слышалось. Озираясь кругом, я увидел на берегу возле бани Сеньку. Он отчаянно хохотал, указывая пальцем на Витьку, стоявшего напротив него в воде.

Я подошёл поближе, решив узнать, что именно могло так развеселить нашего деревенского приятеля. Но моё появление вызвало ещё более бурный приступ хохота у Сеньки. Теперь он указывал пальцем и на меня. Мы посмотрели с Витькой друг на друга. Я ничего не могу сказать о своей внешности, но то, что представляло собой лицо моего друга, вызвало во мне чувство сострадания.

— Где это вы? — едва сдерживая хохот, спросил Сенька.

— На чердаке... осиное гнездо... — буркнул Витька, отворачивая в сторону опухшее, изуродованное лицо.

— Какая лихорадка вас туда затрясла? — И Сенька снова захохотал.

— Да, там... — начал было я и замолк.

— Мы там интересную вилку нашли, — вспомнил Витька о находке.

— Какую вилку? — поинтересовался Сенька.

— Такую вот вилку с ершами...

Мы долго и сбивчиво описывали вид нашей находки, и наконец палочкой я нарисовал её на земле.

— Так это же острога, — догадался Сенька, — рыбу бить.

— Вроде гарпуна, — ухватился я, — только не один зуб, а несколько — для мелкой рыбы.

— Интересно бы попробовать, — вставил Витька, прикладывая к щекам и лбу мокрый песок.

— А ты знаешь, как? — спросил я Сеньку.

— Чего ж тут особенного? Очень даже обыкновенно. Самому мне не приводилось, а видать видел. Подкараулишь рыбу и бьёшь, а потом вытаскиваешь. С зубчиков она никуда не денется.

— Серёга, принеси пойдя, — попросил меня Витька.

— Нет уж, — ответил я, вспомнив чердак, где остались острога и осы, — сходи лучше сам.

Мы некоторое время поторговались, но охотничья страсть взяла верх, и скоро мы отправились на чердак втроём.

15. Т И М О Х А

Сенька опять исчез. Но теперь мы уже знали, что приятель занят на работе и потому не может прийти. По этой же причине в прошлый раз он долго не появлялся на мельнице.

— Работы прорва, — объяснял он. — С сенокосом не управились, а тут клевера подоспели...

Сенька не появлялся на мельнице пять-шесть дней. Мы, конечно, могли бы и сами сходить в деревню, но побаивались новой встречи с парнем, который тогда гнался за нами на реке. Сенька хохотал до слёз, слушая наш рассказ об этом случае, но ничего ободряющего не сказал.

— Это вы Тимохины висули поснимали, а он свободно мог отходить палкой по хребтине, если бы догнал...

— Так рыба-то сорвалась бы, — старался я объяснить наше поведение.

Но Сенька только ещё громче хохотал.

Мы узнали, что висули ставятся на шук. Для этого на крючок наживляется заранее пойманная рыба в качестве приманки. Мы сняли чужие висули, и наше счастье, что мы удачно удрали. Тимоха, в позапрошлом году окончивший семилетку, отличался сильными, тяжёлыми кулаками. Сенька и многие другие ребята проверили это на собственном опыте. Как же можно было после всего этого отправиться в деревню?

Установилась жаркая погода. Мы старались не особенно скучать вдвоём. Занятий находилось столько, что едва хватало дня. Ходили за ягодами, за грибами, удили рыбу и, конечно, купались.

Одно очень приятное событие отметило мою жизнь в эти дни. Дед Никанор как-то возвратился днём из правления колхоза и, подозвав меня пальцем, предложил немедленно сплясать. Я сначала не понял, в чём дело, но старик достал из фуражки конверт и, высоко подняв его над головой, повторил:

— Пляши, брат, иначе не отдам.

Я нескладно потопал босыми ногами и получил долгожданное письмо от мамы. Тут же разорвав конверт, залпом прочитал два листа, исписанные маминим круглым, аккуратным почерком. Вот когда мне по-настоящему захотелось плясать и петь!

Не буду скрывать, после той ночи, когда, лёжа на сеновале, я впервые так сильно затосковал по маме, я часто вспоминал о ней. Иногда мне почему-то казалось, что уж больше никогда я не увижу её добрых усталых глаз, не почувствую нежного прикосновения руки на щеке или на лбу, перед тем как заснуть. Не подслушаю грустных слов, которые она произносила очень редко и только тогда, когда думала, что я сплю и не слышу: «Ведь мы с тобой совсем-совсем одни на свете...»

От этих мыслей, не дававших мне иногда подолгу заснуть, я даже по ночам тихо всхлипывал. Тихо, чтобы не разбудить Витьку и не вызвать его насмешек.

А мамино письмо рассеивало все сомнения. Я с первых строчек почувствовал, что всё будет снова хорошо. Я так радостно улыбался, что Витька спросил:

— Что там такое?

А когда я взглянул на друга, то в глазах у него увидел не то что зависть, а скорее едва заметную скрытую обиду. Я понял: ему тоже хотелось получить письмо.

— Тебе от мамы привет, — поспешил я хоть как-нибудь утешить товарища. — Ваши живут хорошо, здоровы...

— Я знаю, — внешне равнодушно ответил Витька, — дядя Вася от отца письмо получил...

Конечно, Василию Никаноровичу надо было написать, но могли же отец с матерью прислать отдельное письмо Витьке. Мне очень хотелось отвлечь друга от его пасмурного настроения. Мы взяли корзинки и отправились в лес за грибами.

Разговор у нас всё время вертелся вокруг дома, двора, школы. Вспоминали мы ребят и девчонок со двора, одноклассников, припоминали всякие смешные истории. Витька вдруг пустился в рассуждения о нашей экспедиции в далёкие северные моря, а мне почему-то стало стыдно.

— Хорошо бы всех наших ребят сюда, — начал я, только чтобы не продолжать начатого Витькой разговора, — вот бы грибов набрали!

— Здесь не наберёшь, — возразил Витька, — это надо идти в гарь, где мы с дядей Васей ходили.

— Далеко.

— Ну и что же? — с лёгкостью ответил Витька. — А мы бы там палатки поставили, лагерь разбили...

Мы стали заядлыми грибниками. У каждого из нас в ближних лесах появились свои грибные места. Мы научились, как это делали Василий Никанорович и Сенька, чистить грибы на ходу. Сорвёшь гриб и шагаешь дальше, а тем временем ножиком очищаешь ножку и кладёшь в корзинку аккуратный, чистый бе-

лый или груздь. Самыми неприятными грибами в этом отношении были маслята: скользкие, липкие. Брали мы их редко: хватало других грибов.

Сегодня наши корзинки наполнялись быстро. Но домой мы не торопились. В лесу набрали на черничник и не могли оторваться от ягод, пока языки наши не стали фиолетовыми. На обратном пути, на лугу, в кустах наткнулись на чёрную смородину. Бусы крупных ягод так густо усыпали кусты, что тонкие ветки сгибались под их тяжестью.

Такие ягодные островки называются обойдёншами. Когда идёт сенокос, чёрная смородина ещё не поспевает, да и не до ягод косарям. Если же кто собирается за ягодами, то уж идёт на большие ягодные массивы, где можно набрать не одну корзинку. На обойдёншах ягод на кустах много, а кустов мало. Тут корзинки не наберёшь. Но мы наелись чёрной смородины до отвала.

Ягода спелая, ароматная, сладкая, с приятной кислинкой. Она, что называется, сама тает во рту. К сожалению, всему приходит конец. Чёрные манящие бусы ещё висят на ветках, а я уже не в состоянии запихнуть в рот ни единой ягодки.

Солнце стоит высоко в небе. Припекает, как это бывает только в погожие летние дни. Мы с трудом добираемся до сенного сарая тут же, на лугу, и забираемся на сено, под самую крышу, отдохнуть. В маленьком сарае пахнет цветами всех окрестных лугов. Кругом тихо. Сразу клонит в сон, как только мы растягиваемся на сене. И мы засыпаем.

Просыпаемся мы оба в хорошем настроении, переполненные желанием что-нибудь непременно предпринять. А так как делать нам нечего, то я громко кричу и начинаю кувыркаться на сене. Витька делает то же самое. Потом мы схватываемся друг с другом бороться. Возимся мы до тех пор, пока не устаём и не чувствуем, что за ворот набилось сено. Тогда мы вылезаем из сарая и начинаем вытряхивать ру-

башки. И вот тут я обнаруживаю страшную пропажу.

Я ударяю себя по карману, по другому, запускаю в них руки, но не ощущаю привычного прикосновения гладкой холодной ручки моего знаменитого ножа с двумя лезвиями, отвёрткой, шилом и штопором.

— Что? — спрашивает Витька.

— Нож! — чуть не плачу я, продолжая поиски и ударяя по карманам, ощупывая себя и оглядываясь кругом.

— Может, ты его дома оставил?

— Как же, дома! Я им грибы чистил...

— Наверное, в сено уронил, когда кувыркался, — предполагает Витька.

Немедленно забираемся наверх и, ползая на четвереньках, осматриваем каждый квадратный сантиметр поверхности сена.

— Тихо ты! — прошу я Витьку, так как мне кажется, что он слишком сильно возится и нож может провалиться ещё глубже.

Но сверху ножа нигде нет. Тогда мы начинаем перекладывать сено с места на место. Потом я выбрасываю сено прямо за ворота на улицу. Мы трудимся, обливаясь потом, и всё напрасно.

— А ну, вылезайте-ка, мазурики! — неожиданно раздаётся голос снаружи.

В воротах стоит тот самый хозяин висуль Тимоха. Только палка в его руках кажется мне на этот раз значительно более толстой, чем тогда, при первой нашей встрече.

— Вылезайте, а то хуже будет, — говорит он, и это звучит настолько убедительно, что Витька немедленно сползает к воротам, а за ним и я.

Тимоха бросает палку и ловит за ухо Витьку, потом таким же точно манером — меня.

— Рыболовы! Чужие висули проверяете, — говорит он, продолжая подтягивать нас за уши, — а теперь за колхозный сарай принялись? Вот я вас в

этаком виде представлю на мельницу к деду Никанору.

Боль становится невыносимой. Я впиваюсь зубами в Тимохину руку. Вырываюсь, хватаю корзину с грибами и бегу. Но в следующую секунду с размаху шлёпаюсь на землю. Корзинка летит вперёд, грибы скачут в разные стороны.

Тимоха успеваает поймать меня за щиколотку и теперь давит коленкой на спину. Он наносит мне удары ладонью и в такт приговаривает, словно спрашивая меня:

— Гудит ли земля, бодит твоё масло?..

Он несколько раз повторяет эту бессмысленную фразу. Наконец мне кажется, что земля действительно гудит. Я реву не столько от боли, сколько от обиды.

— Что орёшь? — спрашивает меня Тимоха.

Он отпускает меня и усаживается на пороге сарая. Я всхлипываю и продолжаю лежать, осторожно осматриваясь. Витьки не видно. Когда Тимоха занимался мной, Витька сумел благополучно улизнуть. Пострадал, таким образом, я один. Моя корзина лежит на боку, грибы разбросаны вокруг.

— Ну, что орёшь? — повторяет вопрос Тимоха. — Сам нашкодил и ещё орёшь...

Я продолжаю лежать ничком на земле, плачу и обдумываю своё положение.

— Зачем сено из сарая выкидывали? — кричит Тимоха.

— Но-о-о-жик потеря-а-ал, — отвечаю я сквозь слёзы.

— Какой ножик?

— Перочинный...

— Где потерял?

— В сарае.

— Хороший ножик?

— Хороший.

— Врёшь, поди, железка какая-нибудь, — сомневается Тимоха.

Вижу, что он уже не злится, смелею, сажусь на землю, размазывая слёзы по щекам.

— Да, железка... Спроси у Сеньки, — ссылаюсь я на друга, — сталь настоящая...

— У какого Сеньки?

— У ерёмовского...

— У Федотова, что ли?

Я утвердительно киваю головой.

— Нешто его найдёшь, ежели в сено уронил, — сочувственно говорит Тимоха, имея в виду мой ножик. — Хоть сто раз весь сарай перетряхивай, а не сыщешь. Это всё одно, что иголку искать...

Он хватает охапку сена и закидывает в сарай, потом набирает следующую охапку. Я встаю и подхожу к Тимохе.

— Ладно уж, иди, — говорит он, — я сам...

Я собираю свои грибы, беру Витькину корзину, которую он в спешке оставил на месте происшествия, и направляюсь к мельнице.

16. ЛИНИЯ ОБОРОНЫ

Четвёртую неделю стоит жаркая погода. Листья деревьев и трава потускнели и устало никнут, изнывая от жажды. Даже ветер, временами пролетающий над землёй, не приносит облегчения. Он передвигает тот же горячий воздух, только ещё добавляет к нему мельчайшую пыль. Сквозь эту пыль, высоко поднимающуюся в небо, глядит солнце, тускло-красное, неласковое.

Бабка Аграфена то и дело вздыхает и охает:

— Всё начисто поपालит, как есть поपालит! Пропадёт хлебушко!..

Часто бабка накидывалась на нас и заставляла носить воду из реки на огород, поливать гряды с огурцами, свёклой, луком и морковью. Хорошо, что ещё капуста и картошка росли прямо на берегу за ба-

ней, — вода близко. Зато на огород за домом пока воды натаскаешь, так и рук не чувствуешь. Тащишь ведро на гору и, того гляди, выронишь, немеют пальцы, ноги подкашиваются в коленках.

Руки наши с непривычки покрылись волдырями, волдыри лопнули, и образовались твёрдые мозоли. Бабка попробовала обучать нас носить воду на коромысле, но из этого ничего не вышло: мы обливались с ног до головы и уставали ещё хуже, чем без коромысла.

В один из таких дней, когда мы с Витькой совершали примерно двенадцатый или пятнадцатый рейс от реки на огород, из мельничного сарая вышел дед Никанор и, поворачиваясь в разные стороны, стал принохиваться.

— Ну-ка, ребятишки, у вас чутьё получше. Вроде бы гарью пахнет? — обратился он к нам.

Мы потянули носами. Я действительно ощутил горьковатый запах гари, хорошо запомнившийся мне ещё с того похода за колосовиками.

— Вроде бы пахнет, — произнёс я, правда не очень уверенно.

— А ты не чуешь? — спросил старик у Витьки.

— Вроде бы чую, — ответил тот тоже довольно уклончиво.

— Серёга, залезь-ка на дерево, посмотри кругом, — предложил дед Никанор.

По тону и по нахмуренному лицу деда я понял, что он озабочен и совсем не склонен шутить. Выбрав самую высокую сосну из тех, что росли тут же, возле дороги, я с помощью Витьки добрался до первых нижних сучков, а дальше быстро полез к вершине.

— Гляди, может, где дым видать! — кричал снизу дед Никанор.

Прикрывая глаза ладонью, я осмотрел луга и лесные массивы. Одинаково сизая дымка висела вдали, красное солнце отбрасывало на деревья, на травы, на реку огненные блики. И казалось, будто всюду

таился, тлел пожар и только ждал удобного момента, чтобы вырваться огромными жаркими языками пламени. Но пока пламени нигде не было, не видно и тёмных клубов дыма, хотя здесь, наверху, запах гари чувствовался ещё настойчивее. Я сообщил обо всём деду, и он велел мне слезать.

Мы опять таскали воду, дед возился на мельнице. Но я видел, как он часто выходил на улицу, нюхал воздух, что-то сердито бормотал под нос и уходил обратно на мельницу. Мы с Витькой тоже ясно распознавали запах дыма, приносимый чуть заметным горячим ветром с той стороны реки.

До обеда мы едва успели натаскать воды и выкупаться. В такую жару и купание не приносит облегчения. Пока сидишь в воде, чувствуешь прохладу, а вылезешь на берег — снова душно и жарко.

— Вот так-то перед той ещё войной, в голодный год было, — мрачно ворчит бабка Аграфена у печки, когда мы молча сидим у стола в ожидании обеда.

Появляется борщ, красный, душистый. Но он не вызывает аппетита. Я только чувствую усталость от духоты и больше всего жажду забраться куда-нибудь в холодок. Но где его найдёшь, этот холодок? Даже в прибрежных кустах — словно в парной бане.

— Не спи за столом! — прикрикивает на меня дед, так как я опустил ложку в миску и застыл в такой позе.

— Всё начисто попалит, всё как есть попалит, — причитает бабка Аграфена.

Но дед вдруг резко перебивает её:

— Постой-ка! — Он прислушивается, наклоняется к окну, а потом спрашивает нас: — Ничего не слышите?

Мне кажется, что я улавливаю однообразный монотонный звон. А может быть, это мне только слышится?

— Выйди-ка на крыльцо, послушай, — говорит дед.

И мы оба с Витькой выбегаем из избы.

На улице отчётливо слышны отдалённые удары в колокол. Я сообщаю об этом, и старики выходят на крыльцо.

— У Покрова звонят, — говорит бабка.

— Там, — соглашается дед.

Потом все снова возвращаемся в избу и продолжаем обед. Мне кажется странной такая безучастность стариков во время пожара. Пусть горит даже где-то далеко, в каком-то Покрове, но мы не можем сидеть сложа руки! С другой стороны, я представления не имею, где горит и что надо делать. Собираюсь обсудить эти вопросы с Витькой по окончании обеда, но не успеваю. Как только сковородка жареных грибов с картошкой полностью очищена, дед встаёт и говорит:

— Серёга, возьми под навесом у стены багор, ты, Витюшка, заступ, он там в сараюшке, сразу как войдёшь, за дверью налево. А ты, старая, собери нам чего перекусить в корзинку. Может, сегодня и не вернёмся...

Через полчаса мы идём по тому самому пути, по которому шли тогда за грибами с дядей Васей. У деда Никанора за ремнём топор, на руке — корзинка, у Витьки на плече заступ. Я тоже было попробовал нести багор на плече, но вынужден был отказаться и взять длинный, довольно тяжёлый шест наперевес.

Подходим к лесу. Навстречу выскакивают два зайца. Метрах в тридцати оба садятся, словно по команде поворачивают головы и, заметив нас, прыгают далеко в сторону, скрывшись в кустах.

— Пожар почуяли, к реке бегут. Малый зверь, а жизнь знает, — с улыбкой смотрит вслед зайцам дед Никанор. — Там, поди, жарко, моментом шубу припалишь...

В бору неистово стрекочут сороки и, перелетая с дерева на дерево, тревожно посвистывает дятел. Всё настойчивее и настойчивее слышится запах гари.

По просёлку, на который мы выходим, миновав лес, идут люди. Здесь и мужчины и женщины, пожилые и молодые, мальчишки и девчонки. Все, так же как и мы, несут в руках лопаты, топоры. Только один я с багром. Дед, сняв фуражку, здоровается с седобородым пожилым человеком.

— Не слыхал, Иван Андреич, где началось? — спрашивает он.

— В сельсовете сказывали, будто с Мостища и правой стороной пошло прямо на Яхино...

— Вот ведь скажи ты! — сокрушённо качает головой дед Никанор. — Опять, должно, пастушата костром баловались. Долго ли до беды в этакую жарынь...

— У вас всегда только и есть — пастушата виноваты! — вступилась высокая худощавая женщина. — Небось кто из трубокуров окаянных цигарку бросил, вот и пошло.

— Да, оно верно, — соглашается седобородый, — сущь кругом, словно порох, и цигарки хватит...

Сзади фырчит автомобиль. Я оглядываюсь: несколько человек забираются в кузов. Может быть, и нас посадят? Но полуторка — «газик», — набирая скорость, проходит мимо. Из кабины нам кричат:

— Там ещё машины, всех подберут!

Нас подбирает четырёхтонный грузовик. В кузове, кроме нас, человек десять рабочих, едущих на пожар из районного центра. У заднего борта — лопаты, пилы, топоры и короткие пожарные багры. К ним прибавляется наш инструмент. Мой багор не входит в машину, и конец шеста торчит сзади.

Едем быстро. Обгоняем несколько подвод, два гусеничных трактора.

— Видать, сильный пожар, — говорит один из рабочих, степенного вида, поглядывая на мощные тракторы, торопливо расстилающие гусеницы.

— Председатель исполкома и секретарь райкома

оба тут, значит пожар серьёзный, — отвечает рабочий помоложе.

— Знамо, ежели его не задержать, так он вёрст сто прочешет, — со знанием дела заявляет наш седобородый.

— Сто не сто, — возражает пожилой рабочий, — а до реки весь этот клин выгореть может...

— А в ём, в клину-то, почитай, пять деревень: Яхино, Юхино... — снова говорит седобородый и перечисляет деревни, загибая пальцы. — Яхино да Юхино, поди, уж и пожитки в поля повывезли...

— Его бы на Марьином ручье перехватить, — перебивает дед Никанор.

Возле мостика через ручей, где мы когда-то с Витькой отдыхали, навстречу нам выезжает открытая легковая машина. Человек в полувоенной форме поднимается и, не вылезая из автомобиля, объясняет шофёру, куда ехать. Наша четырёхтонка бежит по дороге направо. Теперь не только чувствуется запах гари, но виден и сизый дым, повисший над низкорослым молодым сосняком.

Разгружаемся прямо на дороге среди леса. Белые хлопья дыма путаются между ветвями сосен и елей, хотя пламени по-прежнему нигде не видно. По обе стороны небольшого просёлка люди валят деревья. Тракторы и подводы оттаскивают их куда-то в глубь леса. На образующейся широкой просеке роют каналы. То и дело с разных сторон несутся громкие предупреждающие возгласы:

— Бойся!

Вслед за возгласом слышится свист воздуха, треск подламывающихся сучьев и сильный удар о землю могучего ствола сосны или ёлки.

— Тащи к оврагу! — слышу я знакомый голос Василия Никаноровича, старающегося перекричать шум тракторов.

Нахожу глазами дядю Васю. Он кричит что-то трактористу, машет рукой, видимо показывая, куда

надо тащить огромную сосну, привязанную к концу троса. Потом бежит дальше.

Все люди кругом заняты каким-нибудь делом. Даже Витька и тот давно ковыряется лопатой в канаве. Один я стою со своим длинным, нескладным багром и не могу сообразить, как употребить его в дело. Колупать землю им невозможно, пилить или рубить тоже. Бросить бы его, да, боюсь, влетит от деда Никанора. Стою в растерянности и не знаю, как быть, но тут слышу голос:

— Эй, парень с багром, иди-ка сюда!

Двое паренёков немного постарше меня с двуручной пилой в руках склонились возле ствола небольшой сосны. Один из них машет рукой и кричит:

— Подопрй багром, а то пилу зажимает!

Только после энергичных объяснений паренёка я понимаю, что от меня требуется. Потом пошло: ребята пилят, а я, воткнув острое багра в ствол, отжимаю дерево, наваливаясь всей тяжестью тела на шест.

— Бойся! — кричу я, когда пропил подходит к концу и дерево готово упасть.

Пусть наша сосна не такая большая и, конечно, никого не заденет, но мне нравится моя работа, нравится кричать короткое слово, как это делают лесоповальщики. Я только вошёл во вкус, но тут один из паренёков разгибает спину и показывает на рукоятку пилы.

— Подёргай-ка, а я передохну, — говорит он, забирая из моих рук багор.

Делать нечего. Поплевав на руки, берусь за пилу. С первых же движений понимаю: этот инструмент не так прост, как кажется. Я то валюсь вслед за пилой, когда партнёр дёргает её на себя, то не могу выдернуть, когда приходит моя очередь тянуть к себе.

— Димка, — кричит мой напарник, — забери у него пилу, а то с ним мұка!..

Димка и сам видит. Забирает рукоятку, а я снова хватаюсь за багор.

— Ты, видать, никогда не пиливал? — спрашивает он.

Я киваю головой.

Мне так стыдно за своё неумение, что я стараюсь не смотреть на ребят и отвожу глаза в сторону. «Путешественник!» — ругаю я себя в душе. И тут же в голову мне приходит мысль, что нам с Витькой обязательно надо поучиться пилить, поучиться рубить топором.

Теперь я с нескрываемой завистью слежу за моими товарищами. Пила размеренно поёт, будто радуется, что избавилась от меня и снова попала в хорошие руки. Я изо всех сил наваливаюсь на багор. Раздаётся хруст, сосна накреняется, трещат сучки. Какая-то женщина подъезжает с лошадкой, накидывает верёвочную петлю на комель спиленного дерева.

— Но-о-о! Вислоухая! — грубоватым голосом кричит женщина.

И лошадка, напряжённо упираясь ногами, тащит сосну.

Деда Никанора я не вижу. Витьку тоже. Они, видимо, остались где-то сзади. Лесоповальная группа продвинулась далеко вперёд, так как на протяжении километра по сторонам дороги рос мелкий осинник, в нём остались рабочие с топорами. Мы перешли в еловый лес. Здесь темнее, мрачнее и, наверное, больше дыму, так как у меня сильнее ест глаза и першит в горле.

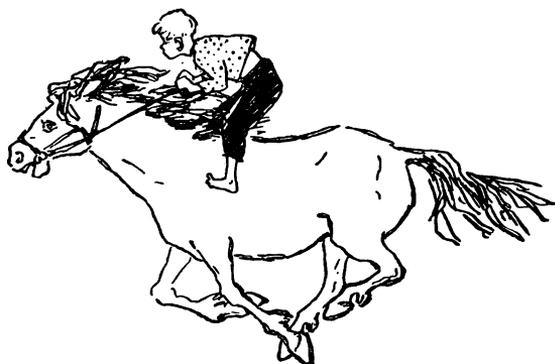
— Эй, ребята! — раздаётся звонкий голос недалеко от нас. — Товарища Колосова не видели?

— Сенька! — радостно кричу я вместо ответа.

Приятель сидит на спине лошади без седла, без стремян. Он дёргает поводьями, ударяет по конским бокам пятками и подъезжает ближе.

— Здравóво, Серёга, — подаёт он мне руку, не слезая с лошади.

Потом здоровается с моими товарищами, называя каждого по имени.

— Не видали, где Василий Никанорович? Меня к нему послали. Туда трактор с плугом просят. — И Сенька машет рукой в сторону пожара.

— А как там-то? — спрашивает Димка.

— Тепло, — улыбается Сенька в ответ.

Я только сейчас вижу, что лицо у него красное, словно воспалённое, во многих местах испачкано сажей. Ресницы и брови порыжели, прихваченные огнём.

— Чешет? — говорит наш второй паренёк.

— Справа-то мы его по самую еськинскую дорогу к ручью прижали. А слева он вёрхом через ручей перекинулся и пошёл, — поясняет Сенька.

— Тогда нипочём пожара не остановить, — решительно заявляет Димка, — раз он вёрхом пошёл. А по ельнику вниз спустится...

— Вот и хотят молодые посадки у хутора перепачкать, — перебивает Сенька и торопится: — Не видали, что ли, Василия-то Никаноровича?

— Где-то возле тракторов был, — сообщает Димка.

И Сенька направляется в ту сторону, откуда доносится тарахтение тракторов.

Я представляю себе, как там, на пожаре, который сейчас все называют просто «он», воюют люди. Сенька тоже говорил о «нём»: как «его» поджимают,

оттесняют, не дают «ему» воли. И я воюю вместе со всеми.

Мы создаём линию обороны. Наш враг — огонь, бушующий где-то на далёких подступах, — не должен пройти через нашу просеку, через канаву, которую роет Витька. Лесной массив, лежащий по другую сторону линии обороны, деревни, дома, сараи, сады должны остаться целыми и невредимыми.

17. В ЮХИНЕ

Наш маленький отряд в составе всей армии уже часа четыре сражается с лесным пожаром, рвущимся в наступление на широком фронте. Я удивляюсь упорству моих товарищей. Посидев на сваленном дереве минут десять — пятнадцать, они снова берутся за пилу. А у меня руки, кажется, отвалятся от усталости.

Побаливает голова, и хочется есть. Но это невозможно. Не могу же я бросить двоих товарищей и пуститься на поиски корзины с ватрушками бабки Аграфены! Да и где сейчас искать деда Никанора? Я продолжаю свою однообразную работу. Втыкаю багор в ствол дерева, наваливаюсь на шест. Я жду, пока дерево не упадёт на землю. Теперь я не кричу «бойся», если нет никого поблизости, пользуюсь этим сигналом в случае действительной необходимости.

Начинает смеркаться. Я так голоден, что почти готов покинуть товарищей и отправиться на розыски деда Никанора. Но в это время к нам подходит маленькая девочка в белом платке, завязанном узелком под подбородком. Косичка торчит из-под платка золотистым хвостиком, и красная тряпочка, вплетённая в волосы вместо ленты, взлетает при каждом резком повороте её тонкой, подвижной фигурки.

— Дима, это мамка прислала, — говорит девочка и ставит корзинку рядом с братом, наклонившимся около осины, которую мы валили.

— Отойди, не видишь, что ли! — грубовато крикивает брат. — Сейчас кончим, и шабаш...

Девочка ничего не отвечает, поднимает корзинку, отходит и садится на пенёк позади меня. Покончив с осиною, Димка зовёт сестрёнку:

— Машутка, давай теперь!

Он опускается на сваленную осину и, приняв корзинку из рук девочки, начинает разворачивать тряпку. Я отворачиваюсь, раздумывая, что мне делать. Сейчас, пожалуй, самое время пуститься на поиски деда Никанора. Но я почему-то не в состоянии двинуться. Васька, второй паренёк, усаживается на дереве рядом с Димкой, а Машутка отходит и снова устраивается на пенёчке, разглядывая меня без всякого смущения.

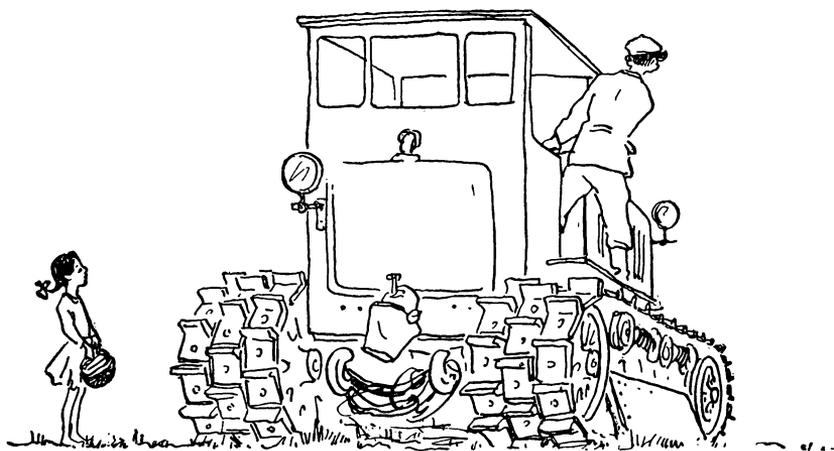
— Ну чего ты там, Серёга, садись, что ли, — зовёт меня Димка.

Я не заставил повторять приглашение и опустился рядом с товарищами на осину. Димка достал из корзинки два сложенных вместе ломтя чёрного душистого хлеба, посыпанных солью, аккуратно разломил их на три равные части, одну подал мне, а другую Ваське. Потом из литровой бутылки налил в кружку молока и протянул мне первому. Хлеб оказался очень вкусным, не говоря уж о молоке. Я не мог оторваться от кружки. Наконец передал пустую кружку Димке и тот налил молока Ваське. И, когда я уже справился с хлебом, Димка налил себе.

На дороге тарахтел трактор. Машутка стояла чуть в сторонке и глядела на него, широко раскрыв глаза. Была она такая маленькая и тоненькая рядом с этой сильной стальной машиной! И чудно торчала золотистая косичка с вплетённой в неё красной тряпочкой.

— Машутка! — окликнул Димка, а когда сестрёнка подошла, подал бутылку и сказал: — Сбегай на родничок, воды принеси, заодно кружку вымой...

Девочка быстро исчезла в лесу. Через пятнадцать — двадцать минут она вернулась. Мы напились

и возвратились к своему делу. Машутка сунула кружку и бутылку в корзинку, аккуратно сложила тряпицу, накинув её сверху, и как незаметно появилась, так незаметно исчезла в лесу.

— Далеко идти домой? — спросил я о девочке.

— Нет, версты три, — ответил Димка.

— Не заблудится?

— Машутка-то? — удивился Васька. — Да что ж она, первый раз, что ли, здесь?

Темнело быстро. Землекопы ещё кое-как могли продолжать работу, а пилить стало совершенно невозможно, тем более рубить. Там, где трактор светил фарами, продолжалась работа, а там, где света не было, оставалось только сидеть, что мы и делали, и, должен сознаться, не без удовольствия. Но ещё большее удовольствие испытал я, да, наверное, и не я один, когда пронеслось в лесу:

— Кончай работу!

По дороге двигался, сверкая фарами, открытый легковой автомобиль. Он остановился, и тотчас же в свете фар замелькали фигуры. Люди толпились там и слушали, что говорил человек в полувоенной форме — секретарь райкома. Оттуда-то и была подана команда:

— Кончай работу!

Потом с разных сторон зазвучали голоса:

— Яхинские, сюда!

— Огуменовские, сюда!

— Еськинские, собирайся!

Я крикнул Витьку и деда Никанора, но никто не отозвался. Скрипели повозки, на них складывали лопаты, пилы и топоры. Тракторы уходили по дороге. Зазвучал голос, сзывавший ерёмовских. Я уже собрался идти туда и стал прощаться с товарищами.

— Куда ты сейчас пойдёшь? — остановил меня Димка. — До села, считай, километров восемь да от туда до мельницы пара километров будет...

— Будет, — подтвердил я.

— Пойдём к нам, тут рядом. Переночуешь, а завтра поутру и подашься.

Я согласился, тем более что устал и на самом деле сильно. Хотелось скорее лечь спать. На повозку сложили инструмент. Я тоже сунул свой багор. На телеге сидела та самая женщина, которая работала вместе с нами — возила сваленные деревья.

— Может, устал, сынок? Садись, подвезу, — предложила она.

Я отказался, так как все юхинские собирались идти пешком. Повозка тронулась, а мы за ней. Лошадёнка, почуяв дорогу к дому, засемила трусцой, и скоро только слышался грохот колёс по неровной лесной дороге.

Люди шли утомлённые, но оживлённо обсуждали события дня. Я узнал, что жители Юхина ещё утром, как коров гнать, услышали запах дыма. К десяти часам уже точно знали о пожаре в Мостищах. Передавались подробности: кто увидел пожар и как увидел, кто первый побежал и куда побежал. В нашей группе нашлись люди, сражавшиеся на передовой. Они с боем отступали от рубежа к рубежу перед разыгравшимся пламенем.

Сейчас выяснилось, что к полудню, когда ударили

в набат, пожар уже бушевал вовсю в самой середине густого ельника, который называется «Мостище». Огонь охватывал всё новые и новые лесные чащи, медленно расползаясь во все стороны.

— Кабы пожарные машины с города вовремя подошли к ручью, там бы можно было остановить, — слышится мужской голос.

— Там низина — нешто они могут туда подойти? — отзывается другой.

— А сейчас, секретарь сказывал, пожар-то прижали к огуменовской дороге, — говорит какая-то женщина.

— Так там же ручей возле самой дороги! Хоть и маленький, да ручей, — вставляет наш Димка.

— Да нешто его водой взяли? — возражает тот же мужчина, который заговорил первым. — Молодняк-то около дороги трактора весь перепахали. Вот огонь туда дошёл, и всё...

Лес с одной стороны дороги кончился. Слева лежит поле с тёмными копнами кустов. Вдали виднеется далёкая лесная гряда. А над той грядой, словно развалившись в кресле, в ночном небе сияет ущербная луна. Впереди видны огоньки в окнах юхинских домов. Где-то далеко шумит трактор.

Сейчас по всем дорогам от Мостищ растекаются в разные стороны участники сражения с лесным пожаром. И я иду по незнакомой дороге, в незнакомую деревню, с незнакомыми людьми. Я проголодался изрядно и устал. Но, несмотря на всё это, мне хорошо.

Пусть бы посмотрели на меня сейчас Витькин отец, любящий посмеяться над нами, или наша вредная соседка Варвара Алексеевна. Наверное, они совсем иначе подумали бы обо мне. А мальчишки и девчонки с нашего двора смотрели бы на меня с завистью.

Несмотря на поздний час, в Юхине ещё никто не спал. В каждый дом возвращались люди с пожара: в один муж или сын, в другой мать или дочь, в третий

чуть ли не вся семья. Васька ушёл от нас в самом начале деревни. Наконец и Димка повернул к дому, где смотрели на дорогу два окна и одно, более тусклое, светилось сбоку, около маленького крылечка.

— Устал, поди, сыночек? — встретила Димку мать, высокая худая женщина.

Тут же вертелась Машутка, прыгая с ножки на ножку и встряхивая тонкой потешной косичкой.

— Это Серёга, с мельницы, — показал Димка матери на меня, — далеко ему домой идти...

— Знамо дело, — сейчас же согласилась мать, — куда же ночью-то. Только уж не обессудьте, у нас и еда простая и спят ребята на сеновале, — обратилась она ко мне, как бы извиняясь.

— Что вы, что вы! Мы тоже спим на сеновале...

Изба маленькая, старая. Тёмные стены неярко освещает тусклая керосиновая лампа-семилинейка, висящая над столом под железным плоским абажуром. На окнах — занавески, замысловато вырезанные из газеты. В простенках между окнами — несколько фотографий и старое, потускневшее зеркало в деревянной рамке. Рядом с зеркалом — фотография побольше других, на ней мужчина в военной форме.

— Батька мой, — говорит Димка, заметив, что я рассматриваю фотографию, — пропал без вести на войне...

— У меня тоже отца нет, — сообщаю я мальчику.

— Убили?

— Нет, уехал.

— Куда уехал?

— Не знаю.

— Как это — не знаешь?

— Он ещё до войны уехал от нас, а теперь неизвестно, может, и в живых нет, — объясняю я так, как обычно в таких случаях объясняет мама.

— У нас мамка дюже больная, почки у неё, прямо беда, — печально жалуется Димка, когда мать за чем-то выходит в сени.

Она возвращается с большим караваем хлеба и принимается нарезать его крупными ломтями. Машутка ставит на стол плошку с солью, раскладывает ложки, приносит откуда-то горсть сильно пожелтевших луковых перьев. Мать наливает похлёбку в большую семейную глиняную миску, а Машутка тихонько, точно мышка, садится на рундук возле печки и всё поглядывает на меня. Кто-то стучится в окно, и с улицы раздаётся голос, мне он кажется знакомым:

— Машка, вынеси помыться!

Девочка вскакивает, снимает со стены полотенце, хватая неполную бадейку воды и выбегает на крыльцо. Слышится плеск воды, фыркание и отдельные глухие фразы. Потом Машутка возвращается с пустой бадейкой, а за ней входит парень, утираясь на ходу полотенцем. Когда он отнимает полотенце от лица, я узнаю старого знакомого Тимоху.

Скамейка, на которой я сижу, кажется мне неудобной, свет, падающий на меня от крохотной лампы, — слишком ярким. А Тимоха подходит к столу и, наклонившись, бесцеремонно разглядывает меня.

— А-а! Рыболов, здорово! Как это ты сюда попал?

Вымолвить слово я не в состоянии. И за меня говорит Димка:

— Мы на пожаре вместе работали. Куда же ему ночью идти, переночует у нас...

— Где же это вы на пожаре работали? — сомневается Тимоха, глядя на брата с усмешкой. — Что-то я вас не видал.

— Они на просеке лес валили, — неожиданно вмешивается Машутка.

— А ты откуда знаешь? — спрашивает старший брат строго.

— Я им обедать носила, мамка посылала...

— Ладно, мамаша, — говорит Тимоха, устало опускаясь на скамейку рядом со мной. — Давайте кушать, а то кишка кишке кукиш кажет...

Что, если Тимоха начнёт рассказывать про висули или про сарай с сеном? Тогда надо мной начнут смеяться и Димка и Машутка, а мать, верно, покачает головой и подумает обо мне очень плохо. Насилу дождавшись конца ужина, благодарю хозяйку и вылезаю из-за стола.

Укладываемся на сеновале, и я решаюсь объяснить, почему мы тогда сняли наживку с висуль. Димка смеётся. А Тимоха напускается на нас обоих:

— Хватит вам, давайте спать!

Несколько позже, когда Димка уже блаженно сопел, а я вот-вот готов был нырнуть в глубокий сон, раздался громкий хохот Тимохи. Я испугался и сел на подстилке.

— Ты чего? — удивился я.

— Говоришь, значит, не знали вы, что висули наживляют? — спросил Тимоха, едва сдерживая смех.

— Ну да, не знали...

— Ишь ты, чудно́ как! — сказал он и, перевернувшись на другой бок, добавил сонно: — Ну ладно, спи...

18. У П Р Я Ж К А

На другой же день после пожара я сказал Витьке:

— Давай потренируемся пилить, а то ведь со-
вестно...

Под навесом лежал трёхметровый дровяник. Когда мы предложили бабке перепилить его на дрова, она не только выдала нам пилу, но и показала размер будущих поленьев.

Примерно через два часа мы немного освоили это сложное дело. Но ещё надо было попробовать пилить лес с корня. Для этого мы решили отправиться в лес и свалить там пару деревьев. С пилой на плече мы двинулись к лесу, но на крыльце появилась бабка Аграфена:

— Куда вас несёт нечистая сила?

Никакие объяснения не помогали. Если бы не дед Никанор, пришлось бы нам возвращаться под навес и продолжать пилить «долготьё», как назывался длинный дровяник, на «коротьё», как именовались четыре полена, получавшиеся в результате нашей работы.

— Погоди, старая, я разберусь, — сказал дед, выйдя из мельницы на шум, поднятый бабкой.

Старуха ушла, но я знал, что и в избе у печки она продолжает ругаться.

— Вы какие деревья валить собираетесь? — спросил дед Никанор, узнав о нашем намерении.

— Да вот, в лесу, — неопределённо ответил я.

— Так не полагается, — покачал он головой, — без разрешения лесника нельзя лес портить.

— Нам только попробовать, — откровенно сознался я, — на пожаре ребята пилят, а я взялся и не могу...

— Ладно, пошли, — согласился дед после короткого раздумья и решительно повёл нас через лавы на противоположный берег.

Мы шли и шли по лугу, я даже начал побаиваться: наверное, дед задумал шутку. Поведёт нас километров за пять, пока сами не откажемся и не попросимся домой. Но Никанор Николаевич остановился возле той самой черёмухи, с которой я когда-то ночью воевал.

— Видишь, старая молодым мешает, — показал он на высохший ствол дерева, — а это не положено. Пили, пускай свежие побеги растут.

Подобравшись к стволу черёмухи, мы наставили пилу и приготовились. В горизонтальном положении пилить оказалось много труднее. Да ещё дед Никанор командовал:

— Ниже, ниже! Длинный пень не оставляй!

С горем пополам справились с черёмухой. Моя недавняя обидчица рухнула на землю. Дед легко взвалил дерево на плечо, донёс до мельницы и бросил под

навесом вместе с «долготъём», которое скучно глядело, ожидая нас.

На другой день, на наше счастье, рано утром загремел гром, и разразилась гроза. Молнии с треском рассекали тёмное небо. Один удар не успевал затихнуть, как раздавался новый, а потом долго ещё громыхало протяжно и раскатисто.

Бабка Аграфена, больше всех в доме переживавшая по поводу засухи, теперь была, кажется, снова недовольна.

— Эк ведь его! — ворчала она после каждого сильного удара и торопливо крестилась на старую, потускневшую икону в углу избы. — Долго ли до греха, Никола-заступник...

Но, как только гроза закончилась и мы собрались было побегать на реке, бабка накинулась:

— Опять воду мутить? А дрова кто пилить будет?

Мы захватили пилу и отправились под навес. Витька со вздохом сказал:

— Выдумал ты это пиленье, чтоб оно пропало!..

Мне и самому не очень нравилось целый день таскать пилу туда-сюда. Но куда денешься? Бабка и так не раз намекала, что мы третий месяц живём байбаками на чужой шее.

Работа шла медленно. В конце дня гряда «долготья» не становилась заметно меньше, а гряда «коротья» — больше. Но зато появление на мельнице Сеньки вселило в нас надежду. Если бы приятель изобрёл на завтра какое-нибудь занятие, то ни дед, ни бабка не стали бы возражать. Это был единственный способ избавиться от проклятых дров.

Когда мы изложили свои соображения Сеньке, он развёл руками:

— Завтра никак не могу. Сам ухожу на несколько дней в полевой стан.

— Возьми нас с собой, — взмолился Витька, — мне эти дрова прямо шею перепилили! Сегодня и так всю ночь снились.

— В стане тоже не в игрушки играют, — заметил Сенька.

— Ну и что ж, и мы не играть будем, — вмешался я.

Бабка немного пошумела, узнав о нашем уходе в полевой стан, но скоро утихла. А вечером даже собрала нам кое-что в дорогу.

Сенька зашёл за нами рано утром, как мы и договорились накануне. Поднялся я довольно легко, а после умывания на реке и вовсе почувствовал себя сильным.

— Э-э, а тапочки всё же наденьте, — предложил Сенька, заметив, что мы собираемся идти босиком.

— А ты почему? — запротестовал Витька.

— Я привычный.

— Мы тоже привыкли, всё время босиком и в лес и на пожню.

— Дай в корзинку суну, не отяжелит, — закончил споры Сенька, кладя тапочки на дно корзинки, где лежало уже что-то завёрнутое в белую холстину.

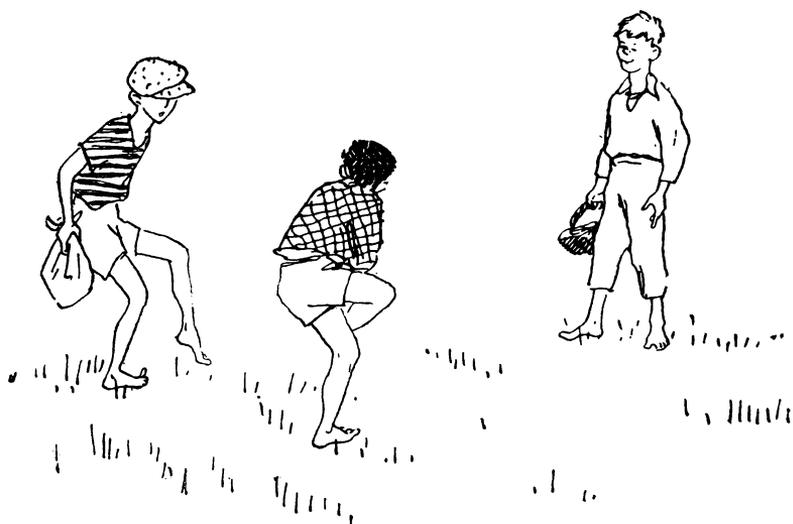
Мы перешли лавы и затопали по скошенному лугу, напрямик. Перешли луг, миновали лес и вышли на дорогу. Мы шагали, наверное, больше двух часов. Наконец Сенька показал рукой на огромное поле:

— Вот он, колхозный полевой стан.

Когда мы вошли на сжатую полосу, то оба с Витькой словно разучились ходить. Всё, что раньше испытывали наши босые ноги: скошенные луга, хвою в бору, сухой баговник, — всё это по сравнению со стерней могло показаться мягким пушистым ковром. Мы, словно цапли, не двигаясь с места, поднимали то одну, то другую ногу, пока Сенька с улыбкой не подал тапочки.

— По жнивью с непривычки не пройдёшь, — сказал он и пошёл вперёд, ступая босыми ногами по ключему полю, словно по ровной и гладкой дороге.

— Сенька! — закричала какая-то девушка, правившая пароконной жнейкой, — иди скорее, а то я из-

мучилась с Анюткой! — и показала на девушку с вилами, идущую рядом.

— Сейчас, только ребят отведу, — махнул рукой наш товарищ и пояснил, обращаясь уже к нам: — Мы с ней постоянно работаем, привыкли друг к другу...

Сенька сдал нас бригадирю на току. Как мне показалось, это было очень весёлое и шумное место. Длинный, открытый со всех четырёх сторон навес располагался около дороги, пересекавшей поле. Сюда со всех сторон свозили снопы.

Рядом с навесом работал трактор. Длинный приводной ремень от него бежал на шкив молотилки, стоявшей под навесом. Молотилка тарыхтела шестернями, громыкала барабанами и, словно ненасытный великан, глотала толстые, гладко причёсанные снопы. А с противоположного конца вылетала лохматая солома. И там, позади, солома уже поднималась высокими скирдами. Из узкого рукава сбоку молотилки сыпалось зерно в большие пузатые мешки.

Мы стояли возле бригадира, а тот поглядывал на нас с обидной улыбкой, придумывая, куда нас определить на работу.

— Ребятишки колоски идут собирать, — наконец указал он на малышей, толпившихся возле своей учительницы, — хотите вместе с ними?

— Нет уж, давайте нам работу, — попросил я, — мы не такие маленькие...

— Глаша! — крикнул тогда бригадир. — Возьми двоих на скирдовку.

Так началась наша работа. Мы забрались на скирду и принялись помогать двум таким же, как мы, паренькам укладывать и приминать солому. Как тут ребята управлялись без нас? Нам и вчетвером-то некогда было перевести дух, только успевай поворачиваться.

Внизу несколько взрослых девушек поддевали солому на вилы и забрасывали её к нам наверх. Солома летела крупными охапками, в воздухе стояла едкая пыль. Першило в горле, потное тело зудело, но даже почесаться как следует не хватало времени.

А ребята носились по скирде, разбрасывали солому и приплясывали на ней да ещё успевали подставить друг другу ножку. Они оба падали и, барахтаясь в соломе, громко хохотали.

— Эй, малый, у тебя вся спина сзади! — вдруг закричал голубоглазый паренёк Ванюшка, испуганно указывая на спину Витьки.

Тот не сразу сообразил, в чём дело, и завертелся, пытаясь увидеть, что произошло с его спиной. А двое озорников заливались, довольные удавшейся шуткой. Особенно заразительно хохотал второй паренёк, поменьше, которого звали Петькой. Чёрные, немного раскосые глаза Петьки от смеха ещё больше суживались и хитровато сверкали. Его взгляд беспрестанно перебегал с одного предмета на другой, будто отыскивая, над чем бы можно было ещё посмеяться.

— Глашка! — кричал он девушке внизу. — Гляди, твоя Дуська солому ворует, за пазуху прячет.

А там и на самом деле одна из девушек неудачно бросила на скирду охапку, и солома набилась ей в ру-

кава и за ворот кофточки. Она вытряхивала солому и шутиливо грозила Петьке пальцем.

— Бесстыдник, зачем же выдаёшь? Совесть у тебя есть?

— Не-е, — замотал головой Петька, — я её в солому выронил, нешто теперь сыщешь...

Солнце поднималось всё выше и выше над нашей скирдой. Она тоже становилась выше и увеличивалась в длину. Но это не радовало меня. Слишком сильно припекало солнце, и слишком быстро надо было разворачиваться здесь, наверху. Не раз уже я прикидывал в уме: не лучше ли было на мельнице пилить бабкины дрова в тени под навесом? Там хоть отдохнуть можно.

Ванюшка прикрылся ладонью, поглядел на небо и обнадёживающе пообещал:

— Должно, скоро обед привезут.

— Да-а, скоро! — усмехнулся Петька. — Часа через два, не раньше.

— А когда обед бывает? — попробовал я уточнить.

— Как солнышко над той вон сосной будет, так и обед привезут, — пояснил Ванюшка и показал рукой на одиноко растущую далеко в поле сосну.

— А кончают когда? — поинтересовался Витька.

— После обеда ещё одна упряжка, и всё, — бойко ответил Петька.

— А-а-а, — понимающе протянул мой друг.

— Ты знаешь, много это — упряжка? — спросил я тихо у него.

Но Витька ничего не ответил и только пожал плечами.

Обед привезли точно, как пообещали наши новые товарищи. Прошло не менее двух часов, солнце сравнялось с одиноко стоящей в поле сосной, когда на ток приехали повара.

— Ну что, я же вам говорил! — ликовал Ванюшка. — Смотрите, где солнышко...

Обедали быстро, а потом каждый прикорнул, где мог. Мы четверо устроились в тени за скирдой и медленно заснули. Девушки разбудили нас, как мне показалось, едва я только успел закрыть глаза. Какая мне была радость от того, что Ванюшка показывал на солнышко, далеко ушедшее от заметной сосны.

Началась новая упряжка. Всё было то же самое: работал трактор, неудержимо стремительно бежал приводной ремень, молотилка гудела, трещала, тархтела и гремела. Золотые снопы ржи передавались из рук в руки, исчезали в барабане сложного механизма. Словно горный ручеёк, падающий со скалы, непрерывной струёй текло зерно из рукава молотилки. Мелькали вилы, летела к нам навех солома.

Долго тянулась упряжка. Солнце ушло на противоположную сторону поля и там повисло над самой землёй. Но на колхозном току кипела размеренная работа. Изредка покрикивала на нас, поплёскивая весёлыми синими глазами, Дуся:

— Эй, пареньки, пошевеливайтесь!

При всём желании мы не могли быстрее шевелиться. Свободного времени и так оставалось только на то, чтобы утереть пот с лица. Даже Ванюшка с Петькой и те поутихли, перестали шутить и «купаться» в соломе. Витька наклонился ко мне и зашептал:

— Надо домой уходить отсюда!

19. СОЗВЕЗДИЕ ВОДОЛЕЯ

И всё же упряжка кончилась. Правда, и после того, как солнце скрылось за горизонтом, продолжалась работа, но уже с поля не привозили новых снопов. Жнейки, целый день словно стрекозы трещавшие и взмахивавшие лёгкими крыльями, наконец затихли и остановились. Я сверху видел, как Сенька распрягал лошадей. Жнецы возвращались с разных концов поля к навесу.

Остановились и наши неумолимые механизмы. Наступила такая тишина, что даже в ушах зазвенело. Мы, привыкшие говорить, пересиливая шум машин, продолжали кричать друг другу, словно глухие. И это невольно вызывало смех, несмотря на усталость.

— Сейчас ужин будет! — кричит Петька.

— Помыться бы хорошо! — говорю я как будто бы тихо, но сам ору на весь ток.

— Погоди, немного сполоснёмся, — обещает Ванюшка и первым скатывается со скирды.

Мы следуем за ним, и опять получается весело. Бежим к водовозной бочке. Поливая друг другу из кружки, умываемся. Тут же плещется Сенька.

— Ну, как поработали? — спрашивает он.

— Хорошо, — отвечаю я и, подмигнув, добавляю: — только Витька говорит, упряжка длинновата...

— Она и у тебя не короче вышла, — отшучивается приятель.

— А вы не горюйте, — смеётся Сенька, — она к осени с каждым днём короче...

— Зимой, должно быть, и вовсе короткая, — говорю я.

— Конечно, — соглашается Сенька, — зимой солнце только взошло, глядь — уж и садится.

Он утирается холщовой тряпкой и сообщает, будто по секрету:

— После ужина можно как следует на реке помыться. Поедем лошадей пасти.

И мы едем. Мальчишек подобралось, кроме нас, Сеньки и Ванюшки с Петькой, ещё трое — всего восемь человек. У каждого по лошади. После ужина наш маленький кавалерийский отряд верхом двинулся по полю в направлении видневшейся вдали редкой гряды деревьев.

Уставшие за день кони неторопливо переставляли ноги, и продвигались мы довольно медленно. Меня это нисколько не огорчало. Даже наоборот, случай с тачанкой живо воскресал в памяти, и я больше всего

боялся быстрой езды, особенно в таком неустойчивом положении, как верхом на спине у лошади. Я был убеждён, что, скакни моя лошадка два раза, — и я буду на земле.

Мы проехали редкую грядку леса и стали спускаться в пребрежный луг уже совсем в сгустившихся сумерках. Лошадей стреножили и пустили пастись, повесив одной из них на шею медный шаркунец, грубо дребезжавший при каждом движении животного. На самом берегу запылал огонь. Мы полезли купаться, пользуясь светом весёлого костра.

Надо сказать, что ночное купание доставило мне не меньшее удовольствие, чем купание в яркий солнечный день. Воспользовавшись небольшим куском хозяйственного мыла, которое захватил с собой запасливый Сенька, я хорошо помылся, освободился от пыли, налипшей на меня за две длинные упряжки.

Петька вылез из воды первым. Ванюшка немедленно бросил в него горсть песку. Тот не остался в долгу и, как только обидчик очутился сам на берегу, запустил в него золой и даже целой головешкой. С этого и началась возня. Не знаю, как долго это могло бы ещё продолжаться, но огонь стал угасать, и всем пришлось заняться дровами.

Костёр разгорелся. Яркие языки пламени высоко вырывались в небо, разбрасывая искры. Пламя будто дразнило своего извечного противника — воду, облизывая реку летучими красными бликами. Мы уселись вокруг костра. Сенька отправился поглядеть коней, а когда вернулся, то сразу же строго обратился к одному из незнакомых мне пареньков:

— Мишка, где Володька со Стёпкой?

— Не знаю, я их не пасу, — хмуро ответил Мишка, почему-то отводя глаза в сторону.

Я только сейчас обратил внимание, что нас осталось шестеро. По хитрой улыбке Ванюшки можно понять: произошло нечто забавное.

— Опять небось за картошкой на юхинское поле

полезли? — избавил меня Сенька от напрасных догадок.

— Откуда я знаю! — отмахнулся Мишка.

— Хоть уж не ври. Ты-то не знаешь! Поди, вместе обмозговали...

Через полчаса послышался плеск воды, потом в свете костра показались две фигуры в одних рубашках, высоко закатанных на груди. Сенькины предположения полностью подтвердились.

— Ну, чего ходили? — укоризненно спросил он.

— Не видишь, что ли? За картошкой, — спокойно ответил Стёпка.

— А зачем?

— Печь будем.

— «Печь»! — передразнил Сенька. — А потом юхинские начнут везде рассказывать, что мы воры...

— Подумаешь! Пусть рассказывают. Они, что ли, не копают на нашем поле? — вставил пренебрежительно Володька.

— Много тут картошки, — усмехнулся Стёпка, — всего три куста копули...

— Брось ты, Сенька, — вмешался Ванюшка, — ничего не будет до самой смерти. Пошли картошку мыть...

Тихо шелестела река под кустами, а где-то дальше в темноте, видимо на крутом повороте, вода журчала, будто смеялась вполголоса. Вдруг совсем рядом, на той стороне, залиvisto запела птица. Никогда до сих пор я не слышал такой нежной, такой витиеватой песни. Она то рассыпалась громкой частой трелью, то затихала на едва слышной высокой ноте, потом опять вырывалась, будто звонкая вода, прорвав плотину, трепетала, журчала и снова затихала, таяла в вечернем воздухе.

— Соловей, — прошептал Мишка.

Мы совсем перестали мыть картошку и напряжённо вглядывались в темноту, откуда лилась эта песня, будто можно было в невидимых кустах разглядеть со-

ловья. Всё кругом притихло. Лишь слышалось ленивое побрякивание грубого шаркунца, но и оно не могло помешать соловьиной песне.

— Где вы там? — послышался нетерпеливый возглас Володьки. — Потонули, что ли?

— Сейчас идём, — ответил Мишка.

И мы принялись торопливо домыть картошку.

Над костром уже висит закопчённый солдатский котелок с водой. Захватил его с собой, конечно, Сенька. Нашлась у него и горсть сухой малины для заварки. Картошка закопана в горячую золу. Мы все, присмирив, сидим вокруг костра в ожидании ужина.

Пир удаётся на славу. Печёная картошка, ароматная, рассыпчатая, тает во рту. Правда, приходится долго дуть на пальцы, прежде чем картофелина даётся на съедение, но, может быть, именно от этого она особенно вкусна.

— У вас в Москве небось такой не бывает? — спрашивает Ванюшка.

— Чего нет, того нет, — соглашается Витька, перекатывая очередную картофелину из одной ладони в другую.

— То-то же, будете вспоминать нашу картошку, — продолжает Ванюшка. — У нас ещё и не то есть. Знаешь, как из фуражки зеркало делать?

— Нет, — простодушно отвечает Витька.

— Хошь покажу?

— А как это?

— Давай свою кепку.

— Испортишь ещё...

— Честное слово, не испорчу, — клянётся Ванюшка.

Витька подаёт свою серую кепку, а Ванюшка вертит её в руках и разочарованно говорит:

— Ничего из неё не выйдет, больно светлая.

— На мою, — с готовностью протягивает свою чёрную фуражку Петька.

— Это другое дело...

Мне кажется, что готовится какой-то подвох, и я готов тихонько толкнуть Витьку в бок, предупредить, но Петькин жест с кепкой несколько успокаивает меня. Я с любопытством наблюдаю, что будет дальше.

— Только, ребята, не смейтесь, — серьёзно говорит Ванюшка, — этот опыт вроде бы физический, обман зрения, и, если смех будет, ничего не выйдет...

Он оставляет у себя серую кепку, а фуражку отдаёт Витьке и велит ему повторять каждое своё движение. Он уверяет, что через некоторое время, взглянув в донышко фуражки, Витька увидит своё отражение, словно в зеркале. Начинаются сложные манипуляции. Витька внимательно следит за Ванюшкой и повторяет все его движения. Кое-кто из ребят не выдерживает и смеётся.

— Так ничего не выйдет! — сердито заявляет Ванюшка и откладывает кепку в сторону.

— Не мешай же! — шумят ребята на провинившегося Петьку.

И тот падает на землю, уткнувшись в ладони лицом.

— Валяй, Ваня...

— Давай, он больше не будет...

Ванюшка наконец соглашается, берёт в руки кепку и снова начинает сложные движения. Вот он проводит по донышку кепки, а потом по щеке. Витька в точности повторяет Ванюшкины движения, и я вижу, что на его щеке остаются следы сажи от всех четырёх пальцев. Ясно, что дно фуражки, которая находится в руках у моего друга, вымазано сажей. Но Витька этого не замечает и продолжает рисовать свою физиономию сажей во всех направлениях.

— Ну, теперь гляди! — командует Ванюшка.

Витька смотрит в дно фуражки и, конечно, ничего

не видит. Он обводит взглядом хохочущих ребят и только теперь начинает догадываться, что его разыграли.

Наше безудержное веселье, видимо, спугнуло соловья. Он улетел, и теперь его песня доносится откуда-то издалека. А у нас начинается чаепитие. Котелок с душистым малиновым настоем переходит из рук в руки. Каждый, сделав два глотка, передаёт котелок дальше. Теперь наши руки похожи на Витькины во время опыта, так как котелок весь закопчён.

— Витька, может, в дно котелка поглядишь? — подмигивает Петька.

— Ладно тебе! — сердится тот, но потом и сам улыбается.

Тут я тоже решаю провести опыт. Но, чтобы не спугнуть Ванюшку, подготовить его, начинаю изда- лека.

— Ты вот смеялся, в шутку опыт показывал, — серьёзно говорю я, — а знаешь, как на небе созвездие Водолея отыскать?

Ванюшка осторожен, молчит, обдумывая вопрос со всех сторон, стараясь предусмотреть все заложен- ные в нём мины. Но ведь я не один, и добровольные помощники сейчас же включаются в работу.

— Есть такое созвездие, нам учитель говорил, — подтверждает Мишка, — оно в знаках Зодиака...

— Правильно, — отвечаю я, хотя сам об этом знаю очень мало. — А где оно на небе?

— Большая Медведица — вот она, — показывает Ванюшка, начиная помаленьку клевать на мою удочку.

— Медведицу всякий знает, даже первоклассник. А я говорю — Водолей.

Теперь я начинаю давать объяснения солидно, лекторским тоном, а все кругом молчат, внимательно

слушают. Я чувствую, что бдительность Ванюшки притупляется, и подвожу его к опыту.

— Невооружённым глазом это созвездие увидеть почти невозможно, но в особо тёмные, безлунные ночи из глубокого колодца... — выкладываю я свои небогатые астрономические познания.

— Только из глубокого колодца? — спрашивает Ванюшка, окончательно проглотив мою наживку.

— Можно попробовать через рукав, — подумав, отвечаю я.

Ванюшка колеблется. Но любопытство берёт верх. Да тут ещё Мишка с Володькой вызываются первыми взглянуть на Водолея. Ванюшка решается.

Не проходит и полминуты, как он через рукав собственной телогрейки смотрит в тёмное небо. А я в тот же рукав выливаю целый котелок речной воды вместе с остатками малиновой заварки.

— Видал Водолея? — корчась от смеха, спрашивает приятеля Петька.

Смех постепенно затихает. Умолкают разговоры. Мы все разбредаемся по берегу и приносим по охапке сушняка. Когда я снова усаживаюсь около костра, то чувствую, как устало смыкаются мои глаза. И я не могу больше бороться со сном.

Утром мы с Витькой не ушли из полевого стана, как намеревались, и снова целый день простояли на скирдовке соломы. Не ушли мы и на следующее утро. К концу третьего дня в стане появился Василий Никанорович, приехал на подводе с горячим.

Первым делом он подошёл к трактористу и поговорил о чём-то с ним. Потом они вместе, словно доктора, со всех сторон выслушали мотор. Перейдя к молотилке, долго и внимательно осматривали и выслушивали её.

— Дядя Вася! — закричали мы сверху, когда он подошёл близко к скирде.

— Э-э, вот вы куда забрались! — с улыбкой закричал он и начал карабкаться на скирду.

— Мы уже третий день работаем, — с удовольствием доложил я нашему тренеру.

— Да вы, я смотрю, совсем молодцы! — похвалил он, и в этих словах я услышал новый оттенок: дядя Вася был доволен нами.

— Мы и на пожаре работали, — сообщил с гордостью Витька.

— Это я знаю, люди говорили...

«Значит, замечают люди», — невольно подумал я.

— Сегодня домой пойдём. Я за вами зайду к вечеру, — сказал Василий Никанорович, спрыгивая со скирды.

20. „АДРЕС ЗНАЕШЬ!..“

Снова мы на мельнице. После трёхдневного отсутствия я подходил к ней с тревожно замирающим сердцем. Хотелось скорее увидеть деда Никанора, бабу Аграфену, увидеть знакомые места: лавы, плотину, дом на горе, шумливое мельничное колесо, реку. А ещё хотелось увидеть мамино письмо. Я даже представил себе конверт с кругленькими буквами, написанными её рукой.

И мои ожидания не были напрасными: в моих руках мамино письмо.

Только теперь я совершенно ясно понимаю, что тосковал я вовсе не по мельнице и не по реке. Я понял, что меня уже давно тянет в далёкую Москву, домой, к маме. Как же мне скучно без неё! Я читаю и перечитываю мамино письмо, и всё в нём мне кажется необыкновенным.

«Дорогой мой, я наскучалась без тебя и жду не дождусь, когда ты вернёшься домой. Деньги на дорогу перевела на имя Василия Никаноровича. Большой ему привет и благодарность. Кланяйся его родителям. Хоть я их и не знаю, но думаю о них с неизменным уважением.

Надеюсь скоро обнять и поцеловать моего единственного...»

Через два дня мы с Витькой уезжаем. Василий Никанорович выдаёт нам деньги на билеты и на дорогу.

— Лошадь бы взял в колхозе да проводил ребяташек, — ворчит бабка Аграфена, занятая около печи приготовлением нам в дорогу своих знаменитых ватрушек.

— Ребята молодые, — смеётся дядя Вася, — ноги крепкие. Пешком добегут до станции, здесь рядом.

— Дойдём, — подтверждает Витька.

— И отвезти бы можно, — вставляет дед Никанор.

— Ничего, ничего, время горячее, в колхозе каждый конь на учёте. Правда, Сергей?

Я, конечно, соглашаюсь, но знаю, что, если бы дядя Вася захотел, нашлась бы и лошадь, а то и полуторка. Тут, как я понимаю, есть другие причины. Потому дядя Вася и провожать нас не хочет. Один Сенька отправляется с нами на станцию.

Ну что ж, мы постараемся доказать нашему тренеру, что кое-чему научились за эти два с половиной месяца.

А то, что дядя Вася не будет с нами, пожалуй, даже и лучше. Я так боюсь разговоров о нашей дурацкой экспедиции в северные моря! Вдруг Василий Никанорович заговорит об этом при Сеньке? От стыда сгоришь! Сенька лучше всех знает, что мы можем и чего не можем.

Уложены рюкзаки. В корзинку сложены ватрушки, две жареные курицы, бутылка молока, огурцы и десяток варёных яиц. Сенька тоже приносит огурцов и варёных яиц.

— Куда нам столько? — протестует Витька.

— Ничего, съедите, — говорит бабка Аграфена. — Не успеете съесть — домой привезёте, родных нашим, деревенским угостите...

— Да, — вдруг что-то вспоминает Сенька, улыбается и лезет в карман, — я тебе подарок принёс.

И то, что я вижу, превосходит все мои самые фантастические надежды. На ладони приятеля лежит мой замечательный нож с двумя лезвиями, отвёрткой, шилом и штопором.

— Откуда? — хватаю я нож. — Откуда он взялся?

— Тимоха встретился в сельмаге и отдал. Снеси, говорит, своему дружку московскому...

— Как же он его отыскал?

— Должно, сено убирали из сарая, а может, ещё как...

— Ну, присядем перед дорогой, — говорит дед Никанор.

Все садятся по лавкам, дядя Вася опускается на рундук у печки. Сидим молча. Я слышу, как шумит вода у плотины и поют птицы в прибрежных кустах.

— Теперь вставайте, — произносит дед Никанор.

Надеваем рюкзаки. Сенька поднимает корзинку, и все мы выходим на крыльцо.

— До свиданья, бабушка Аграфена, спасибо вам за всё! — говорю я и чувствую, как голос у меня начинает дрожать. — Спасибо и вам, дедушка Никанор, до свиданья!

— Может, и не свидимся больше, люди мы старые, — отвечает дед, — а желаем мы вам счастливого пути, внучки, на всю вашу долгую жизнь.

Никанор Николаевич наклоняется и, щекоча бородой, поочерёдно целует нас обоих.

— Отпишите хоть, как приедете-то, — просит бабушка Аграфена и начинает плакать, утирая слёзы передником.

— Обязательно напишем! — кричу я и машу рукой старикам, оставшимся около крыльца.

И мы уходим по дороге в лес. В горле у меня застрял комок, и я его никак не могу проглотить. Чтобы не разреветься, начинаю разговаривать с дядей Васей, которому с нами по пути до большака.

— Хорошие они какие...

— Да, — вздыхает дядя Вася, — у стариков, брат, за плечами немалая жизнь, и не всегда она у них была лёгкой.

Это я тоже знаю. Мне опять вспоминается наша экспедиция, благодаря которой мы попали сюда.

— Василий Никанорович, — выдавливаю я, мучительно подыскивая наиболее подходящие слова, — если мы делали что не так, вы не думайте, мы понимаем...

— Ладно, Сергей, чего старое поминать, — спокойно отвечает дядя Вася, — для того и живут люди на свете, чтобы ума-разума набираться.

Мы расстаёмся на дороге. Василий Никанорович, словно взрослым, пожимает каждому из нас руку, желает благополучно добраться, просит написать по приезду в Москву и уходит по дороге к Ерёмову. Мы некоторое время смотрим ему вслед. Может быть, обернётся и помашет рукой? Но дядя Вася идёт всё дальше и дальше размеренной походкой, идёт уверенный, крепкий.

Он всегда так ходит, и я знаю: никогда не оглядывается назад. У него столько дел впереди. Мыслями он уже, наверное, там, на своей МТС или на колхозном току, в мастерской, где ремонтируются тракторы, полуторки, движки, где всегда что-то требуется: запасные части или горючее, смазка или приводные ремни.

До станции мы добираемся сравнительно быстро, и я почти не чувствую усталости. Мне показалось, что за эти недели расстояние в пятнадцать километров до станции значительно сократилось. Может быть, наши рюкзаки стали легче или ноги попривыкли к переходам?

До поезда остаётся ещё три с лишним часа.

— Сбегать бы искупаться на реку, — предлагает Витька.

— Не обернуться, а поезд ждать не будет, — предостерегает Сенька.

Заходим в крохотный станционный буфет. Здесь ни души. Даже буфетчицы не видно за стойкой, выкрашенной в скучный грязно-жёлтый цвет.

— Есть кто тут? — кричит Витька.

Через некоторое время из маленькой двери выходит полная женщина в халате. Она сонно смотрит на нас.

— Ну, што вам? — спрашивает она, сдерживая зевоту.

— Попить у вас есть?

— Квас.

— А воды никакой нет?

— Целый бачок...

— Да нет, лимонной или клюквенной.

— Нету, — резко отвечает буфетчица, собираясь уходить.

Мы покупаем три пол-литровых банки квасу, выпиваем их тут же, возле стойки, и выходим на улицу. Рядом с вокзалом растут какие-то низкие кустики не то ивы, не то жёлтой акации. Листья такие пыльные, что определить невозможно. Тут мы и садимся в тени.

Мне хочется сказать Сеньке на прощание что-то важное, но что именно, я не знаю и потому молчу. Молчат и оба мои приятеля. Время тянется медленно. Я ложусь на спину и гляжу в небо, по которому плывут редкие облака.

— Вот, значит, и едете, — нарушает наконец молчание Сенька.

— Едем, — вздыхает Витька.

Ребята опять замолкают. А я наблюдаю за облаками. Они плывут в ту же сторону, в которую поедem и мы с Витькой. Но всё же мы, наверное, будем в Москве быстрее.

Остаются считанные минуты до прихода поезда. Мы купили билеты и стоим на перроне. И сейчас не находится нужных слов. А молчать неприятно. Скорее бы приходил поезд!

Паровоз издалека оповещает о своём приближении протяжным красивым гудком. Всё ближе и ближе поезд. Вот он подкатывает к станции. Лязгают буфера вагонов. Оживает платформа. Мы прощаемся с нашим новым другом и забираемся в вагон.

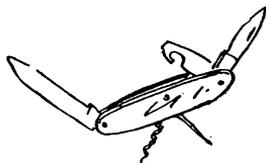
— На-ка, поддержи, — неожиданно вспоминаю я и, сунув рюкзак в руки Витьке, выскакиваю на платформу к Сеньке.

Дежурный в красной фуражке уже дважды ударил в звонок, уже залиvisto поёт кондукторский свисток, ревет паровоз могучим бархатным басом.

— Сенья, держи на память! — кладу я в руку товарищу свой ножик и вскакиваю на площадку вагона, начинающего тихо двигаться. — Пиши! — кричу я Сеньке, который идёт за нашим вагоном. — А будешь в Москве — адрес знаешь!..

— Знаю! Напишу!..

Всё быстрее и быстрее движутся вагоны. Поезд набирает ход, и колёса отбивают частые удары на стыках рельсов. Я радостно думаю о возвращении домой, и всё же мне грустно расставаться с новыми людьми, которых я узнал за эти каникулы, с новыми местами, которые я не только узнал, но и успел полюбить вместе с этими людьми, а может быть, только благодаря им.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С тех пор прошло немало лет. Жизнь раскидала нас в разные стороны. Виктор служит в Северном флоте, на боевом корабле. Его мечта осуществилась — он плавает в суровых северных морях. Я изредка получаю его торопливые, короткие письма, по-

лучаю их там, где они успевают меня догнать, — то в сибирской тайге, то в Алтайских горах, куда я попадаю с геологической партией, в которой работаю. Я тоже не жалею на свою судьбу и считаю, что моё самое заветное желание сбылось. Во всяком случае, более интересной и более увлекательной работы, чем моя, я не знаю.

Когда удаётся выбраться домой навестить мою постаревшую, любимую маму, я непременно захожу вечером и к Петру Николаевичу побеседовать за чашкой чая. Иногда подсаживается к нашему столу и «вредная соседка» Варвара Алексеевна. Мы теперь с ней большие друзья. Это ведь она тогда вместе с Василием Никаноровичем уговорила родителей отправить нас в деревню, чтобы предоставить нам самостоятельность, предоставить возможность «набивать синяки», «набирать жизненный опыт», как говорит Варвара Алексеевна.

В этом году в конце лета произошла замечательная встреча с моим Виктором. Он приехал в краткосрочный отпуск, когда я гостил у мамы. А через несколько дней у нас в квартире появился Василий Никанорович. Он опять приехал в командировку. Как это было чудесно — собраться всем вместе!

Мы засиживались допоздна. Вспоминали нашу северную экспедицию, поездку в деревню и очень много смеялись. А потом наступала минутка тишины, каждый задумывался о чём-то своём. И вот однажды в этой тишине заговорил Виктор:

— А всё-таки, знаете, тогдашняя тренировка мне лично очень пригодилась, особенно в первое время службы на море...

И я хорошо понимаю Виктора. Мне ясно, что морская служба не такая лёгкая, как это может показаться человеку, не испытавшему ничего в жизни. Да ведь и всякое дело даётся не сразу. Разве мне легко было привыкать к работе геолога? Бесконечные переезды, длинные пешие переходы под дождём и солн-

цем, в пургу и в мороз, ночёвки где попало — в сарае, а то и вовсе под открытым небом около костра...

Как часто где-нибудь в тяжёлом таёжном переходе я с большой благодарностью вспоминал нашего доброго учителя Василия Никаноровича. Вспоминал старого мельника, его ворчливую жену и жалел, что этих добрых стариков уже нет на свете, вспоминал Сеньку, Димку. Это они меня научили не бояться никакой работы.

Где-нибудь в глубоких алтайских снегах, под завывание ветра, беснующегося в кромешной беззвёздной ночи, я лежу в бревенчатом охотничьем домишке около печки и думаю о людях, которые любят меня и ждут, о людях, которые учили меня жить и любить жизнь.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Итак, дорогие друзья, у вас появились два новых друга — Витя и Серёжа. Да и как не считать друзьями тех, с кем вместе вы путешествовали, ловили рыбу, собирали грибы и тушили лесной пожар! А разве вы от души не смеялись, когда телёнок попал в сети, а осы, устроившие себе гнездо на чердаке, напали на наших героев? Смеялись, ну и, конечно, сочувствовали.

Безусловно кое-кто может возразить: Витя и Серёжа не настоящие ребята, а герои книги. Но разве эти «герои» не похожи на вас самих, разве вам не понятно их желание путешествовать, искать приключений? Разве большинство из вас не поступали так, как Витя и Серёжа? Вот это-то и даёт мне право считать героев книги «Мы с Витькой» вашими новыми хорошими друзьями.

Но не может читатель подружиться с героями книги и не заинтересоваться тем, кто написал эту книгу. Ведь, если бы не большой труд писателя, вы бы никогда не познакомились с Серёжей и Витей. Поэтому мне хочется рассказать читателям книги о её авторе — Олеге Бедарева.

Многие ребята считают, что путь писателя начинается так: кончает человек школу, поступает в литературный институт, оканчивает его и становится писателем. На самом деле путь «в писатели» куда длиннее и сложнее. Ведь будущий литератор иногда вовсе и не думает стать писателем и в литературный

институт не поступает. Бывает, проживёт человек уже не малую жизнь и только тогда в нем открывается талант писателя. Ему, много повидавшему и пережившему, вдруг захочется рассказать об этом людям, и он начинает пробовать своё перо.

В юности Олег Бедарев не собирался стать писателем. Он считал, что его призвание — техника. Поэтому, окончив школу, он поступил в техникум. Днём учился, а вечерами работал в конструкторском бюро. Молодой конструктор трудился над чертежами и одновременно рисовал. Когда товарищи увидели его первые работы, они отнеслись к нему с горячим участием.

— У тебя, Олег, талант!

— Олегу надо учиться живописи!

И вот в 1932 году районный комитет комсомола направляет Олега Бедарева на учёбу в художественный институт. Прощай, техникум! Прощай, конструкторское бюро! Перед Олегом открывается новое поприще — он будет художником.

После института Олег Бедарев начинает работать в московских издательствах. Он делает иллюстрации к книгам.

В 1937 году Олега Бедарева призывают в армию. Три года он проводит в военном строю. В армии он был и рядовым бойцом, и художником, и политработником.

В 1940 году Бедарев написал своё первое стихотворение для детей. Он вернулся из армии, полный творческих планов. Ему не терпелось засесть за работу. Но планам молодого литератора не суждено было осуществиться. Началась война. И снова Олег Бедарев надел гимнастёрку защитного цвета.

Писатель Олег Кельсиевич Бедарев прошёл нелёгкий боевой путь. Война уготовила ему немало испытаний. Но испытания не сломили его. Напротив, его воля окрепла, а талант возмужал. Домой он вернулся с боевыми наградами, в звании гвардии капитана.

Наконец-то осуществилась мечта, которая прошла с ним весь нелёгкий военный путь, — мечта писать стихи. Его стихи печатаются на страницах «Мурзилки». В 1947 году выходит его первая стихотворная книжка — «Азбука для всех». В этом же году Олега Бедарева назначают главным редактором журнала «Мурзилка».

Он много пишет для детей. Главная тема поэта —

труд. Этой геме посвящены его книжки в стихах: «Про каменный уголь», «Плотник Егор», «Твой карандаш».

В последние годы жизни Олег Бедарев пишет много стихов, очерков, рассказов. Его книжки «Салют», «Рано утром», «Мы носим звёзды алые», повесть «Правда» с увлечением прочитали тысячи юных читателей.

В 1959 году Олег Бедарев тяжело заболел. Но, прикованный к постели, он продолжал работать, думать о новых книгах. Он писал: «Сейчас работаю над отдельными стихотворениями, рассказами и пишу большую книгу о сельской школе, о юношах и девушках в колхозе. Очень много замыслов, значительно больше, чем времени. Но, пока есть силы, буду писать. Хочу рассказать о многом, что видел, слышал, пережил и о чём передумал. Может быть, и мои книги помогут юным читателям выбирать более верные пути в жизни, оградят их от некоторых ошибок, помогут увереннее идти по широкой, но не всегда простой дороге жизни».

Я помню Олега Бедарева в больнице. Он лежал на кровати, и мы вели с ним разговор о литературе. Олег рассказывал мне о своих планах, советовался, расспрашивал о товарищах. А в это время он испытывал мучительную, непроходящую боль. Но он был сильным, мужественным человеком, и тому, кто сидел рядом с ним, даже не приходило в голову, что он сейчас тяжело страдает. До последнего вздоха он не терял веры в то, что встанет на ноги, вернется к своему рабочему столу, к своим книгам, стихам, героям... И эта вера поддерживала его. Олег уходил из жизни мужественно и стойко, как боец.

Что ещё сказать тебе, юный читатель, о человеке, прошедшем трудную, но благородную жизнь? Олег Бедарев был бойцом и тружеником. Но он был и весёлым бойцом, и весёлым тружеником. Его огромное жизнелюбие; его постоянная улыбка, кажется, проникли в каждую его строку, передались его героям. Вот почему ты с таким увлечением следишь за Витей, Серёжей и за другими героями книжек Олега Бедарева.

Хочется верить, что книги Олега Кельсиевича Бедарева могут тебе, читатель, сильнее полюбить жизнь, людей, родину.

Юрий Яковлев

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. «Обстоятельство места»	5
2. Приземление	10
3. Снова в путь!	16
4. Испытание судьбы	20
5. «Слезай, приехали!»	24
6. На новом месте	32
7. Отсталая техника	37
8. Рыбаки	44
9. Бредешок	50
10. Поймали	58
11. За грибами	65
12. Бабка Аграфена	74
13. Отважные капитаны	80
14. На чердаке	89
15. Тимоха	95
16. Линия обороны	101
17. В Юхине	110
18. Упряжка	117
19. Созвездие Водолея	124
20. «Адрес знаешь!..»	132
Послесловие	137
<i>Юрий Яковлев. Об авторе этой книги</i>	140

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге издательство просит присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Бедарев Олег Кельсиевич

МЫ С ВИТЬКОЙ

Ответственный редактор
Л. Г. Тихомирова

Художественный редактор
М. Д. Суховцева

Технический редактор
Н. В. Сучкова

Корректора

В. Л. Данилова и Е. С. Карташова

* * *

Сдано в набор 26/X 1959 г. Подписано к печати 25/XII 1959 г. Формат 60×92¹/₁₆—9 печ. л. (6,71 уч.-изд. л.). Тираж 200 000 экз.

Цена 3 р. 35 к.

Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 2661.

Цена 3 р. 35 к.